

БОРЬБА КЛАССОВ

3=4

1931 г.

МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК СССР

РЕДАКЦИЯ: СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 11, ТЕЛ. 3-91-48

Акц. Изд. О-во «Огонек»

НАШИ ЗАДАЧИ

Само название нашего журнала «Борьба классов» целиком определяет содержание журнала. Однако борьба классов настолько многообразна, что находит отражение в самых различных областях общественной жизни. Мы взяли поэтому из этого многообразия лишь исторический опыт революционной классовой борьбы и классовую борьбу наших дней. На основании этого опыта мы ставим себе задачу пропаганды марксизма-ленинизма. Мы должны показать в свете учения марксизма-ленинизма, которое отнюдь не является «серой теорией», а является боевым руководством к действию, как история классовой борьбы в человеческом обществе превращается в средство боевого воспитания масс. Ведь мы и рассчитываем журнал на массы, на рабочий, партийный, комсомольский и колхозный актив, на студенчество вузов и рабфаков, на работников просвещения низовых звеньев.

Октябрьская революция подняла к общественной жизни, к творческому участию в ней миллионные массы, подняла новые пласты народа, жадно ищущего знания, стремящегося осмыслить настоящее и прошлое с точки зрения тех целей, которые ставит себе пролетарская революция. Не следует забывать, что этот новый читатель, новый массовый актив к политической жизни пробужден Октябрьской революцией. Он события рассматривает сквозь призму этой революции, в свете развернувшейся на его глазах классовой борьбы, в свете задач доведения до конца пролетарской революции во всем мире, в свете фактов развертывания социалистического строительства в СССР. Поэтому журнал должен прежде всего освещать историю партии и Октябрьской революции, историю классовой борьбы и социалистического строительства в СССР.

При этом мы должны показать, что классовая борьба в нашей стране, что революционное движение в нашей стране тысячью нитей связаны с классовой борьбой на Западе, с революционным движением на колониальном Востоке. Наша партия на различных этапах революционного движения широко использовала опыт международного революционного движения. Показать этот опыт, рассказать о нем, это значит подвести более широко фундамент под то революционное понимание истории классовой борьбы, которое невозможно без интернационального воспитания. Из этого опыта революционной борьбы других стран мы берем, главным образом, и с т о

рию послевоенной эпохи, мы освещаем факты новейшей истории классовой борьбы. Журнал поэтому должен быть боевым политическим органом, откликающимся на важнейшие политические вопросы борьбы нашей партии и Коммунистического Интернационала. Это не значит, что мы будем игнорировать исторические факты более ранних периодов, знание которых может помочь более глубокому пониманию современности. Как неправильно было бы в боевом журнале давать, главным образом, «историческую старину», так неправильно было бы игнорировать факты революционной борьбы более ранних периодов.

Само собой разумеется, что подход нашего журнала к освещению этих вопросов не должен повторять, копировать другие политические журналы. Журнал «Борьба классов» должен давать исторические комментарии, историческое объяснение важнейших политических фактов, должен давать марксистски-ленинский анализ этих фактов. Современная жизнь наполнена такими фактами ярко кипучей классовой борьбы. Ежедневная печать дает в изобилии факты этой борьбы, но необходимо к этой политической печати дать еще дополнительные исторические сведения, обобщающие справки. Это должен делать наш журнал «Борьба классов».

Мы имеем в виду, что борьба классов в нашей стране протекала в различные периоды несколько различно среди десятков национальностей, влившихся в Союз советских социалистических республик, живших до Октябрьской революции в государстве, которое справедливо считали тюрьмой народов. Показать особенности классовой борьбы трудящихся, рабочего класса, различных национальностей — одна из важнейших задач журнала «Борьба классов».

Исторический фронт приобретает, таким образом, большое боевое значение. История партии и история революции, данные в освещении марксизма-ленинизма, становятся могучим оружием классового пролетарского интернационального воспитания миллионов нового актива. Эта задача может быть выполнена только в том случае, если «Борьба классов» будет вести решительную борьбу со всеми попытками ревизовать учение марксизма-ленинизма в истории. «Борьба классов» будет вести непримиримую борьбу с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, разоблачать социалфашистскую историографию, бороться с великодержавным и местным национализмом. Мы будем внимательно следить за ходом всякого рода дискуссий на историческом фронте, активно участвуя в них в целях осуществления решительного поворота к основным задачам, поставленным партией и Коминтерном.

Точно так же, как во всей нашей партийной работе мы закаляли ряды большевиков в борьбе на два фронта, мы будем вести борьбу на два фронта и в исторической науке, так как борьбу на историческом фронте рассматриваем как один из участков нашей общепартийной борьбы за выработку стройного марксистско-ленинского мировоззрения. С этой точки зрения основной свой удар мы должны направить на правооппортунистические истолкования исторических событий, отражающие влияние мелкобуржуазных классов, вроде теории о гегемонии кулака в крестьянском движении первой революции (теория Яворского), протаскивания гильфердинговских теорий империализма, защиты «организованного капитализма», неверной постановки вопроса об отношении социализма пролетарского к социализму мелкобуржуазному, крестьянскому и т. п.

Одним из видов мелкобуржуазной историографии является в настоящее время также попытка Л. Д. Троцкого за границей в ряде произведений дать освещение истории нашей революции и истории нашей партии с меньшевистско-троцкистской точки зрения, а так как эта точка зрения в настоящее время имеет явно контрреволюционные политические уста-

новки, то мы имеем дело фактически с контрреволюционной историографией, мало или совсем не отличающейся от историографии социал-фашистской. Такие работы Л. Д. Троцкого, как «Моя жизнь», как «История русской революции», показывают, что в данном случае Л. Д. Троцкий выполняет определенный «социальный заказ», пытается вооружить против ленинизма, против большевистской историографии своих читателей. К счастью, этот читатель в большинстве случаев белогвардейский эмигрант. Он, конечно, взасос читает иногда «разоблачение» Троцкого, но Троцкий рассчитывает не только на этого озлобленного белого эмигранта, он рассчитывает на легкоеверие западно-европейского рабочего, которого можно обмануть, скажем, эмблемой серпа и молота на троцкистском органе, выходящем в Испании. Мы должны поэтому давать материал в «Борьбу классов», которым мог бы пользоваться и наш зарубежный товарищ, для того чтобы отражать подобного рода атаки на историю нашей партии.

Кто должен писать в «Борьбе классов»? Мы рассчитываем на очень широкий актив. Мы ставим себе задачу—консолидацию, собирание сил, способных дать выдержанное марксистско-ленинское освещение вопросов истории партии, и истории классовой борьбы и социалистического строительства. Поэтому журнал должен поставить своей особой задачей привлечение к писанию истории самих масс, в первую очередь рабочих — участников гражданской войны и социалистической стройки. Особенное внимание поэтому должно быть уделено отделу «Массы творят и пишут историю», который должен освещать историю социалистической стройки, историю предприятий, районов сплошной коллективизации и т. д., с привлечением самих рабочих и колхозников, в первую очередь ударников. Журнал должен собрать в качестве непосредственных сотрудников и широкий актив молодых товарищей, занимающихся изучением истории партии, истории классовой борьбы, истории народов СССР: слушателей и научных работников наших коммунистических историко-исследовательских учреждений и организаций. В особенности мы призываем к содействию нашему журналу местные отделения Общества историков-марксистов. Многие из этих отделений перестроили в последнее время свою работу лицом к местному революционному движению, и эта правильная установка дает возможность показать на гораздо более широком материале, как воспитывались в классовых боях массы под руководством нашей партии, показать расстановку классовых сил и различных политических партий в революционной борьбе в различные этапы не только в политических центрах — Москве, Ленинграде, но и по глубокой провинции, показать, как богат опыт классовой борьбы, какие исключительные примеры героизма дает эта борьба.

В отделе «По историческим учреждениям» мы хотели бы знакомить с жизнью, с наиболее важными фактами деятельности местных отделений Общества историков-марксистов и других научно-исследовательских обществ и учреждений и поэтому рассчитываем на активную постоянную связь редакции журнала с этими организациями. Мы хотели бы, чтобы между читателями журнала и редакцией установилась самая тесная связь, чтобы читатель не только «почитывал», что «пописывается» в журнале, а чтобы он сам принимал участие в работе журнала. Для этого читатель должен не только давать туда наиболее живой и яркий материал, относящийся к истории классовой борьбы в царской России и в СССР, как и в других странах, к истории нашей партии, к истории Октябрьской революции и социалистического строительства, но он, вместе с тем, должен критиковать нашу работу, указывая нам на недостатки нашей работы, давая советы. Только при таком живом общении с читательской массой, мы считаем возможным правильно выполнить стоящие перед нами большие задачи.

ПРИВЕТ МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Максим Горький опять среди нас — опять в стране, которая восхищается им как величайшим из ее художников слова и которой восхищается он как образцом революционной энергии и пролетарского творчества во всех областях жизни.

Здесь не место оценивать Горького как художника. Но Горький не только художник и, вероятно, даже никогда не сумел бы быть только художником. Недаром царское правительство неоднократно оказывало ему гостеприимство в своих тюрьмах. Надо быть справедливым и к царскому правительству: только за художественный талант оно никого в тюрьму не сажало. Чтобы один из крупнейших художников страны удостоился этой чести, нужно было, чтобы это был живой человек, интересовавшийся не только своим творчеством, но и теми безобразиями, которые творило вокруг него царское правительство, и той классовой борьбой, которая кипела перед его глазами.

Горький был тем именно не похож на своих товарищей писателей-художников, что он жил этой борьбой, не отделял себя от нее, не мыслил своих героев вне этой борьбы. Наши пролетарские писатели, дети и внуки Горького, приучили нас к тому, что это всегда так. Но у нас еще читают виднейших писателей допролетарской поры: читают Льва Толстого, читают Чехова. Найдите у них классовую борьбу! Для Толстого это жупел и скверна: то, от чего нужно бежать, от чего нужно лечиться. Чехов раз другой не мог не коснуться классов («Мужики», «Моя жизнь»), но он их дает так, как Струве пересказывал Маркса: для краткости выпустив смысл. Попробуйте найти у Струве социалистическую революцию, попробуйте найти у Чехова борьбу классов!

Горький не только единственный из наших писателей, прочувствовавший глубоко классовую борьбу, но и ставший в этой борьбе на позицию определенного класса. С классовой борьбой пролетариата он слился, в сущности, еще до первой нашей революции, 1905 г. Та мораль, которой живут персонажи его первых рассказов (в особенности «Трое»), это мораль угнетенного класса, которому наплевать на мещанские добродетели имущих и сытых. Это еще не мораль пролетариата-творца, не мораль рабочего, ставшего социалистом, но это мораль эксплуатируемого человека, готового восстать против эксплуататоров. Недаром к числу самых сильных вещей Горького принадлежат его пьеса «Мещане» и его статьи о мещанстве, которые так нравились Владимиру Ильичу.

Но Горький уже давным-давно пошел гораздо дальше стихийного пролетарского взрыва против эксплуатации. Уже очень давно, по моим воспоминаниям, примерно, с 1907 г., — но тут, конечно, смешно пытаться установить точную хронологию, — он выдвигает задачу подготовки именно пролетария-творца, задачу просвещения широких рабочих масс, вооружения их тем оружием, которое нужно не только для того, чтобы низвергнуть буржуазное общество, но и для того, чтобы на его месте построить социалистическое. В 1907 г. я познакомился с его идеей издать рабочую энциклопедию в виде ряда очень доступно написанных, но совершенно серьезных книжек по различным областям знания.

Наша тогдашняя несчастная партийная оппозиция, составившаяся из смеси политических младенцев, случайно примазавшихся к рабочему движению карьеристов и просто немарксистов, чуждых пролетарской идеологии людей, может быть, и не дурных самих по себе, но чужих, — оппозиция, вылившаяся в группу «Вперед», сорвала это начинание, как сорвала она и другую близкую Горькому идею, идею рабочей школы. Горький стал одним из основателей первой такой школы на о-ве Капри, именно как рабочей школы, одним из способов подготовки пролетариата к его творческой роли. Когда выяснилось, что «впередовцы» превратили школу во «фракционный загон», в организации второй школы (в Болонье) Горький отказался принять участие.

«Впередовский» раскол сорвал всю культурную кампанию Горького, не только потому, что «впередовцы», хотя очень много и горячо говорившие именно о «пролетарской культуре», интересовались вовсе не культурой, а созданием антиленинского партийного центра, но и потому, что все задумывавшиеся Горьким предприятия были немыслимы без участия Ленина, тем более немыслимы против Ленина. При второй свсей массово-просветительной попытке Горький и учел это. Этой второй попыткой была серия брошюр «Европа до и во время войны», которые систематически разъясняли рабочим массам, из-за чего происходит мировая бойня и кто ее ведет. С самого начала было решено, что головной брошюрой пойдет брошюра Владимира Ильича, теперь столь знаменитый «Империализм».

М. Горький среди амовцев. 1928 г.

Фото А. Шайхета

История не дала довести до конца и это культурное предприятие Горького. Но на этот раз история приняла более веселый облик: разразилась Февральская революция, и массам некогда стало разбираться в вопросе, как возникла война, — перед ними вплотную встал вопрос, как ее кончить. Тем не менее, это предприятие Горького уже не осталось только проектом: большая часть брошюр вышла и сыграла известную роль; какое значение получил «Империализм», говорить нет надобности.

Теперь Алексей Максимович выступает с третьим проектом издания для широких рабочих масс известной читателям нашего журнала «Истории гражданской войны», выступает в такой момент, когда все обеспечивает успех этого предприятия и ничто не может ему помешать. Разве что разразится пролетарская революция в Западной Европе...

Горький не только великий писатель рабочего класса, давший в своей «Матери» единственную в мировой литературе картину жизни и борьбы этого класса, — он один из великих просветителей новой эпохи, эпохи рабочих революций. И наш журнал, поставивший себе задачей возбудить интерес к истории в широчайших массах, сделать эти творящие историю массы изобразителями своего собственного творчества, начать писать историю руками не профессоров и архивистов, а руками рабочих, наш журнал приветствует в лице Горького своего предшественника и одного из основоположников той великой просветительной работы, которая составляет нераздельную часть социалистической революции.

... В НАШИ ДНИ НЕВОЗМОЖНО ПИСАТЬ НИ О ЧЕМ, ЗАБЫВАЯ ГЛАВНОЕ, А ГЛАВНОЕ—ЭТО НЕПРИМИРИМАЯ БОРЬБА КЛАССОВ, ИЗ КОТОРЫХ ОДИН ОТЖИЛ СВОЙ ВЕК, ДРУГОЙ—ТОЛЬКО ЧТО НАЧИНАЕТ ЖИТЬ, И ЖИВЕТ И ГЕРОИЧЕСКИ РАБОТАЕТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАВОЕВАТЬ ВЕСЬ МИР

М. Горький

ЗА ПАРТИЙНУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ!

ОБ ИТОГАХ ДИСКУССИИ ¹

Закончившаяся дискуссия о западном участке исторического фронта имела крупный политический смысл. Совершенно неправильно мнение тех, которые считали, что дискуссия была не нужна, преждевременна и т. п. Ошибаются те, кто полагает, что мы зря взялись за дело, что о больших исторических проблемах при общей молодости нашей еще не следует говорить, что следует поставить своей задачей учиться и только учиться, изучать исторические факты, языки и т. д. Такие голоса были слышны во время дискуссии. Дело в том, что в настоящее время нельзя учиться иначе, как работая, и нельзя работать иначе, как учась. Неправы также и те товарищи, которые говорят, что пока мы не знаем достаточного количества фактов, концепций, имеющих в данной области, до тех пор нельзя браться за творческую работу, а то напишем плохие статьи, плохие книги. Как видите, и у старых историков бывают ошибки — и у Лукина и у Фридлянда, поэтому подходить к делу с такой установкой, что недостаточно окреп, не дюж, так не берись за гуж, не следует. Силы будут расти в процессе самой работы.

Конкретные, положительные итоги дискуссии, как мне кажется, можно свести к следующему.

Во-первых, дана оценка всего периода послереволюционной работы по истории Запада. Эта работа представляет значительный шаг вперед в марксистской разработке исторических проблем, переоценку при помощи марксистского метода буржуазных и социал-демократических установок и концепций по

отдельным историческим проблемам. Этот итог безусловно положительный.

Во-вторых, дискуссия разворошила большое количество материала и установила, что историки-коммунисты, марксисты-ленинцы, в своей работе не всегда достаточно пользовались марксистскими методами, не всегда в полной мере учитывали те установки, которые были даны в свое время Владимиром Ильичем. Это дает возможность исправить ошибки и оплошности, имевшие место. Я говорю об оплошностях и недосмотрах, так как в нашей среде не было товарищей, которые стояли бы на иной принципиальной позиции.

В-третьих, внесен определенный вклад в разработку отдельных исторических проблем, особенно по проблемам, связанным с рабочим движением, с германской социал-демократией, ибо эта именно группа вопросов стояла в центре внимания нашей дискуссии.

В-четвертых, по моему мнению, созданы некоторые предпосылки для сближения научно-исследовательской работы по истории Запада с политическими потребностями сегодняшнего дня. Не подлежит сомнению, что в итоге этой дискуссии западно-историческая наука станет более партийной, более близкой к проблемам Коминтерна.

В-пятых, поставлены с достаточной отчетливостью вопросы о необходимости перехода от методов работы в одиночку к коллективной работе по определенным проблемам или по группам проблем.

В-шестых, эта дискуссия в значительной мере подняла общественный интерес к проблемам истории Запада и вместе с тем к тем политическим проблемам, которые стоят перед нами.

Теперь несколько слов по отдельным проблемам дискуссии.

¹ Из заключительного слова т. Кнорина на дискуссии «О положении и задачах на западном участке исторического фронта».

ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Много внимания и места посвящалось критике социал-демократических установок, а также люксембургизму. От некоторых выступлений у меня получилось впечатление, как будто оратор представляет, что перед ним социал-демократическое собрание. По-моему, эти товарищи сильно переборщили. Дело обстоит не так плохо. Дело идет не о борьбе с социал-демократами в наших рядах, а о борьбе с социал-демократией и об освобождении некоторых марксистов от тех социал-демократических пережитков, которые еще у них остались.

Основной нашей задачей является беспощадная борьба против социал-демократии на почве историческо-исследовательской работы, на почве пропаганды путем исследовательской работы основ ленинизма как единственной научной теории, способной объяснить исторические факты. Необходимо развить бешеную кампанию против лженаучных социал-демократических взглядов в исторических работах Бауэров, Липинских, Реннеров и т. д.

До тех пор пока они не разбиты теоретически, пока их концепции не разоблачены до конца как социал-фашистские, они могут оказать влияние на нашу историографию. До тех пор пока наши историки полностью и целиком не усвоили ленинских установок, они будут подпадать под влияние социал-демократической историографии.

Поэтому нам нужно одновременно с борьбой против социал-демократической историографии вести борьбу против оппортунистических установок в наших собственных рядах.

О РЯЗАНОВЕ И БРАНДЛЕРИАНЦАХ

Если искать теоретических корней предательства Рязанова, то их нужно искать именно в отрицании Рязановым роли Ленина как продолжателя Маркса. А это означает продолжать по отношению к учению Маркса и Энгельса ту самую работу, которую вел Бернштейн, скрывая наиболее революционное в марк-

сизме. Но если Рязанов проделал путь от большевистской партии к меньшевизму благодаря отрицанию им ленинизма, то тот же самый путь проделали немецкие брандлерианцы. Они вместе с Розой Люксембург пришли к Коминтерну, ибо люксембургизм и левый радикализм для них был путем большевизма. Но Тальгеймеры, Брандлеры и Вальхеры именно только вместе с Розой Люксембург пришли, не проделавши критики своих прежних ошибок. Поэтому они ныне вернулись к тем исходным позициям, с которых Роза Люксембург и Либкнехт сошли в 1918 г., и от этих позиций они все ниже спускаются к социал-демократии. Если политически важнейшим шагом Розы Люксембург было ее признание необходимости и своевременности основания Коммунистического Интернационала, то Брандлер, Тальгеймер и Вальхер ныне заявляют об ошибочности именно этого шага Розы Люксембург. Они осуждают переход Розы Люксембург к большевизму, а не те отдельные ошибки, которые были у великой революционерки. Они осуждают Розу Люксембург за то, что она признала первенство большевистской партии в Коммунистическом Интернационале и тем самым руководящую роль страны победившего пролетариата в международном революционном движении. Таким образом, брандлерианцы и Рязанов, одни более откровенно, другие тайком, проделали один и тот же путь отхода от ленинизма и марксизма.

Важнейшей задачей историков является борьба против рязановско-брандлерианских установок, против социал-демократического ренегатства, против всех попыток умаления роли Ленина как продолжателя Маркса и Энгельса.

Конечно, критику люксембургизма нельзя считать законченной. Но линией этой критики должна быть не столько борьба против ошибок Розы Люксембург, взгляды которой являлись путем к большевизму, сколько — против использования ошибок Люксембург в качестве ступени для обратного движения в ряды социал-демократии.

Важнейшей нашей задачей является борьба за чистоту ленинизма, за полное

использование ленинского наследства в теоретической работе. За последнее десятилетие в речах и статьях т. Сталина накопился уже богатый материал, которым необходимо пользоваться для правильного понимания ленинского учения. Без этого не могут обойтись теперь историки. Только на этой основе можно дать научную продукцию, действительно отвечающую нуждам и запросам классовой борьбы рабочего класса и содействующую ее развитию. Только ленинская наука может быть оружием в борьбе против буржуазно-социал-демократической науки. А одна из важнейших наших задач — развернуть широкое наступление на социал-демократию также и на теоретическом фронте, разоблачить ее как организатора интервенции против СССР.

КАК ИЗУЧАТЬ ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Несколько слов по вопросу об империализме. Мне кажется, что одной из ошибок некоторых историков было то, что они проблему империализма брали как национальную, а не в интернациональном разрезе. Это показывает, что в настоящее время на эту сторону нужно обратить внимание значительно большее, чем до сих пор. Чрезвычайно большое значение в настоящее время для нас имеет вопрос о теории неравномерности развития. Теоретически все сказано т. Лениным и популяризовано т. Сталиным. Даны достаточно отчетливые и ясные формулировки, нужно только применить их в оценке событий. История дает богатейшие примеры правильности этой теории. Возьмите события во Франции. Что произошло в послевоенной Франции? Франция поднялась над всеми остальными западно-европейскими странами, заняла командное положение в Европе, получила гегемонию в Европе именно благодаря войне, благодаря колоссальному росту вооружений. Занятые Францией позиции ей нужно сохранить. А другие страны начинают подтягиваться, угрожают этому первенству Франции, что приводит к колоссальным противоречиям. Рост этих противоречий приводит к катастрофическим

скачкам в развитии, которые будут вызываться именно позицией Франции.

Возьмем вопрос о наиболее слабом звене. Это для оценки современного положения один из важнейших вопросов. Мы говорим, что Германия является в настоящее время наиболее слабым звеном среди империалистических стран. Но по техническому уровню Германия не является наиболее отсталой страной, и не всегда она была наиболее слабым звеном: несколько лет назад этого еще не было. Именно неравномерность развития, колоссальное обострение противоречий, которые столкнулись на германской проблеме, привели к ослаблению ее как звена империалистической цепи. Нельзя схематически подходить к вопросу, нужно брать всю сумму империалистических отношений.

ПЛЕНУМ КОМИНТЕРНА И ИСТОРИКИ-МАРКСИСТЫ

Чрезвычайно большое значение для научно-исследовательской работы в области истории имеют вопросы марксистской методологии. Слабость нашей дискуссии заключается в том, что на эти вопросы было обращено совершенно недостаточное внимание. Большое значение для разработки методологических вопросов истории имеют некоторые решения последнего пленума Исполнительного Комитета Коминтерна хотя бы в таких вопросах, как вопрос о революционном кризисе, вопрос о фашизме, о наступлении и т. д.

Решения XI пленума ИККИ исходят из того факта, что стабилизации приходит конец, что с небывалой остротой выявились противоречия двух систем — системы строящегося социализма и загнивающего капитализма, что эти противоречия воздействуют на рост революционного подъема и ставят трудящиеся массы перед выбором: диктатура буржуазии или диктатура пролетариата. В этих условиях пленум занялся, в основном, двумя вопросами: вопросом об оценке международного положения, включая и перспективу роста и развития революционного подъема масс и нарастания в ряде стран предпосылок революционного кризиса, и вопросом о

преодолении отставания секций Коминтерна в деле мобилизации и организации масс от роста революционных задач. В основу оценки пленума положен тот факт, что нынешний революционный подъем связан с резким понижением жизненного уровня рабочего класса, с чудовищным ростом безработицы, с обнищанием колоний, усилением революционизирующей роли СССР. Решения пленума вытекают из того факта, что благодаря особой остроте общего кризиса капитализма, родившегося из специальных условий, в некоторых странах нарастают предпосылки революционного кризиса. Констатируя растущее обострение всех противоречий капитализма, растущее обострение классовой борьбы и растущий революционный подъем во всем мире, пленум вместе с тем установил те узловые пункты, где сейчас особенно заостряется классовая борьба: страны, которые стоят перед перспективой нарастания революционного кризиса и где уже в настоящее время растут предпосылки этого революционного кризиса. Пленум указал, что это происходит в наиболее слабых звеньях империалистической цепи.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС

Тем самым пленум установил, что революционный кризис вырастает из всей совокупности условий эпохи. При этом пленуму пришлось выступить против некоторых механистических установок. Пленум сказал: революционный кризис вырастает, во-первых, из общего кризиса капитализма, из факта существования СССР, из того, что империалистическая система создала предпосылки для загнивания ряда государств, что центр экономики перенесся в заокеанские страны, что колонии пришли в движение; революционный кризис вырастает из данного экономического кризиса; революционный кризис растет на основании революционного подъема масс. В наличных предпосылках революционного кризиса содержатся уже все элементы революционной ситуации. Революционная ситуация не составляет ничего другого, как дальнейшее развитие данных в современной ситуации элементов.

Вот та краткая характеристика, которая дана была пленумом. Она отвергает взгляд, что революционный кризис вырастает из какой-нибудь одной из этих предпосылок, что революционный кризис является механическим следствием данного экономического кризиса. Некоторые пытались противопоставить революционный и политический кризисы, причем рассматривали политический кризис как предварительную ступень, когда господствующий класс не может уже продолжать жить по-старому, должен перестроиться, а субъективных факторов революции еще нет. Что означала бы такая теория? Отрыв одних элементов, образующих данную ситуацию, от других, изолирование «субъективных элементов» от «объективных элементов», недоучитывание того, что субъективные элементы являются объективной предпосылкой для дальнейшего развития.

Бывало, что некоторые товарищи утверждали о безвыходности положения капитализма, вроде теорий горе-марксиста Генриха Гроссмана, который считает, что капитализм развалится механически; они заявляли, что ленинская установка о том, что безвыходных положений нет, в данном частном случае неверна. Такие оценки могли бы привести только к ультралевым выводам, к упущению основной задачи момента.

Решения пленума по этим вопросам, по-моему, имеют большое значение для выработки методологии и в вопросах теории. Возьмем хотя бы вопрос о техническом загнивании, который у вас дискутировался. Когда-то была дискуссия о том, что означает переход экономики капиталистических стран через довоенный уровень. Некоторые товарищи весьма пугались этого перехода. Если мы перейдем через довоенный уровень, значит, капут. Если есть налицо технический рост производства, значит, капитализм восстанавливается, перспектив международной революции нет. Партия указывала, что дело вовсе не в росте техники и экономики, ибо с ростом техники и производства обостряются все противоречия капитализма, обостряется борьба между империалистами, растут противоречия, которые обостряют

кризис капитализма. Оказалось это верным или нет? Абсолютно верным. Примените эту установку к любой стране и увидите, что этот анализ оказался правильным.

Из решений пленума вытекает и то, что революционный кризис связан не только с расшатыванием капитализма в какой-нибудь отдельной стране. Нарастание предпосылок революционного кризиса в какой-нибудь одной империалистической стране со страшной быстротой обостряет все противоречия империалистической системы, и это обстоятельство заключает в себе опасность грядущим революциям, опасность сопротивления со стороны всей международной реакции.

Мы говорим о трудностях предстоящих революций не так, как говорил Отто Бауэр, который указывал на сложность международной обстановки для того, чтобы «отказаться» от революции, которой ему смертельно не хотелось, но для того, чтобы организовать международную поддержку революции!

О ФАШИЗМЕ

Я считаю необходимым сказать еще два слова по тому вопросу, о котором мне приходилось уже говорить в моем докладе. Это вопрос о фашизме и социал-демократии. Необходимо во всей нашей работе учесть те формулировки, которые были даны пленумом по вопросу о фашизме. В этих формулировках достигнута максимальная ясность, которая должна быть отражена всеми нами в нашей повседневной работе.

В чем суть вопроса? Нельзя противопоставить фашизм буржуазной демократии. Некоторые говорили, что фашизм это новая форма буржуазного государства, что-то не бывшее раньше, новые правовые отношения, новые организационные формы и т. д.

Пленум дал простой ответ на вопрос, что такое фашизм: это оголенная форма буржуазной диктатуры, при которой заострены все методы подавления и закабаления трудящихся, существующие при капиталистическом строе и неотделимые от всей системы диктатуры буржуазии. Простая формулировка: ого-

ленная форма диктатуры буржуазии. Таким образом, вся совокупность явлений, связанных с фашизмом, объясняется пленумом, исходя из того общего, что имеется в основе всех форм буржуазной диктатуры. Таким образом, становится ясным, что фашизм нельзя противопоставлять буржуазной демократии, что он является продолжением буржуазной демократии в условиях загнивающего, разваливающегося капитализма. Его суть не в специфических формах, а в том, что он доводит до крайних пределов все методы подавления и закабаления трудящихся масс, применяя при этом созданные им массовые организации для утверждения классового господства буржуазии. Отсюда вытекает, что фашизм не свидетельствует об усилении буржуазии, но фашизм не является также только признаком распада буржуазных господствующих слоев. Ни одно, ни другое не точно. Одно привело бы к правой установке, другое привело бы к ультралевой установке. Основное в фашизме заключается именно в том, что он вырастет в условиях загнивающего, расшатывающегося капитализма, в условиях роста предпосылок революционного кризиса, когда буржуазия при помощи фашистских методов стремится раздавить рабочий класс, разбить его организации и использовать в то же время элементы развала. Она стремится использовать то обстоятельство, что в процессе развала прежде аполитичные массы приходят в движение — для подавления самого революционного движения. На этом пленуме пришлось неоднократно подчеркнуть правильность той формулировки, которая дана т. Сталиным еще в 1924 г. в его прекрасной брошюре о международном положении. Она говорила, что фашизм и социал-демократия не антиподы, а близнецы, что фашизм есть боевая организация буржуазии, которая не может одержать решающих успехов ни в боях, ни в управлении государством без решающей поддержки социал-демократии, так же как и социал-демократия не может иметь успеха ни в боях, ни в управлении страной без решающей поддержки боевой организа-

ции буржуазии. Отсюда методы борьбы, отсюда то, что нельзя бороться против фашизма демократическими методами, как это будто бы пытаются делать социал-демократы, на самом деле проводящие фашизм. Это есть формы не борьбы с фашизмом, а формы установления фашистской диктатуры.

Эти установки, данные последним пленумом, имеют крупнейшее значение для научной работы, именно для разработки методологических вопросов по целому ряду проблем. Возьмем установку пленума по вопросу о кризисе. Развитие революционного кризиса взято как единое целое, на основании всей совокупности условий общего кризиса капитализма, экономического кризиса, революционного подъема. На этой основе образуются предпосылки, которые при дальнейшем своем развитии, без какой-либо китайской стены, перерастут в революционную ситуацию, когда возможно низвержение власти буржуазии, взятие власти рабочим классом. Это единый исторический процесс развития на основе всех предпосылок, всех данных, на основе колоссального усиления обостре-

ния и катастрофического выростания всех противоречий капитализма.

Нужно включить эти решения пленума ИККИ в теоретический арсенал историков. Нужно взяться всеми силами за разработку актуальных политических проблем и за освещение их на основе исторического опыта.

Историки-западники заложили фундамент для большой работы по марксистско-ленинской истории Запада. Но они отстали в деле постановки актуальных политических проблем. Теперь нужно развернуть эту работу. Нужно разоблачить апологетов капиталистического общества. Нужно перетрясти буржуазные и социал-демократические концепции истории, нужно создать историю послевоенного периода как историю растущего кризиса капиталистического общества, международного революционного движения, Коминтерна и пролетарской революции.

Для этого нужно организовать силы историков для коллективной работы над сложным комплексом проблем.

На этих путях историки-марксисты внесут свою долю в борьбу за международную пролетарскую революцию.

СОБЫТИЯ ПРИНЕСЛИ ЛЮДЯМ НОВЫЙ СПОСОБ УЧИТЬСЯ. ЭТОТ СПОСОБ — ПРОВЕРКА ВСЕГО ФАКТАМИ, СОБЫТИЯМИ, УРОКАМИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.

Ленин

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

1. ПОЧЕМУ ТАК ПОЗДНО ПОБЕДИЛА БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

«Нынешний революционный подъем — это под'ем назревающего второго тура революций и войн», — сказал т. Мануильский в своем докладе на XI пленуме ИККИ. Испанская революция является блестящей иллюстрацией этого положения.

Революционная ситуация в Испании, приведшая на первых порах к республиканскому перевороту, явилась следствием всех основных противоречий капитализма: свойственных ему внутренних противоречий, его глубокого послевоенного кризиса, нынешнего экономического кризиса капитализма.

Основным внутренним противоречием в Испании были противоречия между пролетариатом и буржуазией, между крестьянством и помещиками. Борьба пролетариата и крестьянства явилась основной причиной революции, пролетариат и крестьянство были ее главными движущими силами. Однако в результате переворота 14 апреля к власти пришло буржуазное правительство, в состав которого входят помещики.

Почему борьба пролетариата и крестьянства в Испании не привела непосредственно к пролетарской революции и если и не прямо к диктатуре пролетариата, то хотя бы к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства? Ответ мы находим в особенностях исторического развития Испании, в уровне ее капиталистического развития. Эту характеристику лучше всего дает программа Коминтерна, говорящая о группе стран, к которым относится и Испания, следующее: «Страны со средним уровнем развития капитализма... с имеющимися налицо значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, с известным минимумом мате-

риальных предпосылок, необходимым для социалистического строительства, с еще незавершенным буржуазно-демократическим преобразованием».

Подчеркиваемые программой «значительные остатки полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве» выражались в Испании прежде всего в том, что несколько десятков тысяч крупных и мелких дворян владело больше чем тремя пятими земли, а около полутора миллионов бедняков (с наделами в 1-2 га) владело всего 2-3 проц. земельной площади. При этом владения крупных помещиков достигают иногда 20 и больше тыс. га, а наделы мелких крестьян составляют иногда всего лишь несколько квадратных метров и обрабатываются вручную, так как применение с.-х. орудий на таких мелких наделах не оправдывает себя. Большинство мелких крестьян — не собственники: они — держатели помещичьей земли, арендаторы, издольщики, зачастую на основании уцелевших средневековых феодальных отношений. Эти полуфеодальные пережитки дают помещику, как собственнику крестьянских наделов, право в любую минуту по своему усмотрению повышать вносимую крестьянами плату или даже просто выселять целые деревни. Во многих местах сохранилась еще в тех или иных формах барщина. Пережитки феодализма сказываются и в крайней чересполосице.

Эта живучесть феодальных пережитков вызывает крайнюю нищету сельскохозяйственного населения. Из 23 млн. испанского населения — 8,5 млн. занято «самостоятельным трудом», из них около 1,5 млн. бедняки и 2-3 млн. совершенно обезземеленные батраки.

Несмотря на страшный земельный голод этих 3-4 млн. батраков и бедняков, в Испании пустует одна треть годной для обработки земли. Это объясняется тем, что почва в Испании для обработки

требует предварительной ирригации (орошения), а батраки и бедняки слишком бедны для того, чтобы они могли на выгодных для помещика условиях арендовать или покупать землю да еще проводить ирригацию. Сами помещики предпочитают вкладывать свои капиталы в более прибыльные промышленные и банковские предприятия.

Такой характер аграрных отношений в Испании приводил, с одной стороны, к полному экономическому, социальному и политическому закабалению крестьянства, с другой стороны, к всевластию поземельного дворянства как в центре так и на местах. Поземельное дворянство было господствующим в Испании классом. В его руках находились почти все командные посты в армии и в государственном аппарате. Из него состояла большая половина сената, и оно же контролировало состав палаты депутатов при помощи системы так наз. «касикизма».

«Касикизм» — это специфически испанское явление, чрезвычайно для Испании характерное и важное. «Касиками» (первоначально название индейского князька) называют сейчас закулисных местных заправил, непосредственно держащих в своих руках власть на местах, подчинивших администрацию своему влиянию. Обычно касиками являются местные помещики. В полной зависимости от них находятся крестьяне-арендаторы, которых они могут в любую минуту выселить, батраки, которых они могут лишиться работы и т. д. Пользуясь своим влиянием на крестьянство, помещики-касики проводят желательных им кандидатов в местные муниципалитеты, провинциальные советы и, наконец, в кортесы (парламент).

Влияние и сила католической церкви также могут быть поняты только в связи с живучестью феодальных пережитков. Правда, еще Маркс указывал, что уже с конца XV — начала XVI в. церковь «перестала отождествлять свои интересы с интересами феодальной Испании. Совсем напротив, благодаря инквизиции, церковь превратилась в ужасное орудие абсолютизма»¹. Однако экономический

переворот в Европе XVI в. очень своеобразно отразился на Испании, «золотой поток» из американских колоний использовали феодалы, мощи которых абсолютизм не сломил. Церковь связалась с поземельным дворянством. Ей принадлежит около одной трети национального богатства. В стране до последнего переворота насчитывалось до 200.000 лиц духовного звания, включая монахов и церковнослужителей.

Дворянско-монархическая государственная надстройка обходилась стране чрезвычайно дорого. Около полутора миллиардов пезет (от трети до половины бюджета) тратилось ежегодно на королевский двор, на дворянский командный состав армии, получавший громадные оклады, на церковь — опору дворянства и монархии.

2. ПЯТЬ ВОЛН РЕВОЛЮЦИИ

Историческая особенность испанского капитализма состоит в том, что он не произвел революционной ломки феодальных отношений. Капитализм приспособлялся и мирился с феодальными пережитками, использовывал их. Испанский абсолютизм не ограничил всевластия феодалов, выступил, по словам Маркса, не «как цивилизующий центр», а как «азиатская деспотия»¹. Испанским феодалам удалось укрепиться, поток награбленных в американских колониях богатств укрепил их, а не испанскую буржуазию. Благодаря этому в Испании темп развития был более медленным, капиталистические отношения переплелись с полуфеодальными.

Известные слои промышленной буржуазии в союзе с мелкой буржуазией, крестьянством, рабочими неоднократно на протяжении XIX в. пытались преодолеть феодализм и дворянско-монархический строй. Мы имели на протяжении XIX в. не менее пяти попыток буржуазно-демократической революции: 1808—14 гг., 1820—23 гг., 1834—43 гг., 1854—56 гг. и 1868—74 гг. Два раза в Испании устанавливалась республика: в 1842—43 гг. и 1873—74 гг. Однако эти волны буржуазно-демократической революции каждый раз разбивались. Относительная недоразвитость и слабость испанского

¹ К. Маркс. «Испанская революция», собрание сочинений, ГИЗ, т. XI, стр. 475.

¹ К. Маркс, ук. соч., стр. 476.

Ненадежная охрана. Мадридский дворец накануне революции

капитализма, с одной стороны, переплетение интересов значительных слоев буржуазии и поземельного дворянства, с другой стороны, обусловили поражение всех этих попыток буржуазной революции, неизменно оканчивавшихся победой дворянско-монархической реакции. Правда, после свержения последней республики 1873—74 гг. была установлена конституционная монархия (конституция 1876 г.). Однако по существу в Испании сохранилась все та же дворянская монархия. Ликвидация монархии затянулась на 125 лет.

Но несмотря на крупнейшую роль феодальных и полуфеодальных пережитков программа Коминтерна правильно характеризовала Испанию как страну «со средним уровнем развития капитализма». В особенности в XX в. в Испании сложились уже и развитые формы монополистического финансового капитала, в значительной степени, правда, связанного с иностранным капиталом.

Однако испанская буржуазия, оказавшаяся неспособной на решительные революционные действия в XIX в., несмотря на то, что испанская монархия становилась явным пережитком, совершенно не соответствовавшим развитию капиталистических отношений, еще менее могла играть роль революционного класса в XX в., особенно в эпоху империалистических войн и пролетар-

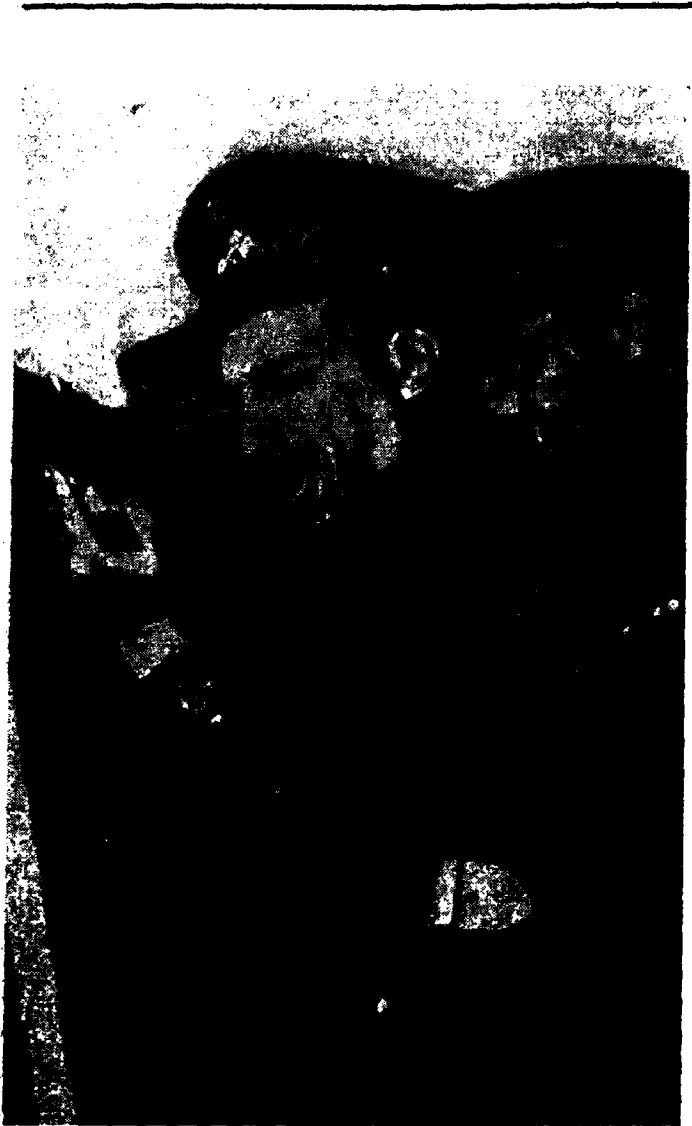
ских революций. Это объясняется не только тесным сплетением экономических интересов испанской буржуазии и поземельного дворянства, но и тем, что слишком велика опасность со стороны развившегося и выросшего пролетариата, который, как писал Ленин, «полной свободой... воспользуется против буржуазии, и воспользуется тем легче, чем полнее свобода, чем полнее уничтожение помещичьей власти»¹. В силу всех этих причин буржуазии представлялось «безопасным и желательным лишь реформирование последнего (поместного землевладения. *Б. М.*), отнюдь не уничтожение его»². В XX в. испанская буржуазия не выступала революционно ни против феодальных пережитков, ни против дворянско-монархического строя. В этом отношении мы имеем полное совпадение между тактикой буржуазии в Испании и в России 1905—17 гг.

Если в Испании в апреле 1931 г. была свергнута монархия и установлена буржуазная республика, если в ней произошла революция, то главной движущей силой революции была вовсе не буржуазия, а пролетариат.

Положение испанского пролетариата чрезвычайно тяжелое. Нигде в Европе нет такой эксплуатации, как в Испании. Здесь заработная плата ниже, чем в дру-

¹ Ленин, т. VIII, стр. 322.

² Ленин, т. XI, ч. II, стр. 470.

Последний испанский король Альфонс XIII

гих странах, и самый длинный рабочий день. Декрет 1920 г. о 8-часовом рабочем дне не соблюдается; нормальное явление 9-10 и больше часов. Труд женщин и подростков оплачивается очень низко. В условиях развертывающегося мирового экономического кризиса положение испанского пролетариата еще более ухудшилось. Если номинальная зарплата составляла 180% по отношению к довоенному времени, то индекс (показатель) розничных цен по сравнению с довоенным составляет 270%, т. е. зарплата и в то же довоенное время. Ухудшение экономического положения страны, обострение политической обстановки (выражением чего, между прочим, было падение режима Примо-де-Ривера в январе 1930 г.) привели к необычайному подъему стачечной волны за 1930 г. По количеству стачек за 1930 г. Испания стояла на первом месте в Европе. Число стачек составляло 527 — по сравнению с 1929 г.

оно возросло на 400 с лишним процентов. Из этих стачек 116 политических.

И без того тяжелое положение крестьянства за последние полтора года ухудшилось в связи с мировым экономическим кризисом, который ударил в первую очередь по испанскому сельскому хозяйству. Испания является страной по преимуществу аграрной, вывозящей с.-х. продукты, в особенности продукты садоводства (вино, апельсины, маслины, оливковое масло и т. д.), в противоположность промышленности, работающей преимущественно на внутренний рынок. Мировой экономический кризис привел к сокращению экспорта, падению цен. К этому прибавился еще страшный неурожай маслин в 1930 г., приведший к приостановке маслобойных заводов в Андалузии и к безработице более 100.000 батраков. В результате в течение всего 1930 г. и особенно в начале 1931 г. происходили крупные волнения крестьянства и в первую очередь батрачества. Выступления крестьян сплошь и рядом носили политический характер, обычно с требованием «республики», смыкаясь с выступлениями рабочих под теми же политическими лозунгами.

Республиканское движение охватило по существу и всю мелкую буржуазию — в первую очередь студенчество, затем учителей, врачей и т. д.

В этих условиях буржуазия поняла, что предоставить республиканское движение своим собственным силам слишком опасно, что оно легко может принять и антибуржуазный характер. Поэтому буржуазия решила возглавить республиканское движение не для того, чтобы произвести революцию, а для того, чтобы удержать это движение в рамках порядка и предотвратить революцию, сведя все дело к смене монархии и проведению некоторых желательных буржуазии реформ.

3. ДЕКАБРЬСКАЯ НЕУДАЧА И ЕЕ УРОКИ

В начале 1930 г. ряд крупных монархических деятелей из среды буржуазии и обуржуазившихся помещиков образовал правореспубликанскую партию. Главные основатели этой партии: нынешний глава временного правитель-

ства — Алькала Самора и нынешний министр внутренних дел — Мигуэль Маура. Самора — бывший член монархической либеральной партии, занимавший неоднократно министерские посты, промышленник, банкир, землевладелец. Мигуэль Маура — младший отпрыск знаменитого зубра, консерватора Антонио Маура, одного из наиболее крупных представителей испанской монархической реакции.

Эта правореспубликанская партия связалась с целым рядом средне- и мелкобуржуазных партий и групп, начиная с республиканско-радикальной партии, возглавляемой нынешним министром иностранных дел Алехандро Леррусом, и кончая социал-фашистами. В сентябре 1930 г. все эти партии и группы устроили тайное совещание в Сен-Себастиане и образовали революционный комитет. Ревком разработал план республиканского переворота. Переворот мыслился путем одновременного проведения военного восстания во всех городах и генеральной забастовки на 24 часа. Военное восстание должны были организовать входившие в комитет военные, а генеральную забастовку — социал-фашисты. Было образовано подпольное временное правительство совершенно в таком же составе, в каком оно существует сейчас. Его председателем был назначен Алькала Самора. Вот как он сам объясняет свое избрание председателем: «Мне был поручен пост председателя совета министров потому, что мои единомышленники знали политику умеренности, применявшуюся мною, когда я был министром... и знали далее мою преданность религии как воинствующего католика»¹. В таком же духе Самора объяснял назначение министром вн. дел Мигуэля Маура: «Мигуэль Маура в течение всей своей жизни привык к мысли о власти, проводящей свои решения энергичным способом»². В этой же статье Самора прямо признавал, что буржуазия решила возглавить республиканское движение, чтобы и з б е ж а т ь настоящей революции: «Характер революции был абсолютно республиканским. Он был политическим, а не

социальным. Революция была организована именно для того, чтобы и з б е ж а т ь анархического хаоса, который мог установиться в результате маневров короны и диктатора»¹.

Временное правительство назначило республиканский переворот на 15 декабря. Переворот не удался по двум причинам. Первая, менее важная, состояла в том, что в северо-аррагонской крепости Хака преждевременно восстал гарнизон и тем по существу выдал план заговора, так что, например, Самора и Маура еще 13 декабря были арестованы. Вторая, более существенная, причина в том, что сами вожди заговора и особенно социал-фашисты испугались размаха массового республиканского движения. 15 декабря почти по всем провинциальным городам прокатилась генеральная забастовка, а в решающем пункте, в столице, социал-фашисты сорвали забастовку. В декабре всколыхнулись не только рабочие, но и крестьянские массы. В целом ряде деревень крестьяне провозглашали республику, образовывали советы, захватывали помещичьи земли.

Декабрьские события лишней раз доказали и республиканской буржуазии, и обуржуазившимся помещикам, и монархическому дворянству, что руководство движением при перевороте легко может ускользнуть из их рук и революция может пойти дальше того, что буржуазии нужно. Буржуазия поняла, что она нуждается в сохранении старого государственного дворянского аппарата насилия: полиции, жандармерии, армии, чиновничества и т. д. Но и дворянство извлекло из декабрьских событий определенные уроки. Оно поняло, что если массовое движение рабочих и крестьян более чем когда-либо угрожает дворянско-монархическому строю, то оно не менее опасно и для буржуазии.

Буржуазия и дворянство поняли, что несмотря на известные противоречия интересов они нуждаются друг в друге как в союзниках. Вот почему не успели продержаться и трех месяцев главарей декабрьского заговора — Самора, Маура, социал-фашистов и т. д. — в тюрьме (причем в самой лучшей тюрьме, в иде-

¹ Статья Самора в «Daily Express» 31/XII—30 г.

² Там же.

¹ Там же.

альнейших условиях, с ежедневными неограниченными и бесконтрольными свиданиями и т. д.), как в марте их уже привлекли к военному суду. Суд превратился в сплошной фарс. Он не столько осуждал подсудимых, сколько хвалил их за умеренность, за их старание предупредить насильственный характер переворота и т. д. и присудил их... к шести месяцам тюремного заключения с зачетом трех месяцев предварительного заключения и с досрочным освобождением. Еще в марте все они были выпущены на свободу.

Более того: в феврале, когда «республиканские вожди» сидели еще в тюрьме, монархия во время министерского кризиса сделала попытку привлечь их в правительство, обещая их немедленно освободить. Республиканцы от этого предложения отказались, так как боялись потерять авторитет в массах, войдя в кабинет совместно с правыми монархистами.

Было образовано смешанное правительство из либералов и консерваторов во главе с адм. Аснаром. Монархия настолько изжила себя, что режим военной диктатуры не мог уже ее спасти. Поэтому она сделала последнюю попытку: спасти себя путем восстановления конституционного режима. На этой платформе и пришло к власти правительство адм. Аснара. Оно обещало: произвести выборы последовательно в местные органы самоуправления — муниципалитеты, затем в провинциальные органы (так наз. провинциальные депутации) и, наконец, в «учредительные» кортесы, но при условии сохранения монархии.

4. БУРЖУАЗИЯ ВЫНУЖДЕНА ПРОВОЗГЛАСИТЬ РЕСПУБЛИКУ

Происходившие 12 апреля выборы в муниципалитеты и являлись выполнением первого пункта правительственной программы. Исход этих выборов явился последним толчком к падению монархии.

Уже вечером в воскресенье 12 апреля стало известно, что почти во всех провинциальных центрах большинство собрал республиканско-социалистический блок, т. е. уже знакомое нам «временное правительство» во главе с Самора. Немедленно повсюду начались демон-

страции рабочих и городской мелкой буржуазии с требованием объявления республики, принявшие необычайно бурный характер и продолжавшиеся 13-го и всю ночь на 14 апреля. 13-го же начались политические стачки с требованием республики. Полиция, жандармерия, армия бездействовали: правительство не решалось двинуть их против демонстрантов, не будучи в них уверенным. Более того, в целом ряде мест солдаты принимали участие в демонстрациях. В этих условиях вновь избранные республиканские и социал-фашистские советники, опасаясь, что возбуждение толпы может привести к тяжелым последствиям, решились — для успокоения толпы — явочным порядком объявить республику. И вот, начиная с вечера 13 апреля, республика объявляется в одном провинциальном городе за другим. Быстро следуют друг за другом Эйбар (Бискайя), Овиедо (Астурия), Бергара, Сарагосса, Севилья, Валенсия, наконец Барселона — главный центр промышленности. Не случайно республика была впервые провозглашена именно в этих городах: все это промышленные центры с большим количеством рабочих. Таким образом, уже одна география хода республиканского переворота достаточно убедительно доказывает решающее значение пролетариата в республиканском перевороте. В Барселоне пролетариат даже стал почти гегемоном положения: он 14 апреля, с одной стороны, открывал тюрьмы, а с другой стороны, арестовывал наиболее крупных представителей буржуазии.

Столица — Мадрид — запоздала. Это не случайно. Мадрид — не крупный промышленный центр. Здесь сосредоточено всего 8% испанского пролетариата. К тому же в Мадриде преобладает легкая промышленность, мелкого, раздробленного, часто полукустарного характера — пищевая, швейная, деревообделочная и т. п. Этими особенностями состава мадридского пролетариата и объясняется, между прочим, то, что именно на Мадрид, а не на Барселону и центры тяжелой промышленности опираются испанские социал-фашисты. Мадридские демонстрации не носили такого бурного характе-

ра, как в провинциальных промышленных центрах, особенно в Барселоне. Монархия, с одной, республиканцы, с другой стороны, имели возможность выжидать. Республиканцы ограничились тем, что выпустили 13 апреля воззвание, в котором заявили, что исход муниципальных выборов доказывает преобладание республиканских симпатий нации, что монархия сама должна сделать выводы; в противном случае они, т. е. республиканцы и социалисты, слагают с себя ответственность за возможные последствия.

Уже 14 апреля утром стало ясно, что монархии вряд ли удастся удержаться. Вот как описывает положение видный республиканец д-р Мараньон: «Рано утром 14 апреля мы получили конкретные сведения, что напряженное положение, создавшееся в результате победы республиканцев на муниципальных выборах за два дня до этого, может, при соответствующих обстоятельствах, привести к вспышкам насилия. Из отдельных кварталов уже начали поступать сведения о восстаниях. Необходимо было избежать столкновений, уже появившихся на горизонте»¹.

В этих условиях от монархии стали отходить один за другим ее самые верные слуги. Дворянство поняло бессмысленность борьбы за сохранение монархии, когда ее можно было заменить безвредным для дворянства правительством Самора и Маура. В этом отношении очень показательна позиция начальника охраны ген. Санхурхо. Когда монархия стала думать о насильственном подавлении республиканского движения и обратилась к ген. Санхурхо с вопросом, гарантирует ли он порядок, он ответил отрицательно, заявив, что не в состоянии заставить жандармерию стрелять в демонстрантов. А днем 14 апреля еще до переворота он сам связался с «временным правительством». Вот как описывает это Самора в опубликованных им недавно статьях: «За четыре часа до нашего одновременно и официального и революционного вступления в министерство внутренних дел и час спустя после моих переговоров о передаче власти с графом Романонесом, как с последним

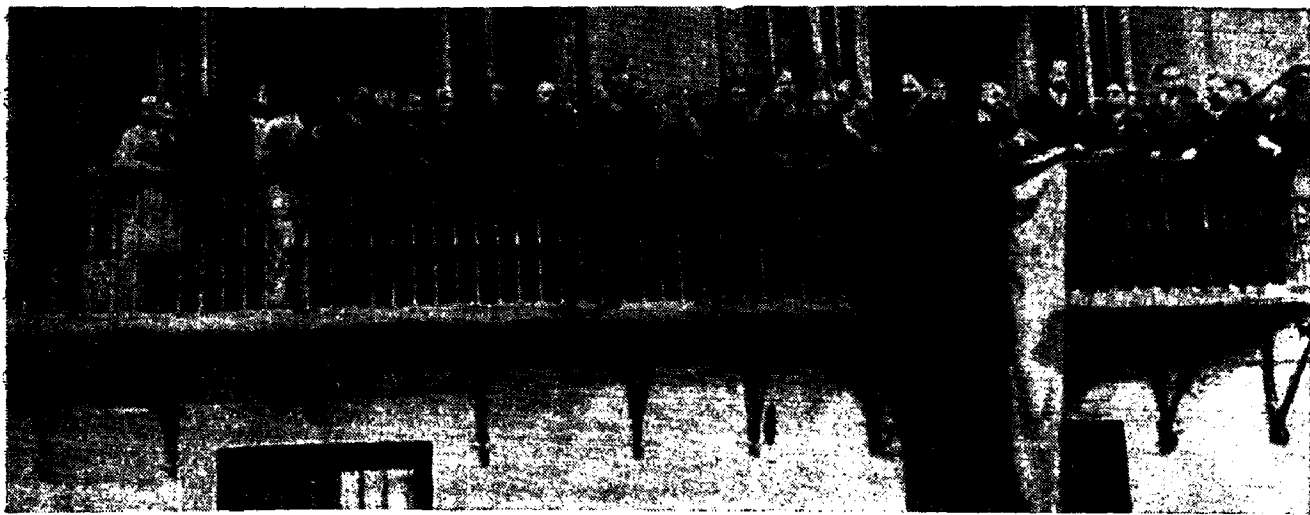
уполномоченным монархии (об этих переговорах см. ниже. Б. М.), с революционным правительством начал переговоры генеральный директор и глава гражданской гвардии ген. Санхурхо, столь известный в Испании своими африканскими походами. Он в интересах общественного порядка и спокойствия страны предоставил в наше распоряжение гражданскую гвардию, чтобы она в наших руках стала орудием мира и свободы»¹. Упомянутая здесь гражданская гвардия («гвардия сивиль») — это просто-напросто жандармерия. Итак, наши «республиканцы» решились на захват власти, лишь заручившись поддержкой со стороны монархической жандармерии!

За час до этого свидания с ген. Санхурхо состоялась беседа Самора с графом Романонесом, крупнейшим политическим деятелем испанской монархии, министром иностранных дел в последнем монархическом кабинете Аснара.

Самора требовал немедленного отречения короля. Романонес просил отсрочки на две недели для выяснения вопроса, предлагал переходное министерство конституционалиста Вильянуэва и т. д. Из дальнейшего изложения Мараньона, на квартире которого происходило свидание, выясняется, что решение вопроса о республике было ускорено страхом перед массами. Самора настаивал на неизбежном. Он выставлял один аргумент за другим. «Нельзя, — говорил он, — ждать до захода солнца. Пока еще удастся сдерживать толпу. Но ночью, которая всегда располагает к насилию, если толпа не будет иметь сведений о решающих событиях, ее уже трудно будет сдержать. Народ опьянен триумфом и вне себя». Продолжались переговоры. Романонес сокращал сроки. Самора настаивал с удвоенной решительностью. И, наконец, монархия сдалась. Пришли к соглашению, что король уедет в тот же вечер. Сперва думали о Португалии, но потом остановились на Картахене. Остальная часть королевской семьи должна была выехать

¹ Мадридская газета «Эль Соль», 23/V—31 г.

² Мадридская «Эль Соль», 24/V—31 г.

С разрешения ген. Санхурхо «провозглашают республику»

на следующий день. Согласились на том, что отречения от престола не произойдет, а будет простая передача власти королем — его последнему правительству для того, чтобы оно в свою очередь передало власть революционному правительству¹.

После переговоров с Романонесом, после встречи с ген. Санхурхо «республиканцы» все еще не захватывали власть, а ждали, чтобы к ним явилось монархическое правительство и само передало власть! Так как монархисты не являлись, республиканцы начали их искать. И лишь к концу дня, когда уже начало темнеть, когда наступил час выхода рабочих с фабрик, когда местами сама толпа начала водружать республиканский флаг на правительственных зданиях, — республиканцы, не найдя никого из правительства, наконец решились «захватить власть». Они являлись в министерство внутренних дел, где их радушно встречает жандармерия, и с балкона объявляют республику и то оставляя вопрос о формальном ее утверждении на усмотрение учредительного собрания). В это же самое время король выезжает на автомобиле в Картахену, а оттуда бежит на крейсере во Францию. Власть перешла в руки буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

5. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ

Программа Коминтерна устанавливает следующие два возможных пути развития пролетарской революции в

странах типа Испании: «В одних из этих стран возможен процесс более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую; в других — тип пролетарских революций, но с большим объемом задач буржуазно-демократического характера. Здесь, следовательно, диктатура пролетариата может наступить и не сразу, а в процессе перехода от демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистической диктатуре пролетариата; там, где революция развивается непосредственно как пролетарская революция, она предполагает руководство пролетариата широким аграрно-крестьянским движением». Следовательно, мы имеем сейчас в Испании буржуазно-демократическую революцию, движущими силами которой являются пролетариат и крестьянство (хотя властью удалось овладеть крупной буржуазией), революция, которая имеет полную возможность перерасти в революцию социалистическую. Для этого имеются достаточные объективные предпосылки, на это указывает сама программа Коминтерна, говоря об «известном минимуме материальных предпосылок, необходимых для социалистического строительства».

Республиканский переворот — это только начало буржуазно-демократической революции. Но для буржуазного временного правительства это уже предел. Довести буржуазно-демократическую революцию до конца может только пролетариат, ведущий за

¹ Мадридская «Эль Соль», 23/V—31 г.

собой крестьянство. И при этом только против буржуазии. Сама же буржуазия неизбежно будет тормозить доведение буржуазно-демократической революции до конца, будет стремиться к тому, чтобы «закончить буржуазную революцию на полупути, на полусвободе, на сделке со старой властью и с помещиками»¹.

В самом деле, мы имеем уже двухмесячный опыт временного правительства в Испании. Что оно за это время сделало, чего оно не сделало? В первую очередь, как мы видели, оно не только не разрушило старый дворянско-монархический аппарат насилия, а, наоборот, лишь опираясь на него, и пришло к власти. В основном на своих местах остался весь дворянский командный состав армии и государственного аппарата. Уже 15 апреля все высшие военачальники явились к Самора и объявили ему о присоединении армии и флота к республике.

Что может это временное правительство дать рабочим и крестьянам? Оно не может сколько-нибудь улучшить материального положения рабочих именно потому, что оно — правительство буржуазное. Но оно и не сможет дать землю широким слоям крестьянства, потому что во временное правительство входят и помещики. Правда, отдельные мелкие подачки оно перед выборами в учредительное собрание

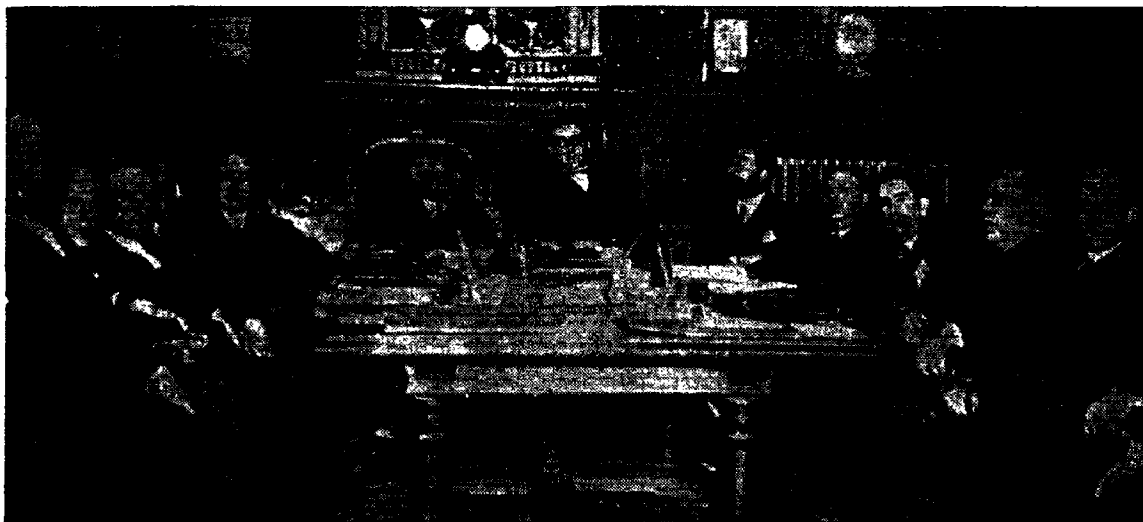
бросило крестьянству. Например, до созыва учредительного собрания приостановлены были все судебные иски помещиков о выселении крестьян-арендаторов за невзнос арендной платы. Но оно не способно провести сколько-нибудь коренной переделки аграрных отношений, и показательно, что даже социал-фашисты говорят не больше, чем об аграрной реформе, в виде отобрания помещичьей земли с выкупом, — реформе, совершенно противоречащей интересам основных групп среднего и бедного крестьянства.

Временное правительство не разрешило и не может разрешить национального вопроса путем признания права наций на самоопределение вплоть до отделения. Об эвакуации Марокко со стороны временного правительства не может быть и речи.

Лишь только после того как накопившееся недовольство масс нашло себе стихийный выход в поджогах и погроме монастырей, временное правительство приняло декрет, объявляющий религию частным делом граждан и устанавливающий полную свободу вероисповеданий и отправления богослужений. Но в то же время не отменен конкордат с Ватиканом, продолжают государственные субсидии церкви, не выселяются религиозные ордена, даже иезуиты. Больше того: за последнее время правительство выдало монастырям оружие для охраны, и были уже случаи стрельбы «святых отцов» по толпе, пришедшей

¹ Ленин, т. VIII, стр. 322.

Первое заседание буржуазного правительства

Слева направо: Альваро де Альборнос — мин. земледелия и торговли; социал-фашист Ларго Кабальеро — мин. торговли; Мигуэль Маура — мин. внутренних дел; Алахандро Леррус — мин. иностранных дел; Алькала Самора — председатель совета министров; Сантьяго Касарес Квирога — морской министр; Мануэль Асанья — военный министр

к монастырю, чтобы расправиться с его обитателями.

Наконец, временное правительство не дало демократической свободы. Компартия подвергается еще значительным преследованиям. Коммунистов арестовывают десятками, орган компартии «Мундо Обреро» закрыт. А в Андалузии губернатор объявил военное положение на длительный срок и объявил нарушение трудовых договоров между рабочими и предпринимателями государственным преступлением.

Другими словами, временное правительство уже начинает активное наступление на рабочий класс отнюдь не демократическими, а фашистскими методами. Временное правительство менее всего намерено вести политику доведения буржуазной революции до конца. Оно будет отчаянно сопротивляться попыткам революционной ломки и ликвидации помещичьего землевладения, всех помещичье-феодалных пережитков.

В этих условиях массы быстро изживают те республиканские иллюзии, которыми они были так сильно охвачены перед, во время и первое время после апрельской революции. Как буржуазные республиканцы, так и социалисты теряют свое влияние на массы. Этим в значительной степени и объясняется быстрый рост анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда. Она пользуется пока что популярностью и влиянием благодаря тому, что употребляет более революционные фразы, а главное, благодаря тому, что не участвует в правительстве и таким образом может играть в оппозиционность. В действительности же верхушка Нац. конфедерации труда — это сейчас главная опора временного правительства среди трудящихся масс. Сами анархисты открыто об этом говорят. Например, анархист Хозе Вильяверде в докладе, сделанном в мадридском буржуазно-интеллигентском клубе «Атенео», заявил, что «хотя Конфедерация и не входит в правительство, она более всего способствовала установлению республики». Более того: Конфедерация, как анархо-синдикалистская организация, в выборах участия не принимала, а между тем, по словам того же Вильяверде, «триумф респуб-

лики в Барселоне объясняется голосованием членов Конфедерации»¹. Другой видный анархист—Педро Вальина — открыто разболтал тактику анархистов в Андалузии, где крестьяне, мелкие арендаторы, издольщики и батраки, рвутся к захвату громадных помещичьих имений. В своем интервью буржуазной газете «Эль Соль» после «революционных» фраз о том, что право на землю принадлежит крестьянам и что к осени она должна им принадлежат, ему пришлось ответить на прямой вопрос корреспондента: что же анархисты намерены делать в Андалузии? И он откровенно ответил: «Сдерживать революционные действия крестьянства; препятствовать тому, чтобы нарушился порядок. И если бы вы знали как это трудно!.. У работника земли проснулось самосознание, и он со всей силой восстает против вековой эксплуатации». А поэтому: «Если учредительное собрание поймет важность момента и примет справедливое решение, то еще в октябре земля будет принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Если же учредительное собрание будет дипломатничать и пытаться лечить язву при помощи паллиативов, то по одному нашему слову Андалузия и Эстремадура запыхают от одного края до другого»².

Итак, испанские анархисты окончательно превратились в реформистов. Именно анархо-реформисты поддерживают сейчас в массах иллюзии, что учредительное собрание разрешит все социальные вопросы.

После этого становится понятным и смысл выборов в учредительное собрание и результат выборов. На первый взгляд может получиться как бы противоречие: временное правительство все более фашизируется, а между тем оно «демократически» проводит выборы в учредительное собрание; оно все более и более теряет свое влияние на массы, а между тем на выборах получает подавляющее большинство голосов, в то время как компартия не получает ни одного места. Это кажущееся противоречие вполне разрешимо, если учесть тактику Национальной конфедерации труда.

¹ Мадридская «Эль Соль», 19/V—31.

² «Эль Соль», 9/V—31.

В самом деле, на выборах выступали три основные политические группы: монархисты, республиканско-социалистический блок и коммунисты — последние в очень немногих округах. А самая популярная среди крестьянских и даже рабочих масс Национальная конфедерация труда в выборах участия не принимала, ссылаясь на свою «аполитичность». Вместе с тем, ее вожди заявляли, что «хотя НКТ как организация участия в выборах принимать не будет, члены Национальной конфедерации труда в индивидуальном порядке могут делать то, что им подскажет совесть»¹ — сейчас же вслед за этим велась ожесточенная агитация против компартии. Компартия еще не превратилась в массовую партию, не завоевала большинства рабочего класса. В этих условиях агитация анархистов в известной степени действовала на массы. Очевидно, что большинство либо воздержалось от участия в выборах, либо голосовало за республиканско-социалистический блок. Мнимая «аполитичность» анархистов была с их стороны прямым содействием буржуазному «республиканско-социалистическому» блоку.

Если этот блок уже через два с половиной месяца после своего прихода к власти проводит выборы в учредитель-

ное собрание, тут он, несомненно, учитывает опыт русской революции 1917 г. Оттяжка созыва учредительного собрания в России в 1917 г. ускорила изживание республиканско-демократических иллюзий у масс и тем самым облегчила победу пролетариата в октябре. Испанская буржуазия великолепно понимает, что она сможет господствовать только при помощи фашистских методов. Но ей выгоднее перейти в развернутое фашистское наступление уже после выработки конституции и формально на основе этой конституции, чем до нее. Ей выгоднее перейти в наступление тогда, когда республиканский строй формально будет упрочен. Ей выгоднее, чтобы учредительное собрание было созвано в условиях, когда пролетариат и крестьянство еще не изжили полностью своих республиканско-демократических иллюзий. Так разрешается и второе противоречие между фашизацией временного правительства и проведением им «демократических» выборов в учредительное собрание.

Перед испанским пролетариатом и его партией стоит поэтому задача развертывания борьбы за доведение до конца буржуазно-демократической революции, с тем чтобы перевести революцию на высшую ступень — социалистическую.

¹ «Эль Соль», 2, VI—31.

Взды революции

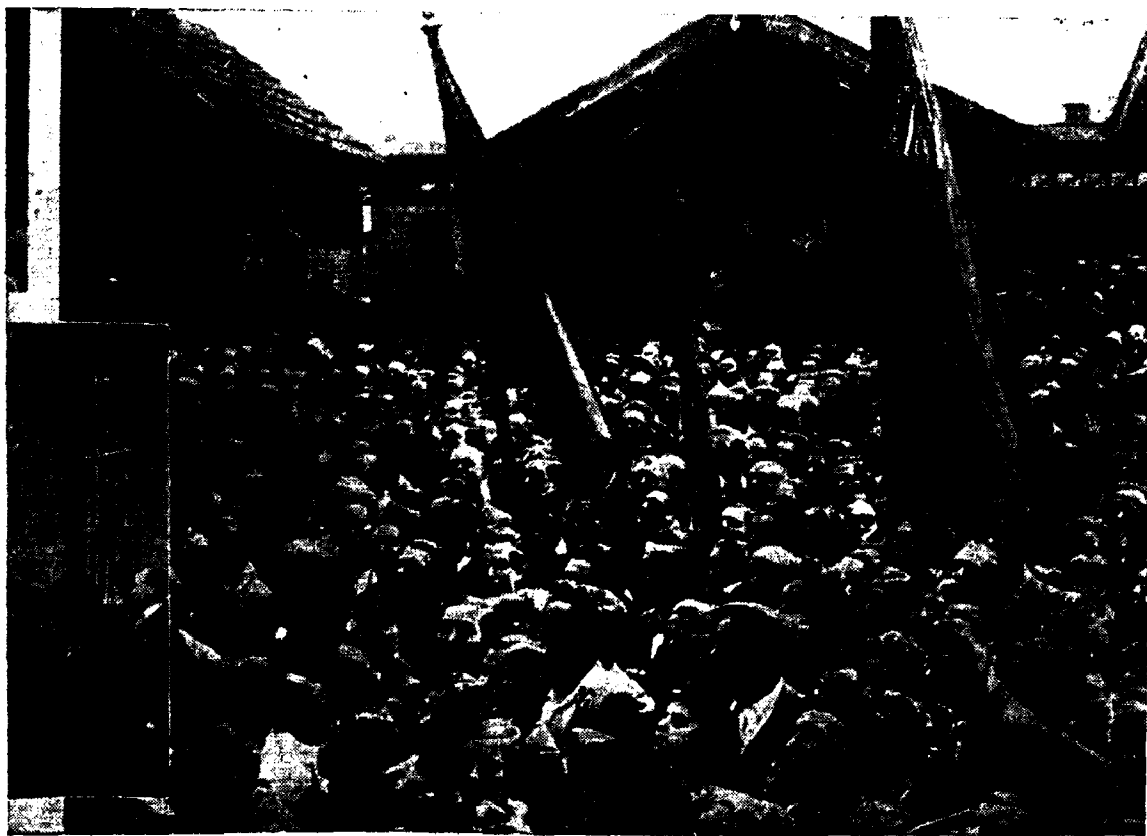
Какие перспективы перед испанской революцией?

Мануильский в своем докладе на XI пленуме ИККИ указал на разницу в общей обстановке при первом и при втором туре революций и войн: «От первого тура 1918—19 гг. он (назревающий второй тур войны и революции Б. М.) отличается тем, что он не достиг еще интенсивности подъема 1918—19 гг., но он протекает при наличии окрепшего государства пролетарской диктатуры, строящего социализм и уже завершающего построение фундамента социалистической экономики, при далеко зашедшей, в отличие от 1918—19 гг., дифференциации рабочего движения, при наличии сложившихся, политически окрепших компартий, после двенадцатилетнего опыта рабочего класса, видевшего социал-демократию у власти в ряде передовых капиталистических стран, при гораздо более глубоком обострении всех противоречий капитализма, чем это было в 1918—19 гг.».

Если огромным преимуществом испанской революции является то обстоятельство, что на одной шестой части земного шара господствует диктатура пролетариата, что существует Коммунистический Интернационал, что капитализм

переживает жестокий кризис, который, несомненно, затруднит задачу интервенции, — то зато у испанской революции имеется чрезвычайно слабая сторона—у испанского пролетариата нет закаленной, опытной, выкованной боями коммунистической партии, какой была наша партия уже в дореволюционной России. Наконец, в России в 1917 г. революция произошла в обстановке войны и сразу привела к установлению своеобразного «двоевластия» между советами — органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства—и буржуазным временным правительствам, которому советы уступили власть. В Испании же советов еще нет.

Классовая борьба в Испании неизбежно должна обостриться. В какой мере испанской революции удастся использовать все свои преимущества, зависит теперь уже не столько от объективных сколько от субъективных факторов. От того, насколько испанская коммунистическая партия сумеет завоевать большинство рабочего класса и повести за собой крестьянство, будет зависеть в значительной мере, насколько быстро будет разворачиваться и перерастать испанская революция.

Манифестации
на улицах Мадрида

КАТОЛИЦИЗМ В ИСТОРИИ ИСПАНИИ

Знамя инквизиции
Сверху лицемерная надпись: «Сострадание и справедливость»

Первая вспышка массового движения в Испании после апрельского переворота была направлена, главным образом, против католической церкви. Это не случайно, — Испания принадлежит к тем государствам в Европе, в которых влияние католической церкви чувствуется особенно остро. При-

чина такого сильного влияния католицизма кроется в далеком прошлом этой страны.

Как известно, Испания была завоевана арабами в VIII в. Арабы не только временно ее завоевали, но упрочились в ней на несколько веков. Завоевание шло, главным образом, за счет крупных землевладельцев — как светских, так и духовных. Феодалы того времени, т. е. крупные землевладельцы и представители католической церкви, ушли на север в горы. Явившиеся в сопровождении большого количества евреев арабы, как народ торговый, стали посредниками между Востоком и Западом, создали ряд цветущих городов, как Кордова, Севилья, Барселона, Валенсия, и вызвали к жизни культуру более высокую, чем испанская.

Завоевание арабов больше всего затронуло крупных землевладельцев, потерявших свои земли, и представителей церкви, составлявших с земельными магнатами единый класс.

Крупные землевладельцы и католическая церковь перешли в контрнаступление против арабского господства в Испании в конце XI в., в связи с крестовыми походами.

Папы в то время сами вели крупную торговлю, и их вражда к евреям и арабам, оправдываемая религиозными мотивами, на деле была враждой к конкурентам не на «ниве божьей», а на «ниве торговой».

Уже папа Пасхалий II опубликовал буллу, запрещающую испанцам направляться в Палестину для борьбы с мусульманами и требовавшую от испанцев исполнения долга у себя на родине в отношении борьбы с «неверными». Папа Иннокентий III обратился ко всем епископам Франции и Прованса с требованием, чтобы они призывали свою паству на поход в Испанию против арабов, и 2.000 рыцарей отправились на Пиренейский полуостров, чтобы оказать помощь землевладельцам и церковникам.

Крестовые походы против арабов поддерживали и итальянские города, также заинтересованные в восточных рынках. Генуэзцы, а за ними венецианцы и пизанцы, стали поддерживать деньгами «крестовый испанский поход».

Испанию отвоевывали у арабов прежде всего крупные землевладельцы, отбравшие те поместья, которые находились в руках арабов; рядом с земельными магнатами войну «горячо пропагандировала» церковь, заинтересованная в восстановлении своего земельного богатства. Католическая церковь сама была втянута в мировую торговлю, и ее борьба с евреями и арабами, ее домогательства изгнания евреев и арабов из Испании (увенчавшиеся в конце XV в. полным успехом) менее всего объясняются религиозными мотивами, а больше всего именно экономическими интере-

сами могущественной церковной организации. Так объединились меч и крест ради одного и того же дела, и не случайно папа заранее уже называл Испанию «любимой дочерью», которую насильно от него оторвали на много столетий проклятые мусульмане и иудеи. Завоеватели не только полностью восстановили свои бывшие владения, они конфисковали новые земли и создали огромные латифунции — как светские, так и духовные. Как велики были приобретения церкви, показывают следующие факты, приводимые писателями XV в. и первой половины XVI в. Так, по словам Дамишана и Гозса, церковь со времени окончательного изгнания арабов из Испании стала ежегодно получать четыре миллиона дукатов дохода, что в переводе на современные деньги составляет 300 миллионов золотых франков. В середине XVI в. кортесы (парламент) жаловались, что еще задолго до воцарения Карла V половина испанской территории находилась в руках высших представителей церкви. Вся территория между Кордовой и Севильей, по заявлению члена кортесов, принадлежит целиком церкви. В Эстремадуре некоторые церковные латифундии занимают 14 тыс. га. Архиепископ Толедо получал 80 тыс. дукатов дохода, а Испания имела семь архиепископов и сорок епископов, которые соперничали между собой в богатстве.

Настоятельница монастыря лас Хуэлгас (близ Бургоса) владела 14 средними городами и 50 мелкими, и летописец не без особой гордости прибавляет, что настоятельница этого монастыря была «после королевы первой дамой по силе и могуществу во всей стране». Неудивительно, что архиепископский посох привлекал очень многих представителей высшей знати. Светские сеньеры иногда воевали с теми епископами, которые раньше успевали воспользоваться столь лакомым куском, как епископство. То были раздоры внутри одного и того же класса — класса крупного землевладения; эти внутренние распри затихали, когда дело шло о борьбе против горожан и особенно против крестьян. При восстании городских коммун весь землевладельческий класс проя-

вил полную солидарность своих интересов, и церковь всячески благословляла подвиги феодальной знати, уничтожавшей цветущие при арабах города Кастилии, Арагоны и Каталонии. Разгром был настолько велик, что городская торговля и ремесло совершенно пали, города обезлюдели. Началась массовая эмиграция по преимуществу в только что открытую Южную Америку. Процесс крестьянского обезземеления развивался в ужасающих размерах, и земельным магнатам как светского, так и духовного звания пришлось отказаться от недавних лицемерных, демагогических утверждений, будто арабы и евреи повинны в обезземелении крестьян. Против недовольных крестьян начались жестокие репрессии, и эпоха «окончательного торжества креста над полумесяцем» знает самые дикие и кровавые расправы с крестьянскими волнениями и восстаниями. По существу торжество креста было торжеством крупного скотоводства, и Испания превратилась в страну, в которой земля была без людей, а люди без земли. Некоторые скотоводы, в особенности монастыри, насчитывали до 30—40 тыс. голов овец, и в видах овечьей свободы передвижения закон запретил на крестьянских участках копать рвы и возводить изгороди. Этого мало: скотоводам предоставлялось право пасти стада чуть ли не на обработанных даже крестьянских участках, не имевших, согласно закона, никаких изгородей и окопов. Странствующие стада стали бичом крестьянского населения, отданного в руки крупных феодалов.

Характерно, что испанские католические монастыри вывозили огромное количество шерсти в необработанном виде в «протестантские» страны — Англию и Нидерланды. Торговые интересы католических попов брали верх над религиозными предрассудками.

Когда «меч и крест» овладели в 1492 г. Гренадой, последним оплотом арабского могущества в Испании, Испания насчитывала около семи млн. населения. Ввиду разорения крестьян и чрезмерного развития скотоводства, она не могла прокормить себя хлебом и нужда-

лась в привозном хлебе. Испания голодала несмотря на плодородную Андалузию, из которой, в виду отсутствия дорог и пересечения страны семью горными хребтами, вывоз хлеба представлял огромные трудности. Голодные слои населения либо эмигрировали, либо уходили, в качестве пушечного мяса, во французскую армию, где конкурировали со швейцарскими и южно-германскими наемниками, а господствовавшие крупные скотоводы цинично провозгласили, что «не в людях богатство» и что единственным источником богатства являются драгоценные металлы, которыми была так богата принадлежавшая испанским феодалам Америка.

Раз люди не составляют «богатства и счастья», то семь миллионов человек тем больше затрудняли светских и духовных магнатов Испании, что из этих семи млн. около четырех падало на семитическое население, на арабов и евреев. Вокруг вопроса о еврейском и арабском населении Испании сплелся клубок самых разнообразных интересов, в которых религиозный момент был использован в качестве прикрытия корыстных грабительских интересов разных правящих клик: интересов торгового капитала, где католической церкви принадлежало не последнее место, грабительских вожделий церкви, двора и землевладельцев. При изгнании евреев им запрещалось вывозить золото и серебро, а имущество они фактически вынуждены были оставлять на месте, так как в короткий срок, предоставлявшийся для подготовки к отъезду, нельзя было продать его и т. п. В рабочих же руках крупные землевладельцы, разводившие скот, тогда не нуждались.

Приходится даже на расстоянии веков удивляться тому искусству, с каким духовенство вело агитацию в пользу изгнания семитов из Испании. Городскому населению доказывалось, что евреи представляют собой опасных конкурентов для христианских ремесленников, что обедневшие города не в состоянии прокормить многочисленное торгово-ремесленное население и что единственным выходом из городских затруднений является изгнание евреев из страны. При этом католическая церковь

Сожжение книг инквизицией (современная гравюра)

уже тогда не погнушалась пустить в ход самые дикие наветы на евреев, разжигая к ним национальную и религиозную вражду, используя эту вражду для подавления революционных настроений в крестьянстве и городском ремесленном населении, делая евреев «виновными» в угнетенном положении народных масс.

В 1490 г. был церковью инсценирован процесс «Святого дитяти из ля Гаурдии» — процесс «о заговоре против христианства» и ритуальном убийстве. Все это было подготовкой к широкому наступлению против евреев и арабов. Это наступление закончилось изгнанием их из

страны. Среди крестьян духовенство агитировало, главным образом, против арабов: даже трудолюбие и непритязательность последних ставились им в вину и оправдывали необходимость скорейшего избавления от них. Королевский декрет говорил о том, что все не католики должны немедленно покинуть страну. Однако опасность внешних осложнений и грозные предупреждения марокканского султана заставили испанского короля временно считать «не католиками» одних лишь евреев, которые в 1492 г. были изгнаны из Испании, причем вся их недвижимость должна была перейти в руки господствующего класса, а из движимого имущества изгнанники обязаны были оставить в стране в пользу королевской казны золото, серебро и прочие драгоценности. Краса и гордость католической церкви — банкир, воин и убийца — папа Александр VI Борджиа в пышных и торжественных выражениях поздравлял испанского короля Фердинанда и Изабеллу за столь богоугодное дело и наградил их титулом «католических» королей.

Однако изгнание при страшно тяжелых условиях его не могло охватить всего нехристианского населения. Если евреи дали очень значительный процент изгнанников, если количество последних доходило до 200 тысяч, то с 3¹/₂ млн. арабов дело обстояло гораздо хуже. Огромное большинство их превратилось в морисков, т. е. приняло католическую религию и составляло главную массу тех, которых впоследствии стали называть, по инициативе церкви, лжехристианами. То же сделали и оставшиеся в Испании евреи, получившие название маранов. Грабительские интересы церкви и господствующих классов это не могло удовлетворить. На преследованиях морисков и маранов легче всего проследить, что в гонениях на евреев и арабов религиозный вопрос (которым церковь и правящие классы оправдывали свои преследования) играл второстепенную роль, — в противном случае какой смысл могло иметь преследование людей, принявших «истинную веру»? Против перекрещенцев была пущена в ход и н к в И з и ц и я. Она должна была установить,

кто из маранов и морисков «лицемерно» перешел в католическую веру, кто из католиков находится под их влиянием, кто им сочувствует, заражен духом безверия и иудейства и в чьих жилах течет не истинно-испанская, не католическая кровь.

Инквизиция являлась мощным орудием террора правящих классов против народных масс.

В течение трех веков, начиная с конца XV в. и вплоть до XIX в., десятки и сотни тысяч людей гибли за то, что были заподозрены в «еретической нечисти»: одних жгли за то, что они сочувствовали евреям и мусульманам, других за то, что их отцы и деды были иноверцами, третьих за то, что они не доносили на тех, кто занимался ересью, четвертые, наконец, — и их было больше всего — погибали потому, что у них было состояние, на которое зарилась инквизиция. Еретик ведь не имел права владеть имуществом, а если душа сожженного отправлялась в ад на муки вечные, то имущество его переправлялось в инквизиционную кассу, ибо «без некоторого материального обеспечения немисливо совершение великого богоугодного христианского дела».

Однако инквизиция не ограничилась тем, что взяла на себя инициативу изгнания из Испании арабского и еврейского населения и сожгла на религиозном костре свыше четверти миллиона людей — она стала преследовать и тех, кто вел сношения с иностранцами, «не исповедывавшими католической религии»¹.

Нельзя было торговать ни с Нидерландами, ни с Англией, ни со Швецией, ни с другими государствами. При этой диктатуре феодалов неудивительно, что Испания в экономическом отношении падала все больше и больше, что капитализм в Испании не мог развиваться. «Город Медина дель Кампо, — пишет

¹ В конце XV в. папская курия была одним из монополистов торговли квасцами на мировом рынке. Здесь она столкнулась с сильной конкуренцией турецких торговых компаний. Понятно, почему торговля христиан с турками была объявлена «святотатством». Папа разрешил разбой по отношению к турецким судам. Однако, когда в XVI в. на мировом рынке конкурентом выступил французский король, то папа Юлий II порвал дипломатические сношения и с католической Францией. На этом примере легко убедиться, что запрещение инквизицией торговли с иностранными («не католическими») государствами менее всего вызывалось религиозными соображениями.

Ж. Геблер, — в течение немногих лет настолько обеднел, что не мог более платить государственных налогов. Шерстяное производство в Куэнке совершенно заглохло в 70-х гг. XVI в.; из многочисленных фабрик, в дни еще Карла V украшавших город, осталось всего три-четыре». Естественно, что к концу XVII в. об Испании говорили как об умирающем государстве, и вскоре между крупными западными государствами началась война «за испанское наследство». «Пиренеев больше нет», говорил французский король и в начале XVIII в. посадил на испанский престол представителя своей бурбонской династии. С этого времени Бурбоны, с очень небольшими перерывами, и правили Испанией вплоть до 14 апреля 1931 года.

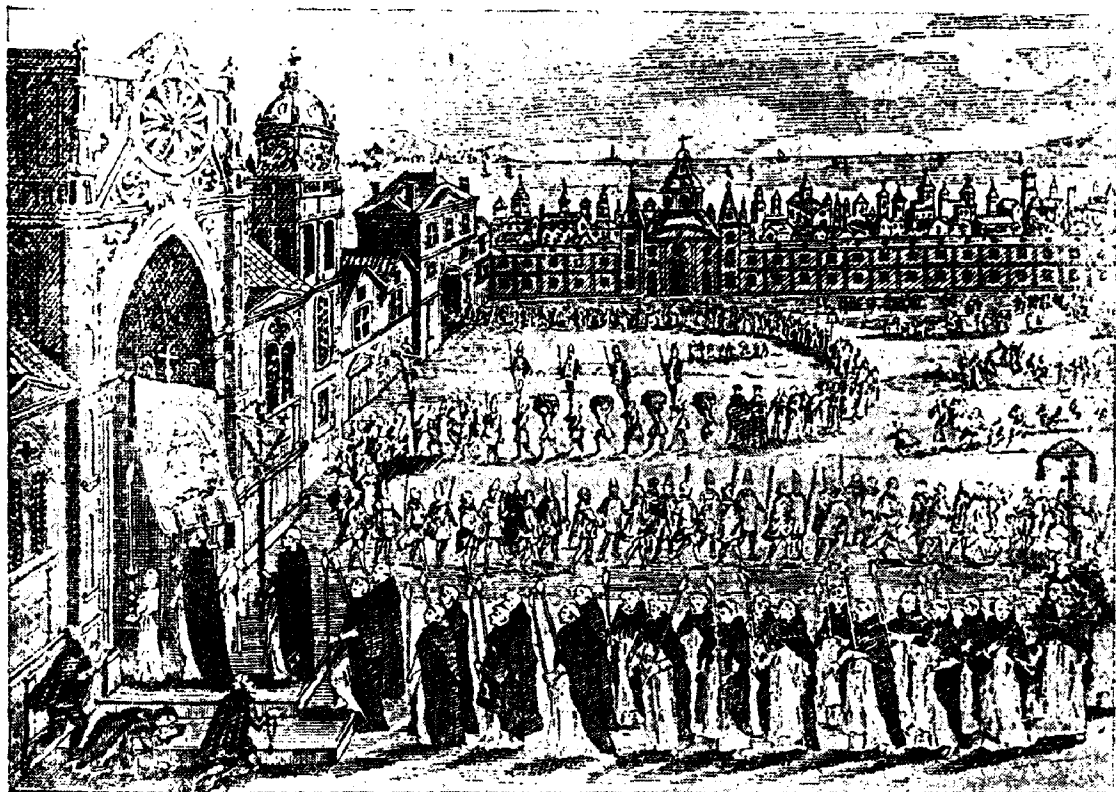
В начале XIX в. Наполеон I, завоевав Испанию, толкнул ее на путь буржуазного развития. Инквизиция была уничтожена, у монастырей была конфискована земля, буржуазии были даны определенные права и т. д. Делал это Наполеон потому, что французская буржуазия, представителем которой являлся император, нуждалась для победы над Англией в испанском рынке, куда буржуазия могла вывозить свои товары и откуда она могла бы черпать необхо-

димое ей сырье. Буржуазная Испания представляла гораздо более емкий рынок как для производства, так и для потребления, чем Испания, закабаленная феодализмом и инквизицией. Но, дав «свободу» Испании, Наполеон жестоко стал ее эксплуатировать в интересах французской буржуазии, проводил бесконечные наборы рекрутов, которых посылали на различные театры военных действий для торжества французской буржуазии над Англией.

Наступившая в Европе реакция после поражения Наполеона восстановила старый режим в Испании. Снова восторжествовала инквизиция, и снова вступил в права тот клерикально-феодальный режим, который в Испании господствовал со времени ее обратного отвоевания от арабов.

С развитием капитализма обостряется борьба между буржуазией и феодализмом. Эта борьба тянется в Испании очень долго. Только в 1868 г. недовольство приняло такие размеры, что бурбонская монархия была уничтожена.

Главной, но вместе с тем стихийной силой, опрокинувшей Бурбонов, было разрозненное, выбитое из колеи, гибнущее крестьянство. Если слабая буржуазия в течение короткого времени готова была протянуть руку крестьянам,

Инквизиционная процессия

чтобы в союзе с ними ударить по клерикально-феодальной реакции, то Парижская Коммуна 1871 г. положила этому конец, и произошло «сердечное» сближение между помещичьей и буржуазной партией. Так была выработана конституция 1876 г., просуществовавшая до апреля нынешнего года, и восстановлена была монархия, в которой львиная доля господства принадлежала помещикам. Неудивительно, что в Испании и после революции 70-х гг. осталось много феодальных пережитков и сохранилось в силе огромное влияние католической церкви, бывшей лучшим оплотом феодальных порядков.

Влияние этих пережитков сказывается в распределении земли: в то время как 2% землевладельцев владеют 67% всей обрабатываемой земли с участками в 100 га и выше (католической церкви принадлежит 18% территории), 76,5% землевладельческого населения владеют всего 4,7% земли с участками не свыше 5 га. Свыше 10,5% крестьян совершенно лишены земли и представляют собою сельскохозяйственный пролетариат; к этим батракам нужно прибавить около 2¹/₂ млн. сельской бедноты, наделы которой в пять га и ниже недостаточны для прокормления семьи. В общем свыше пяти млн. человек, т. е. около 22% населения современной Испании (составляющего несколько больше 23 млн.), состоят из деревенской бедноты и батраков. Зарплата сельских рабочих очень низка и обычно не превышает 40—50% того, что получает английский или французский батрак.

Феодальные пережитки сказываются и в тех привилегиях, которыми пользуется в Испании католическая церковь. 11-я статья конституции 1876 г. гласит: «Римско-католическая и апостолическая религия признается государственной религией. Нация берет на себя обязанность поддерживать католический культ и его служителей». Обязан-

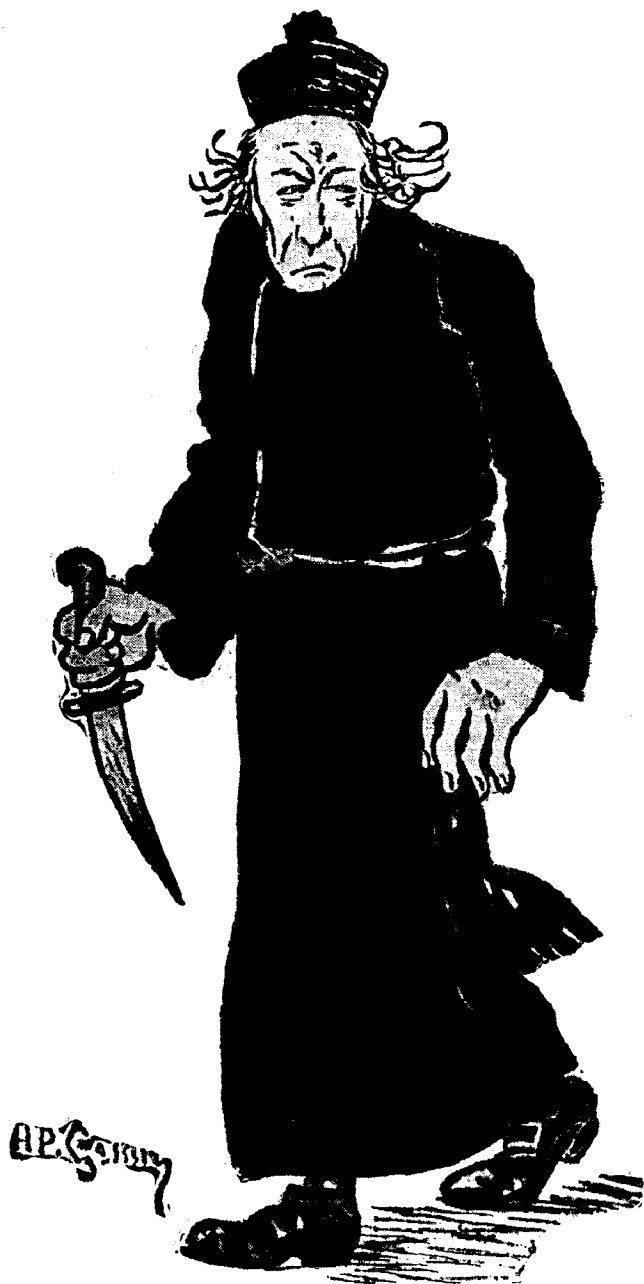
ность эта, при переводе на цифры, выражается в том, что государство ежегодно ассигновывает в пользу католического духовенства 90 млн. пезет (пезета равна франку). Сумма в 90 млн. означает, что душевой налог на нужды церкви в Испании превышает четыре пезеты. Испании в этом отношении принадлежит пальма первенства: более богатая Франция в 1903 г., т. е. до отделения церкви от государства, взимала с населения в пользу духовенства лишь 1 фр. 95 сант. И эта огромная сумма передавалась католической церкви несмотря на то, что церковь так богата в Испании, владеет огромными землями и сосредоточила в своих руках почти все водочно-ликерное, шоколадно-конфетное, кружевное производство и ряд крупнейших промышленных предприятий. Урезывался бюджет народного образования, никогда не превышавший 60 млн. пезет, с тем чтобы полностью удовлетворить аппетиты католической церкви. Число церквей превышает количество учебных заведений: накануне революции во всей Испании было лишь 35 тыс. учебных заведений, включая и самые элементарные школы. Зато «гордость истинной цивилизации» составляют 38 тыс. католических соборов и церквей! При обсуждении бюджета министерства народного просвещения правительство мотивировало обычное его сокращение тем, что церковь тратит «из своих собственных средств» значительные суммы на дело воспитания и обучения народа. Однако цифры совсем не подтверждали эти правительственные заверения: до войны 1914—18 гг. в Испании было 56,6% безграмотных и по невежеству страна занимала первое место среди западных государств. Процент безграмотных женщин доходил до 90—92! Если принять во внимание что «грамотные» учились лишь в церковной школе и зачастую ограничивали свою «грамоту» знанием наизусть лишь молитвы «Отче наш», то нужно признать, что и до сих пор в Испании до 60% населения не умеет ни читать, ни писать. Большинство средних учебных заведений, в особенности женских, до революции 1931 г. находилось в руках монахинь и церковников, и преподавание

велось в сугубо монархическом, поповском, контрреволюционном духе. В видах лучшей борьбы с новшествами был основан в 1907 г. в Мадриде католический университет, почетным президентом которого был испанский прима, архиепископ города Толедо, в том же году получивший «высокое» звание «генерального инквизитора», так как юридически инквизиция не была отменена в Испании римским папою.

Предреволюционная Испания насчитывала 4900 монастырей, владевших огромными земельными богатствами. Церковная верхушка руководится иезуитами. Последние составляют особенное зло Испании: на 20 тыс. членов иезуитского ордена на долю Пиренейского полуострова приходится не менее семи тысяч, не считая скрытых иезуитов.

Католическая церковь, в течение многих веков бывшая опорой эксплуататоров, сеявшая в стране мракобесие и реакцию, проявляла вместе с тем огромную гибкость в деле обмана масс. С ростом социализма уже в 1893 г., через два года после знаменитого обращения о значении социального вопроса папы Льва XIII, бывшего попыткой отвоевать у социалистов влияние на рабочих, патер Антонио Висент опубликовал книгу о социализме и анархизме, в которой католикам указывалось на необходимость тщательного изучения положения рабочих для отвлечения от опасной социалистической пропаганды. В ответ на призыв Висента организовалась группа «социальных католиков», устроившая народные передвижные университеты, руководимые как иезуитами и духовенством, так и светскими реакционными учеными. В этих университетах на всякие лады развивалась мысль, что социальный вопрос является частью религиозного и что только последний может полностью разрешить первый. Стали организовываться католические рабочие союзы, одновременно «признаваемые и государством и работодателями: союзы эти помогут приблизиться к Иисусу Христу тем, которые его забывают». Католики организовали первые союзы в Каталонии и Бискайе, двух наиболее промышленных провинциях Испании.

В деревнях патером Висентом и его последователями были устроены сельские кооперативы, общества дешевого кредита. В одной лишь Наварре в 1912 г. насчитывалось свыше 75 католических крестьянских кооперативов и 125 касс дешевого кредита, обнимающих 275 деревень. Постепенно католики стали говорить о необходимости отказа от названия своих организаций католическими; дело не в имени, а в сущности, которая сводится к борьбе против социализма. «Нейтральные» организации могут в этом отношении сделать гораздо больше, чем чисто католические. Эта мысль, в конце концов, была одобрена и высшим духовенством, — так, недавно еще собиравались «нейтральные» конференции в епископском дворце Майорки, Сории, Бадахоса, Валенсии и Луго.

К убийству Феррера. Из „Юманите“ 1909 г.

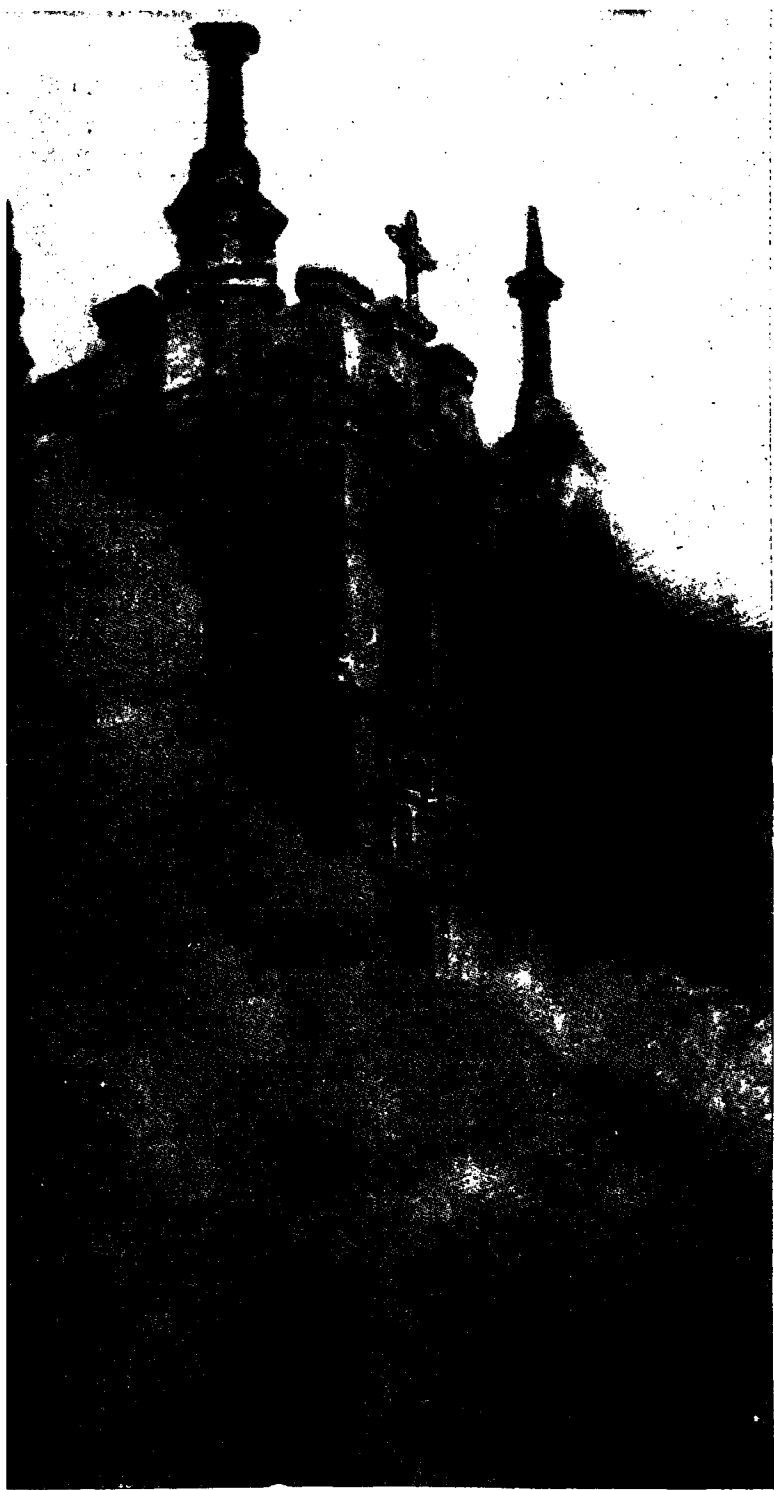
Большого успеха работа «социальных католиков» не имела, в особенности среди рабочих: реакционная роль церкви, ее полное сращивание с эксплуататорскими классами слишком хорошо известны, чтобы массы поверили попам.

Но все же свое реакционное дело — разложение рабочего движения изнутри — церковь делала: католические профсоюзы Испании (по статистике 1925 г.) насчитывали 100 тыс. членов.

Теперь, после апрельской революции, на страницах либеральных и социал-

фашистских газет торжественно заявляют, что временное правительство положит конец влиянию католической церкви в Испании, ибо оно готово отделить церковь от государства. Разумеется, это — сплошной обман: никакого последовательного и полного отделения церкви от государства буржуазия проводить не станет. С первых же дней революции правительство заявило о том, что права церкви и ее господствующее положение сохраняются. Лишь открытые контрреволюционные заговоры иезуитов, приведшие к массовым народным выступлениям против попов и к сожжениям церковью и монастырями, принудили правительство к робким шагам в направлении издания закона о «свободе совести», заставили его выслать папского нунция Сегуру из страны. Испанская буржуазия справедливо видит в лице церкви превосходное оружие борьбы с революционным движением, особенно среди крестьянства. Вот почему буржуазия не хочет и не может освободить Испанию от векового гнета католической реакции. Это понимает и церковь, и ее глава — папа. Уже неоднократно римскому папе приходилось мириться с потерями церковного бюджета и убеждаться, что и без государственной субсидии можно продолжать реакционную и контрреволюционную деятельность церкви. Если даже испанской церкви придется временно потерять свои ежегодные 90 млн. пезет, она сумеет вознаградить себя «добровольными» взиманиями с паствы и спокойно будет продолжать свою борьбу за классовые интересы эксплуататоров и против революционного движения рабочих и крестьян. Для уничтожения влияния католицизма в Испании совершенно недостаточно одного отделения церкви от государства, — необходимо, прежде всего, подорвать в корне материальную базу церкви, лишить ее всех ее земельных богатств.

Разумеется, временное правительство, в котором представлены те классы, которым дороги интересы крупного землевладения и крупного капитала, не умеет и не хочет справиться с этой исторической задачей. Ее разрешит не временное правительство буржуазии, а пролетарская революция в Испании.

Монастыри в огне

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

КУСОЧЕК РАЗГОВОРА

Русские, как известно, пьют чай, а испанцы, как известно, пьют кофе. Раньше испанцы, как известно, пили шоколад, но потом, как известно, вкусы за Пиренеями начали меняться, и сейчас, зайдя в дверь, над которой висит вывеска «Шоколад», вы наверняка получите чашку кофе, но вряд ли достанете чашку свежего шоколада. Вам не откажут в этом легком, бодрящем, чуть-чуть детском напитке, но придется подождать, пока вашу порцию специально приготовят в кастрюльке. Однако мало кто знает, где в Мадриде можно получить изысканную чашечку совсем настоящего чистого кофе со своим подлинным, настоящим ароматом.

Все это мне рассказали, сопровождая длинными подробностями, а потом отвели, с оттенком торжественности, в маленькую кофейню на бульваре Реколетто, налево за пышным садом военного министерства, вблизи высокомерного особняка «Президенция де консехо де лос министрос».

В кофейне оказался не только настоящий бразильский кофе, но и настоя-

щие испанские интеллигенты. С утра до ночи сидят они здесь, тщательно выбритые, причесанные, даже припороженные — не чета своим коллегам во Франции, Америке и России. Они смотрят чуть расширенными глазами сквозь голубой дымок папиросы и спорят очень быстро, хотя никуда не торопятся. Спорят о Ницше, о Муссолини, о Горьком, о Мустафе-Кемаль-паше, о Чарли Чаплине, о генерале Санчесс Герра и о тореадоре Бельмонте.

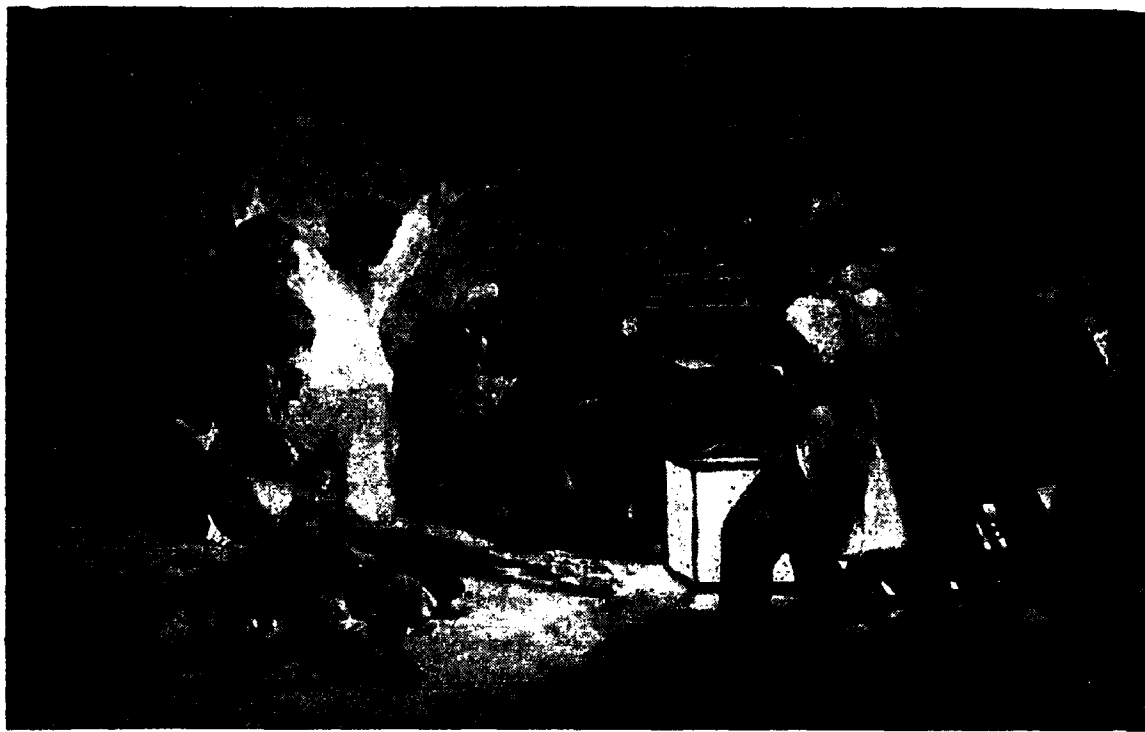
Они все знают, эти люди с тонкими лицами, с язвительной и нервной усмешкой, с культурной проседью в волосах, с толстой папиросой в длинных бледных пальцах. Их ничем не удивишь. Они все знают, вернее—почти все.

Они проводят изящные параллели между Христом и Лениным, но не знают, сколько населения в СССР. Они сравнивают Шопенгауэра с Фордом, но искренне убеждены, что Рига — советский город на Волге. Они пророчествуют о завтрашней речи Бриана, но не знают, сколько Германия должна Франции, не подозревают, что писатель Гоголь

Революционная демонстрация мадридских рабочих 1 мая 1919 г. На плакате— лозунг: «Да здравствует Россия»

Музей Революции

3 мая 1808 г.
в Испании

Картина Гойа

уже умер и что аэроплан не может давать заднего хода.

— Мне жаль вас, — сказал один из самых почтенных завсегдатаев кафе на бульваре Реколетто: — мне жаль вас и ваших друзей большевиков. Вот вы примчались сюда из вашей снежной Москвы, как только услышали, что Альфонс Бурбон покинул Испанию. Вы, как бабочка, метнулись на огонь горящих церквей. Вы думаете, что это уже конец и вместе с тем начало. Но вы забыли, что история повторяется.

— Повторяется, но каждый раз по-иному.

— О, нет. В Испании девять раз была революция. Четыре раза здесь провозглашалась республика. И каждый раз монархи возвращались на свое место, и к свергнутому трону привинчивали новые ножки, и загаженную чернью порфиру отмывали горячей водой, и почерневшую корону натирали до блеска кирпичем. Мы, испанцы, искусенные люди. Мы рады республиканской передышке, но мы ждем возврата его величества — если не в лице Альфонса, то в чьем-нибудь другом. Если не завтра, то через год или три — никак не позже.

— Как можно сравнивать то, что было, с тем, что есть? Ведь раньше под революциями подразумевались офицерские пронунциаменто, дворцовые офи-

церские мятежи. Сейчас на арену выступили широчайшие народные низы.

— Отчего же вы не находите их в прошлом? Уже сто двадцать лет, как на площадь Пуэрта дель Соль приходит толпа с воплями: «Долой тиранов, вся власть народу!». Триста лет прошло с тех пор, как в первый раз народ подошел к дворцу и заставил короля каяться в своих прегрешениях. Деятнадцатое столетие — это цепь испанских революций. Век открывается восстанием против французского ставленника — короля Иосифа Бонапарта. Не хвалитесь своими Советами: еще в 1808 г. наши советы, революционные хунты, образовали свой центр, и он правил страной. Фердинанд VII прекратил это удовольствие, он разогнал революционную власть и отменил конституцию 1812 г. В 20-х г.г. все началось сначала. Пехотный капитан Рафаэль дель Риго образовал революционную карательную экспедицию и прошел через всю страну. Опять в Мадриде бушевали массы, они ворвались во дворец, Фердинанд спас свою шкуру только тем, что вновь присягнул отмененной им конституции 1812 г. Эту революцию королям тоже удалось задушить, прекрасная соседка Франция помогла это сделать... Каша заварилась снова в 1834 г. Опять народ, опять он врывается во дворец, опять королева Изабелла восстанавливает зло-

счастную конституцию 1812 г. И даже более того — в Испании провозглашена республика. Президент из простого народа, из солдат. Демократический президент стал вести себя, как монарх. Его свергли, восстановили старое — и на всю эту историю ушло новых девять лет. Восемьсот пятьдесят четвертый год — очередная очень демократическая и очень революционная революция. Борьба с духовенством, конфискация церковных земель. И опять неудача, опять реставрация... Шестидесят восьмой год — начало новой революции. Изабелла свергнута, на престол возведен Амедей. Еще через три года гонят Амедея. Опять республика! Опять ликование. Потом реакция, республиканская военная диктатура и опять монархия! Стоит ли после этого терять головы нам, столь умудренным историей испанцам?

— Значит, ничто не ново под луной?
— Ничто.

С философской покорностью судьбе он сгорбился над чашкой, утопил свой взгляд в маленькой черной пучине кофе.

— Но ведь за те сто лет, о которых вы говорите, мир переменялся. За сто лет выросли новые классы. Создалась буржуазия, которой не было во время восстаний против Иосифа Бонапарта. Вырастая и оформляясь как класс, она вела бои за свои права и постепенно завоевывала их, хотя вам кажется, будто все сто лет стояло на месте. А потом стал отвердевать и следующий исторический класс — пролетариат. Он был до последнего времени распылен, его разлагали анархисты, но всему приходит конец, теперь рабочая масса выходит на правильный путь, пролетариат приступает к выполнению своего долга в Испании. И, наконец, ведь все испанские революции девятнадцатого столетия проходили без настоящей, острой постановки аграрного вопроса! Сейчас, когда в Испании есть партия

Рабочая демонстрация в Севилье. 1931 г.

своих большевиков, она свяжет революционные стремления поработанного крестьянства с движением батраков и фабрично-заводского пролетариата — это будет уже нечто иное, чем старые беспомощные вопли: «Долой Иосифа, да здравствует Фердинанд! Долой Фердинанда, да здравствует Изабелла! Долой Изабеллу, да здравствует Карлос!»

Кофейный философ кисло усмехнулся.

— Это уже чисто московский разговор. Конечно, если золото Кремля прольется на нашу нищую землю, на ней могут вырасти кое-где советы. Но это будет чужеземный фрукт. Это будет не испанская революция, а русская революция в Испании.

— Вы не оригинальны в клевете на свой народ. Сто лет назад, когда испанские крестьяне восставали против своих феодальных мучителей, английская печать приписывала это тоже «русским интригам». Тогда в интригах обвиняли не Коминтерн, а царское правительство. Бегут годы, плывут десятилетия,

меняются века. Приходят на смену друг другу новые классы, меняются общественные отношения. Сейчас в Испании начались большие дела: новый, окрепший, окрыленный своей ненавистью класс штурмует истлевшее, быстро оседающее социальное здание вашей страны. Он ждет помощи, он ищет культурных сил, боевых попутчиков. А вы, и в вашем лице испанские интеллигентские сливки, вы отсиживаетесь в лакейской, вы трусливо жмуритесь от шума улицы и старчески шамкаете насчет того, что, мол, всякое бывало! Подождите — ураган ворвется во все щели — вы не спрячетесь здесь, на бульваре Реколетто!

Знаток испанской истории погрустнел. Он взглянул на меня недоброжелательно — как на человека, грубо открывающего дверь с ненастной улицы в уютную, чистую комнату. Он перестал спорить. И, повинувшись неожиданным предчувствиям, заказал лишнюю чашечку кофе. На всякий случай — вдруг его не станет, этого чудесного бразильского кофе.

Квартал безработных в Севилье

ЭДМОНДО ПЕЛУЗО

ЗА ПИРЕНЕЙСКИМ ХРЕБТОМ

ВОСПОМИНАНИЯ

Во время первой демонстрации 1 мая в Испании в 1890 г. я находился в Барселоне, где был типографским учеником. В это утро, отправляясь как обычно на работу, я увидел на улице Рамбла, главной артерии Барселоны, огромное скопище рабочих. Среди них на митинге выступали ораторы, говорившие на каталонском языке, почти единственном в этом районе. Они агитировали рабочих бросать предприятия. Жандармерия («гражданская гвардия») группировалась посреди улицы, а за ней прогуливались полицейские в штатском. Ораторы призывали к международной рабочей солидарности, указывая, что отныне 1 мая должно стать днем международного пролетариата. Вдруг полицейские, которые до сих пор держались выжидательно, бросились с револьверами в руках на группы рабочих, а кавалерия окружила бастующих. Началась настоящая битва. Схватка длилась несколько минут, и рабочие, оттесненные к кварталу Грасиа, быстро сомкнулись в ряды и продефилировали по улицам рабочих кварталов, призывая к забастовке и распевая рабочий гимн:

Цепи тебя угнетают, сын народа.
Надо вырвать из рук ненавистную плеть.
Мы покончим с мученьем,
добьемся свободы,
Чем быть рабом, лучше нам умереть.

и припев:

Строим армию труда
Мы за рядом ряд,
Не сломить нас никогда,
Буржуа, уйди назад.

Феодальный режим, царивший на фабриках, дороговизна предметов первой необходимости и высокая жилищная плата при наиболее низком из всех европейских стран заработке — все это облегчало вовлечение во всеобщую забастовку большей части каталонских

рабочих. Испания, и особенно Каталония, представляла собой благодарную почву для бакунизма, и в конце прошлого столетия анархо-синдикалистское движение получило значительное развитие и было на подъеме. Социалисты не имели почти никакого влияния в Каталонии.

В то время как в Барселоне рабочие по своей инициативе организовали революционную демонстрацию, в Мадриде депутация из социал-демократов, во главе которой находился Пабло Иглесиас, посетила главу правительства Сагаста и завершила его, что социал-демократия остается на почве законности.

Всеобщая забастовка в Барселоне вызвала суровые репрессии, которые повлекли за собой в свою очередь анархистские террористические акты и закончились убийством председателя совета министров Коновас дель Кастилио.

В 1909 г., возвращаясь из Соединенных Штатов, где я провел много лет, я снова посетил Испанию, чтобы повидаться с братом. Как раз в то время Испанию охватили волнения, вызванные марокканской экспедицией, которую предпринял вождь тогдашней испанской реакции пресловутый Маура, родственник министра нынешнего республиканского правительства. Возбуждение в среде каталонского пролетариата, главным образом среди текстильщиков и металлистов, было очень велико. Ведь они, главным образом, поставляли «пушечное мясо», необходимое испанской буржуазии для завоевания новых рынков в Африке. Известие, что 20.000 резервистов будут посланы в Африку для усиления экспедиционного корпуса, встретило резкое сопротивление со стороны испанского пролетариата и особенно каталонского. Закон о воинской повинности хотя объявлял

военную службу обязательной, но допускал освобождение от действительной службы путем уплаты 1.500 пезет. В результате этого на военную службу попадали только рабочие. И вот правительство во время марокканской экспедиции объявило мобилизацию запасных, отрывая их от семей и посылая в горы Риффской области воевать.

26 июля 1909 г. в Барселоне была объявлена всеобщая забастовка — и в течение нескольких часов город был точно парализован. Уличное движение прекратилось, телеграфная и телефонная связь оборвалась. Монастыри и церкви были охвачены пожарами. Когда жандармерия выступила против рабочих, каталонский пролетариат вступил с ней в бой. Тогда гражданский губернатор был заменен военным и было введено осадное положение. После определенных часов жителям было запрещено выходить на улицу. В рабочих кварталах возникли баррикады, в течение пяти дней шли уличные бои. Во многих местах провинции была объявлена республика. В Сабадель — большом индустриальном центре — было образовано временное правительство, во главе ко-

торого стал рабочий-каменщик. Движение охватило деревню.

Любопытная политическая демонстрация произошла в каталонской деревне Матаро. Революционный комитет, обсудив вопрос об отношении к религии, постановил закрыть церковь и в письменной форме предложил приходскому священнику осуществить это: «В виду того, что комитет призван в настоящий момент поддерживать порядок и в виду того, что учреждение, которое возглавляет в данный момент священник, не является учреждением первой необходимости, оно должно быть закрыто».

Образованный в Барселоне комитет солидарности, составленный в большинстве своем из анархистов, в который вошел лишь один социалист, пытался возглавить движение. Но в действительности он проявил абсолютную неспособность к этому, так как он вовсе не стремился взять власть в свои руки. Он не сделал попытки войти в контакт с войсками, чтобы путем братания солдат с народом завладеть казармами, и не провозгласил республики, как этого требовали некоторые пролетарские элементы провинции. Весь револю-

Покушение на Альфонса XIII в 1906 г.

Первая страница французской социалистической газеты „Юманите“ от 14 октября 1909 г., под заголовком „Феррер убит. Весь Париж возмущен“

ционный взрыв рабочих масс был направлен против церкви и попов. Таким образом, революционное движение было направлено по неправильному пути.

Поведение социал-демократов было весьма характерно. В принципе они были против войны, и об этом каждый день извещал крупными буквами их центральный орган «Эль социалиста». С другой стороны, они считали, что Испания должна сохранить свои позиции в Марокко, но без войны. Как и республиканцы той поры, они добивались «мирного проникновения» в Марокко «культурным» путем, посылая туда учителей, врачей и «цивилизаторов».

Благодаря пассивности социалистических вождей, Маура, палач испанского пролетариата, подавил движение. На индивидуальный террор анархистов, бросавших бомбы в высоких чиновников монархии, на поход против церкви Маура ответил белым террором. Он арестовывал рабочих тысячами и заточал их в крепость Монжуик, расположенную на холме, возвышающемся над Барселоной. Заключенных подвергали пыткам, чтобы вынудить их к «признаниям». Перед своим отъездом в Германию, я узнал, что Франсиско Феррер

был арестован. После краткого судебного процесса он был расстрелян по приговору военного суда как один из главных зачинщиков восстания.

В действительности же Феррер всю свою жизнь занимался исключительно педагогической деятельностью. По образу мыслей он был позитивистом, антирелигиозником, франкмасоном. Он организовал нечто вроде светской школы, которую называли «Новой школой», где в отличие от других учебных заведений Испании не было преподавания закона божьего. Феррер был в течение многих лет видным членом французских масонских лож, известных под названием «Великий Восток Франции». Он не имел никакого отношения к рабочему движению. Это был типичный интеллигент, склонявшийся к индивидуализму и к анархизму. Он не поддерживал связи с социалистами и задолго до своей казни порвал даже все отношения с активными анархистами, но клерикалы искали козла отпущения и нашли его в человеке, который хотел вырвать из рук религиозных орденов монополию воспитания молодежи. Казню Феррера Маура дал удовлетворение клерикалам. Либеральные журналы того времени

изображали Феррера лидером пролетариата, тогда как фактически Феррер—анархист-индивидуалист, исполненный только ненавистью к клерикализму, содействовал поражению рабочего движения.

Его казнь встретила большой отклик в Европе. Повсюду происходили демонстрации против клерикализма и средневековья в Испании, и Феррер был окружен ореолом мученика.

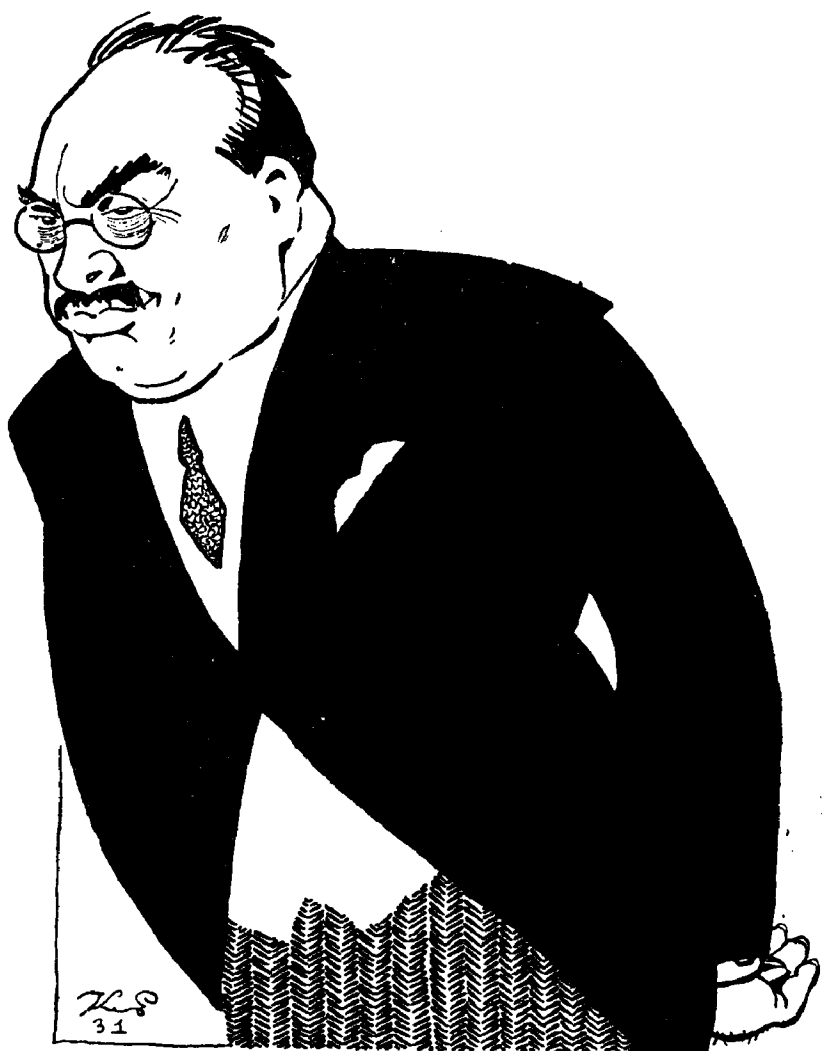
Спустя некоторое время я покинул Испанию и уехал в Берлин. Каутский и Гильфердинг пригласили меня писать по испанскому и португальскому вопросам в «Нее цейт» и «Форвертс». Это было в 1910 г. В Португалии назревала революция. Приблизительно за месяц до того, как она вспыхнула, я написал для «Форвертса» статью о Португалии. Опираясь на реальные факты, я предсказывал, что монархия в Португалии будет скоро свергнута. Гильфердинг, упоенный успехом своего только что вышедшего «Финансового капитала», бегло

прочел мою статью и сказал: «Вы сошли с ума!». Я старался его убедить, что я прав, что статья отражает подлинное политическое положение, но все было напрасно. В один прекрасный день — это было в октябре 1910 г., примерно через месяц после этого инцидента — меня срочно вызвали в редакцию «Форвертса». Гильфердинг встретил меня с улыбкой и протянул мне телеграмму агентства Вольфа, в которой говорилось: «В ночь с 3 на 4 октября португальские республиканцы взяли власть в свои руки. Король и его семья бежали в Гибралтар».

— Вы были правы, — сказал мне Гильфердинг. — Когда я был так молод, как вы, я тоже мог предсказывать, когда разразятся революции.

После этого он поручил мне подробно освещать в «Форвертсе» положение в Португалии и просил товарища Мархлевского переводить мои статьи о революции на немецкий язык.

Наконец, в последний раз я столкнулся с испанским рабочим движением

Гильфердинг: „... когда я был так молод, как вы, я тоже мог предсказывать, когда разразятся революции“

Рис. К. Елисеева

во время мировой войны. Я был тогда в Швейцарии. В контакте с русскими большевиками и другими социалистами, которые боролись против войны, мы старались сдвинуть рабочее движение на революционный путь, организовать оппозицию социал-оборончеству.

Пользуясь личными связями с работниками социалистических партий Пиренейского полуострова, я старался выполнить эти задачи в Испании и Португалии.

Я почти добился успеха в португальской партии, часть которой во главе с секретарем партии Цезарем Ногейра присоединилась к циммервальдскому движению. Правда, позднее португальская партия вернулась на шовинистские позиции. Что касается испанской партии, то я там натолкнулся на китайскую стену. Пабло Иглесиас, ветеран I и II интернационалов, был совершенно убежден в «праведности» дела стран Антанты. Он был напичкан пустой, но опьяняющей фразеологией «идеалов справедливости и права», к которым стремились союзники. Мои письма шли через Францию, и часто французская цензура задерживала их. Наконец, Иглесиас сумел установить со мной связь. Он мне писал в октябре 1915 г.:

Мадрид 6-X-1915 г.

Дорогой друг Пелузо.

... Я вижу, что в отношении войны ваше мнение не совпадает с мнением большинства испанских социалистов. Тот факт, что международный социализм не в силах был воспрепятствовать военным действиям правительств, главным образом, германского и австрийского, заставил французских, бельгийских, английских и др. социалистов занять позицию, которую они теперь защищают. Если бы они этого не сделали, то сильно содействовали бы тому, что германская империя, или, что то же самое, милитаризм этой страны оказался бы победителем.

Я полагаю, что социалисты, которые не видят ясно этих моментов, — к несчастью их много — увидят их по окончании войны...

П. Иглесиас.

El Obrero
por
Madrid, 6-10-15

Querido amigo Péluzo.

A la vuelta de una excursión por varias regiones de Galicia, me han entregado un apreciable del 2 del pasado.

Siento que se haya actuado una de mis cartas, y que la haya pasado lo mismo a una de la Redacción de El Obrero.

Le veo, en el asunto de la guerra, con mi criterio que no es el que tienen la mayoría de los socialistas españoles. El hecho de no haber tenido fuerza el Socialismo internacional para impedir la acción guerra de los Bolshevikos, y principalmente del alemán y del ambiente de obligados a los socialistas franceses, belgas, ingleses y otros presentes de adoptar la actitud en que se encuentran. Si con no hubieran hecho habían cambiado de deberíamos a que el imperio alemán, a la gran

Письмо Иглесиаса к Э. Пелузо от 6 октября 1915 г.

Институт Маркса и Энгельса

Испания, сделавшись поставщиком военного снаряжения для Антанты, накопила огромные капиталы.

Буржуазия, получая чудовищные барыши, бросила жалкие крошки со своего стола испанским рабочим. И социал-демократические вожди предавали пролетариат за чечевичную похлебку.

На этом письме мои сношения с Иглесиасом прекратились.

Испания сыграла большую роль в моей жизни. Там я вступил в великую пролетарскую армию. Там впервые, наблюдая классовую борьбу, до того как я прочел Маркса и Энгельса, прежде чем я познакомился с учением Ленина, прежде чем я увидел своими глазами, как строится социализм под крепким руководством Сталина, — я понял, что капиталистическое общество делится на две части: на эксплуатируемых и эксплуататоров. И инстинктивно я примкнул к новому социальному строю.

Н. КРУПСКАЯ

ВЫБОРГСКИЙ РАЙОН В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 г.

При выборах в районные думы в Выборгскую думу прошли только большевики и лишь небольшое число меньшевиков-интернационалистов, которые не стали работать. Я также прошла в районную думу. В районной управе работали исключительно большевики, председателем был Лев Михайлович Михайлов, членами управы гг. Кучменко, Чугурин, я и еще один товарищ. Наша управа вначале помещалась в одной квартире с партийным районным комитетом, секретарем которого была Женя Егорова, там же работал т. Лацис. Между нашей управой и парторганизацией была теснейшая связь.

Выборгский район имел крепкий большевистский актив. Большевики пользовались доверием рабочих масс. Вскоре после моего вступления в работу мне пришлось принимать дела Выборгского отделения комиссии по помощи солдатам от моей прежней знакомой, соученицы по гимназии — жены Струве, Нины Александровны. Передавая мне дела, она говорила: «Нам солдаты не верят. Что бы мы ни делали, они недовольны, верят только большевикам. Ну, что же, берите дело в свои руки, может, лучше наладите!»

Мы не боялись браться за дело, считали, что вместе с рабочими и работниками, опираясь на их самостоятельность, сумеем развернуть широкую работу.

Рабочие массы проявляли очень большую активность во всех областях и были

очень революционно настроены. Недалеко от Выборгской управы стоял пулеметный полк. Он считался раньше очень надежным. Но «надежность» его очень быстро растаяла в Выборгском районе. Первыми агитаторами за большевиков были уличные торговки семечками, квасом и пр. Среди них было много солдаток. Полк очень быстро левел. Мы держали с ними самую тесную связь, в частности, по культурной работе. В качестве партийного агитатора там работал т. Лашевич.

I съезд советов отменил назначенную большевиками на 10 (23) июня демонстрацию, а через неделю, на 18 июня (1 июля), назначил собственную демонстрацию. Он не ожидал того, что случилось. В демонстрации принимало участие около 400 тыс. рабочих и солдат. 90% знамен и плакатов были с лозунгами ЦК большевиков: «Вся власть советам», «Долой десять министров-социалистов». Лишь три плаката были за доверие Временному правительству. Но 18 июня было не только днем демонстрации 400 тыс. рабочих и солдат; это был день, когда Временное правительство, после трех месяцев колебаний, под напором союзников, начало наступать на фронте. Большевики резко стали выступать в печати и на собраниях. Временное правительство почувствовало, что почва колеблется у него под ногами. 18 июня (1 июля) началось поражение русской армии на фронте. Это страшно взволновало войска.

3 июля пулеметный полк решил, не дожидаясь никаких постановлений партии, начать вооруженное восстание. Мы в выборгской управе ничего не знали об этом, не знал и районный комитет, и поджидали, когда придут на совещание представители культотдела пулеметного полка, как об этом было сговорено два дня назад. Никто не шел, а через некоторое время выяснилось, что пулеметный полк уже выступает, идет к дому Кшесинской. Я пошла туда же. Стройными рядами шли пулеметчики в бой с Временным правительством, продолжающим грабительскую войну. Осталась в памяти такая сцена. С тротуара сошел рабочий и, идя навстречу идущим солдатам, низко поклонился им в пояс и сказал: «Постойте, братцы, за рабочий народ!»

Я прошла в дом Кшесинской. Из присутствовавших в помещении ЦК товарищей помню Сталина и Лашевича. Проходя мимо балкона, солдаты останавливались и отдавали честь большевикам. Потом подходило еще два полка, а вечером рабочая демонстрация.

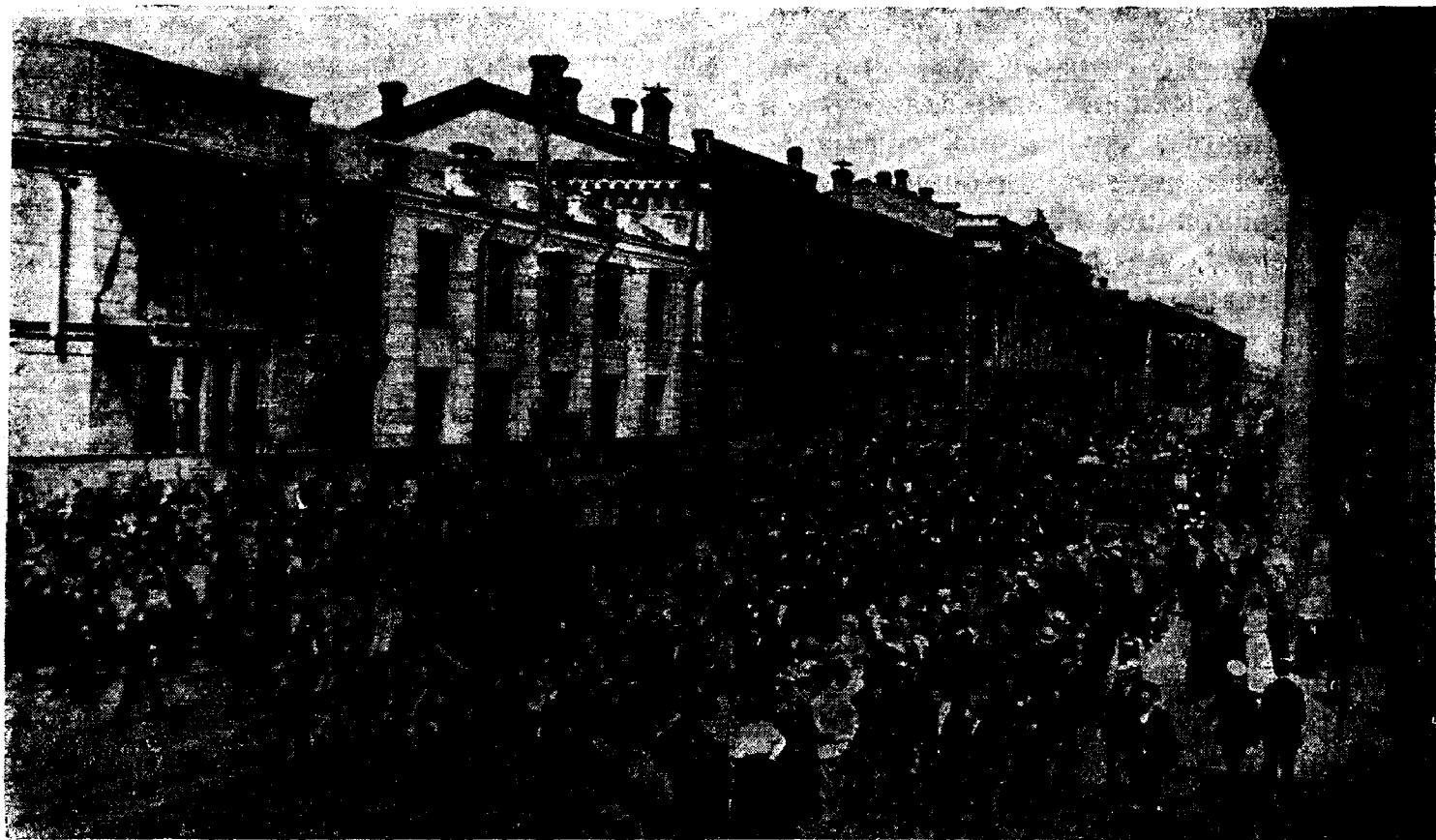
Ильича в Питере в это время не было. Он ничего не знал и поехал вместе с Марьей Ильиничной отдохнуть несколь-

ко дней в дер. Нейвола около Мустамяк, где жили в это время Бонч-Бруевичи. Ночью с 3-го на 4-е за ним послали товарища в Мустамяки.

ЦК дал лозунг превратить демонстрацию в мирную. А между тем 4-го заводы и фабрики уже бастовали. Из Кронштадта прибыли матросы. Огромные демонстрации вооруженных рабочих и солдат шли к Таврическому дворцу. Пулеметный полк стал уж возводить у себя на Выборгской стороне баррикады.

Приехал Ильич, выступал с балкона дворца Кшесинской. ЦК написал воззвание с призывом к прекращению демонстрации. Временное правительство вызвало юнкеров и казаков. На Садовой по демонстрантам была открыта стрельба. А наши агитаторы, по указанию партии, должны были призывать к прекращению забастовки. Я помню, как долго лежал в выборгском райкоме на диване Лашевич и смотрел в потолок, прежде чем собрался с силами пойти уговаривать пулеметчиков прекратить выступление. Трудно это ему было, но таково было постановление ЦК.

Движение было подавлено. Чтобы ослабить большевиков, бывший член II Ду-

Демонстрация в Петрограде 4 июля 1917 г.

Музей Революции

И. В. ЛЕНИНА
ГРУППА
2562
16

Три кризиса.

Число оформленных клеветников и
лимит на большевиков в один, или
спокойные добрые люди, окрестная жизнь
и клеветы, вдумавшись в историческую
связь событий и в историческую,
то есть классовую, сущность данных
ходов революции.

В журнале «Искра» и в
книжке «Добрые люди» (или по-
другому «Светлая сторона») от
6-го июля и особенно
обращая внимание на клевету на
каждого из нас, особенно на
каждого из нас, особенно на

Первая страница статьи Ленина „Три кризиса“,
напечатанной 1 августа 1917 г. в журнале „Работ-
ница“, № 7

Институт Ленина

мы впереводец Алексинский и эсер
Панкратов, бывший шлессельбуржец,
решили заявить, что Ленин германский
шпион. Алексинский знал очень хорошо
Ленина, прекрасно знал вздорность это-
го обвинения, но думал, что грязной
клеветой можно бросить дресвы в глаза
рабочих и солдатских масс.

Ленину пришлось первое время скры-
ваться в квартире рабочего Каюрова,
жившего на Выборгской стороне. Там
же в сторожке завода Рено было устро-
ено совещание Ленина с ЦК, стоял воп-
рос о призыве к всеобщей забастовке.
Было постановлено этого не делать.

Бросалась в глаза резкая разница
между настроениями обывателей и рабо-
чих. Идешь по улицам Петроградской
стороны, только и слышишь толки о
шпионстве Ленина, шипят обыватели в
трамваях, хлещут волны клеветы. Пере-
ходишь через мост на Выборгскую сто-
рону, точно в другую страну какую-то

попал. Все симпатии на стороне больше-
виков. Тогда в защиту большевиков вы-
ступал в Выборгском районе Поссе, тог-
да, когда все другие партии обливали
их грязью или молчали. Ильич ушел в
подполье, в ближнюю финляндскую эми-
грацию.

Временно движение было придавлено,
но июльские дни и все с ними связанное
не прошли бесследно.

Помню такую картину. Керенский ре-
шил предать позору пулеметный полк.
Разоруженный, он должен был стоять
на площади, его клеймили как измен-
нический. И вот я смотрела из окна уп-
равы, как шли пулеметчики на площадь
без винтовок, ведя под уздцы лошадей.
Шли медленно, молча, но в каждой мрач-
но-спокойной фигуре солдата, в каждом
их движении было что-то такое, что го-
ворило о том, что никогда не будет про-
щено Керенскому это унижение.

В Октябре пулеметный полк охранял
большевиков в Смольном.

Къ населенію Петрограда!

Къ рабочимъ! Къ солдатамъ! Ко всемъ
честнымъ гражданамъ!

Клевета должна быть разоблачена! Клевет-
никовъ подъ судъ!

Противъ т. Ленина выдвинуто неслыханное обвинение: будто он получал и пере-
давал деньги изъ германскихъ источниковъ на свою агитацию. Газеты уже дали этой
чудовищной клеветѣ огласку. Уже печатаются подпольные листовки со ссылкой на Сысаяго
депутата Алексинскаго. Уже раздаются призывы къ убійству большевиковъ. Уже съ ру-
ками обманутыхъ солдатъ ходятъ списки лицъ, которымъ подлежатъ истребленію.

Цель наша: контр-революція хочетъ простѣйшимъ способомъ обезглавить революцію,
посылая смуту въ массы и натравливая на наиболѣе популярныхъ бойцовъ, запущен-
ныхъ борцовъ революціи.

Мы заявляемъ: все, что сообщается о денежныхъ или иныхъ связяхъ т. Ленина съ
справящей Германіей — ложь и клевета.

Инициаторъ дѣла, Алексинскій — известный клеветникъ, обвиняемый въ подкупѣ нѣ-
скими цѣлымъ рядомъ лицъ и уже осужденный за безчестные поступки со стороны русскихъ,
английскихъ, итальянскихъ и нейтральныхъ журналистовъ во Франціи и исключенный за
злостную клевету изъ всѣхъ демократическихъ организацій Парижа и недопущенный
въ составъ Петроградскаго Съезда Раб. и Солд. Депутатовъ.

Мы требуемъ отъ Временнаго Правительства и Центр. Ком. Иск. Комитета Съездовъ Рабоч. и Солд. Депутатовъ НЕМЕДЛЕННОГО И ГЛАСНАГО РАЗСЛѢДОВАНІЯ всѣхъ обстоятельствъ подлагаго за-
говора изгрокщиковъ и наемныхъ клеветниковъ, противъ чести
и жизни бойцовъ рабочаго класса.

Необходимо пролить ясный свѣтъ на все это дѣло. И весь народъ убѣдиться изъ
чего разслѣдованія, что на революціонной чести т. Ленина нѣтъ ни одного пятна.

Подъ судъ — клеветниковъ и разпространителей клеветы! Изъ пазвонку столбу — по-
длинникамъ и клеветамъ!

Центральный Комитетъ Р. С. Д. Р. Д.

Воззвание ЦК РСДРП после июльскихъ дней

Музей Революции

ФРОНТ И ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

События 3—5 июля явились откликом на предпринятое Временным правительством наступление на фронте. Возмущение рабочих и солдат Петрограда против стремления буржуазии продолжать войну вылилось в массовую вооруженную демонстрацию под лозунгом немедленного перехода власти к советам. Партия большевиков считала тогда вооруженное выступление против Временного правительства несвоевременным: солдаты на фронте и рабочие в более отсталых углах провинции еще не разобрались в буржуазной сущности коалиционного правительства и не изжили еще полностью своих мирных надежд и иллюзий. Но партия немедленно стала во главе масс, когда перед нею выявилась неизбежность выступления, и внесла в движение свое организующее влияние.

Первым выступил 1-й пулеметный полк, еще в конце июня в своих резолюциях заявивший о недоверии к политике Временного правительства по вопросу о войне. Выступление пулеметного полка было поддержано рабочими и солдатами ряда воинских частей петроградского гарнизона. Им на поддержку выступили матросы прибывшие из Кронштадта. Но меньшевистско-эсеровский ЦИК был против перехода власти к советам, движение было разгромлено при содействии частей, вызванных с фронта. Солдаты и часть матросов были разоружены и арестованы. Полки петроградского гарнизона, участвовавшие в выступлении, подвергались расформированию; солдаты этих полков были немедленно отправлены на фронт. Всего за 1½ месяца, в июле и августе, на фронт было отослано из Петрограда 50 тыс. солдат. Была разгромлена редакция газ. «Правда», и начались налеты на рабочие кварталы. У рабочих отбиралось оружие. Против партии большевиков были пущены в ход клеветы о связях Ленина с германским генеральным штабом и сфабрикованы соответствующие подложные документы. Партия была загнана в подполье. Часть видных большевиков была арестована (Луначарский, Коллонтай и др.). Ленин вынужден был скрываться.

Против солдат, отказывающихся наступать на фронте, 12 июля была введена смертная казнь.

Подавление июльского выступления и введение смертной казни призвало большое впечатление на солдат фронта и поколебало их безоговорочное доверие к эсерам и меньшевикам и поддерживаемому последними Временному правительству. Поэтому, несмотря на угрозу смертной казни и общую реакцию в стране, часть солдат очень сочувственно отнеслась к выступлению в Петрограде и к лозунгу перехода власти к советам.

До нас дошла необычайно красочная и интересная сводка резолюций «по поводу пережи-

Резолюция 1-го пулеметного полка.

Общее Собрание солдат 1-го пулеметного полка 21 июня 1917 г. одобряя предложение Исп. Ком. С. Р. и С. Д. о посылке на фронт 30-ти команд пулеметчиков, постановило.

1) Оставляя в силе 1-е постановление о посылке 10-ти команд в кратчайший срок, — уведомить Исп. Ком., что в дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только при устранении от власти капиталистов и переход ее в руки демократии в лице Всероссийского Совета Р., С. и К. Депутатов.

2) Если С. Р. и С. Д. будет угрожать нашему и другим революционным полкам раскассированием, т. е. расформированием, даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся также перед раскассированием вооруженной силой Временного Правительства и других организаций его поддерживающих.

3) Поручить тов. делегатам с фронта заявить от нашего имени т. т. солдатам на фронт следующее:

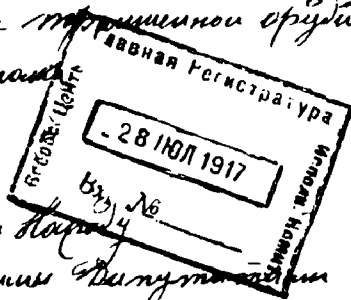
„Пусть они, солдаты на фронт, требуют вместе с нами перехода власти в руки народа, и когда мы этого добьемся, то тогда поддержки и исполнения на фронт просить не придется, тогда она явится сама“.

Принято единогласно.

Председатель собрания Я. Головинъ
Секретарь Мухомовъ.

ваемого момента», вынесенных ротами и командами 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, составленная на основании решения соединенного заседания дивизионных комитетов 1-го Туркестанского армейского корпуса (особая армия юго-западного фронта). Из 79 резолюций 78 требовали немедленного мира; 54 содержали

8? *Газеты Совета трудящихся*
туркестанская стрелковая полка

мы просим передать власти
Советскими представителями Рабочих депутатов
мы просим нашим Ряды армии по подобию
теат Дидуртиров которой артополки в т.ч.
и. которые кричат волею Додоходосова
волею Нова волею Нунуна волею Нунуны по какому-то
какому волею и просим высласть буржуйских сыновей
Юнкеров Кодецов и шибком прапорщиков и
Копцов и капитанов и просим высласть
фронтовых частей казаков Ковалевых и Вардан
которой умиралась Намных итд. матерей
мать и Дити Влажники и просим установить
Львово-Сергиев войска которой защищают свободу
Свободу муззачасных поютники, поютки

Резолюция солдат
траншейных орудий
8-го Туркестанского
стрелк. полка

Центрархив

протест против последних «каторжных» приказов начальства, ограничивших «свободы» в тылу и на фронте. Большинство резолюций говорило только о доверии советам (лишь 5 резолюций говорили о доверии Временному правительству), а 10 резолюций содержали выражение прямого недоверия этому правительству и требовали перехода власти к советам.

Негодование по поводу поведения частей, выступивших против рабочих в Петрограде, выражено было в 54 резолюциях, требовавших немедленной отправки на фронт казаков, юнкеров и кавалерийских частей, т. е. частей, которые чаще всего использовались в тылу для карательных экспедиций и, в частности, участвовали в подавлении выступления 3-5 июля

Петроград

Разоружение 1-го
пулеметного полка

Музей Революции

в Петрограде. 32 резолюции содержали протест против закрытия левых газет и ареста «идейных работников», т. е. большевиков. Другие резолюции (числом 27) содержали требование конфискации монастырских и других капиталов, протестовали против расформирования полков (23 резолюции).

«Мы требуем от совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, чтобы отобрать землю и капиталы и заводы и фабрики и капитальные дома, отобрать в руки всему народу, отобрать бесплатно... Мы требуем от совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, чтобы сделать равенство и братство и пользоваться всему народу одними правами и учением в школах и разных училищах. Мы требуем от совета р., с. и кр. депутатов, чтобы никакие приказы не издавали без разрешения всего народа России и требуем в скорейшем времени созыва учредительного собрания»¹, гласила резолюция 10-й роты 8-го Туркестанского полка.

¹ АОР, ср. 1235, Серия Д/4, № 189, Л. 64.

«Протестуем против ареста идейных работников и расстрела на улицах Петрограда наших братьев-солдат и рабочих. Требуем немедленной отмены каторжных приказов, прекращения отправки в Петроград ударных батальонов и кавалерии казачьих частей, немедленного вывода из Петрограда и отправки на фронт всех юнкеров, казаков, кавалерийских частей, бездельников, сынков капиталистов и всех тех, кто ничего не делает, а только кричит «война до победного конца» и набивает свой карман. Оставить для защиты революции только тех сознательных, которые пострадали до революции, и пострадавших на фронте, переживавших голод, холод и страх», говорила резолюция 2-й роты 8-го Туркестанского полка.

Все эти резолюции были приняты 14—16 июля, т. е. под самым живым и непосредственным впечатлением июльских событий в Петрограде. Они еще не знаменовали немедленного присоединения фронта к лозунгам большевизма, но являлись уже предвестниками его будущей большевизации, особенно ярко выявившейся после корниловщины.

МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ

Историю своего класса, историю революции и гражданской войны, историю социалистической стройки должны писать сами рабочие.

Читайте в этом номере „Борьбы классов“ историю завода АМО.

В ближайшем номере журнала — историю завода „Серп и молот“.

Рабочие-ударники должны помочь созданию истории пролетариата. Свяжитесь с Секцией истории пролетариата!

РАМИШВИЛИ И ЖАНДАРМЫ

Выступая с обвинительной речью по делу «союзного бюро» ЦК РСДРП (меньшевики), государственный обвинитель т. Крыленко говорил: «...они (меньшевики) часть блока, единого политического блока с откровенными буржуазно-фашистскими организациями, какую представляет собой «промпартия», в силу политического единства, реального единства своей политической программы. Они — «социалисты»-фашисты... Вот то, к чему пришли эти старые меньшевики, к чему пришли российские социал-демократы... вот почему этот процесс, больше, чем какой-либо другой, может нами рассматриваться именно как своего рода исторический прожектор, который дает возможность не только анализировать соотношение сил, как оно складывается в настоящий момент, но и бросить свет на всю их историю за истекшие тринадцать лет, и попытаться понять те основные исторические моменты, которые для этой политической группы с неумолимой логикой должны были привести и привели ее к тому, что она представляет собой сейчас как объект рассмотрения на данном судебном процессе».

История меньшевизма, несомненно, может и должна быть нами заново рассмотрена при помощи прожектора, о котором говорил т. Крыленко.

Если, в самом деле, мы достаточно четко представляем себе, до какой политической гнусности дошел современный меньшевизм, то мы не всегда достаточно представляем, как далеко заходило предательство меньшевиков уже в годы первой русской революции.

Материалы, обнаруженные в делах архива канцелярии заведующего полицией на Кавказе за 1905—1906 г. (арх. фонд № 63, дело № 4018), переписка жандармов по делу Ноя Рамишвили, одного из виднейших руководителей грузинского меньшевизма, являются в этом отношении весьма показательными.

Роль грузинского меньшевизма, его цинично - откровенное предательство уже достаточно разоблачены революционными марксистами. Публикуемые материалы вносят, однако, кое-что новое для характеристики грузинского меньшевизма и его вождей в годы первой русской революции. Они показывают, что подлинное лицо меньшевиков было ясно уже в 1906 г. для наиболее умных защитников самодержавия, продумывавших вопрос о возможностях использования меньшевизма в борьбе с революционным рабочим движением.

Ной Рамишвили был арестован тифлисской полицией в начале 1906 г. по обвинению в террористической деятельности, призыве населения к вооруженному восстанию и к бойкоту I государственной думы.

Основной причиной ареста одного из вождей грузинского меньшевизма послужили перехваченные письма, отобранные 12 декабря 1905 г. у арестованного Платона Церадзе. Так как письма были подписаны «Петр» и так как кличка Ноя Рамишвили также была «Петр» жандармское управление, несмотря на то, что содержание письма — о четырех яблоках (бомбах) — совершенно не соответствовало линии грузинского меньшевизма, арестовало Рамишвили и провело через соответствующие инстанции вопрос о высылке его в Архангельскую губернию.

Возмущение Рамишвили, узнавшего от своей невесты о предъявленном ему обвинении, не имело границ. Результатом этого возмущения и явилось заявление, сохранившееся в делах канцелярии заведующего полицией на Кавказе. Этот документ вскрывает всю сущность мелкого буржуа, мещанина, истерического интеллигента, стремившегося всячески выгородить себя перед охранным отделением, показать последнему, что он ничего общего не имеет с револю-

ционным крылом социал-демократии, которое активно, не на словах, а на деле, боролось с царизмом и его агентурой в Закавказьи.

В этом заявлении он писал:

«От начальника охранного отделения она (невеста) узнает и сегодня на свидании сообщает мне о состоявшемся решении названного «отделения» о моей высылке в Архангельскую губернию за... террористическую деятельность. Слышите ли? За террористическую деятельность! Я террорист! Я, не выдавший с роду бомбы, не бравший в руки револьвера! Только охранное отделение способно на это.

Меня допрашивал подполковник Голицынский. Что же! Может быть, подумаете, я скрывал что-нибудь? Смотрите, слушайте. Я обвиняюсь в председательствовании на митингах. Совершенно верно: был одним из председателей на митингах, устраиваемых социал-демократической рабочей организацией. Меня обвиняют в предъявлении вам (наместнику С. С.) в качестве члена депутации известных требований митинга в мятежные и исторические дни октябрьских «свобод». Совершенно верно! Обвиняют в чтении реферата о вооруженном восстании в здании сельскохозяйственного общества. Да, я доказывал невозможность при данном соотношении общественных сил вооруженного восстания и высказывался за необходимость участия в государственной думе, и ни слова о террористической деятельности. Теперь же говорят о какой-то террористической деятельности и не забывайте обо мне! (так в тексте. С.С.) Может быть, я подстрекал кого-нибудь к ней? Но факты, факты где. Дайте их, и я готов на виселицу. Дайте факты, а не голые слова, и то сказанные не мне, а невесте, и без того расстрелянной, голые слова Засыпкиных и К^о.

Я ненавижу бюрократический строй. Оказываюсь, я жестоко ошибался: его мало ненавидеть, его нужно презирать, представлятели которого фигурируют Засыпкины и Алихановы!»

Итак, Ной Рамишвили, отрицая свою принадлежность к террористам, заявляет, что это обвинение не соответствует действительности уже по одному тому, что он никогда не видел бомбы и не брал в руки револьвера! Он хвастает этим как каким-то особенным достоинством!

Не приходится доказывать, что умение владеть бомбой и револьвером было совершенно необходимо для социал-демократа, особенно в период решающих боев с русским самодержавием. В 1905—1906 г. Ленин не раз доказывал всей революционной социал-демократии, что для успешной органи-

зации вооруженного восстания необходима тщательнейшая организационно-техническая подготовка, создание боевых дружин.

Мирный «социалист» возмущался еще и тем, что ему предъявляют обвинение в чтении реферата о вооруженном восстании и бойкоте Государственной думы. Он заявляет представителю власти (заявление было адресовано кавказскому наместнику), что в действительности он читал реферат о невозможности и недопустимости вооруженного восстания¹. Он высказывался за необходимость участия в государственной думе.

Этим пунктом заявления Рамишвили, прежде всего, хочет сказать, что он—не большевик, желает, прежде всего, отмежеваться от революционного крыла социал-демократии, выдвигавшей лозунги непримиримой борьбы с русским самодержавием вплоть до организации вооруженного восстания.

До какой политической гнусности и низости должен был дойти меньшевизм уже в эпоху первой русской революции, если его политические вожди способны были из страха отмежеваться от фракции последовательных революционеров, характеризовать себя как сторонников исключительно парламентарных форм борьбы, тем самым натравливая агентов самодержавия на последовательных революционеров (большевиков).

Не подлежит, конечно, сомнению, что заключительная фраза Рамишвили о том, что он русское самодержавие до сих пор ненавидел, а теперь начинает его презирать, выдает его сущность мелкобуржуазного революционера, способного лишь на фразу, к тому же прикрывавшую явное ренегатство и политическую трусость.

Однако необходимо отметить, что даже этого тона Рамишвили до конца сохранить не сумел. Узнав, через свою невесту, что для смягчения приговора требуется не истерическое письмо, а заявление, составленное в покорно-просительных тонах, он в апреле 1906 г. подает новое заявление на имя заведующего

¹ Везде разрядка автора. Ред.

полицией на Кавказе ген.-лейтенанта Ширинкина. В этом письме он пишет: «На-днях я получил извещение от родных о предполагаемой моей высылке на три года в Архангельскую губ. Между тем, страдая неврастенией и на этой почве развившимся острым сердцебиением, что особенно усилилось после столь долгого тюремного заключения, *принужден обратиться к чувству справедливости вашего превосходительства, не раз проявленной по отношению к другим арестованным, и обратить ваше внимание на то, что этапная жизнь для моего окончательно расшатанного организма была бы убийством.* Посему надеюсь, вы сделаете соответственное распоряжение о моем медицинском осмотре в месте заключения и, если он признает пагубным для моего организма этапное шествие к месту высылки, примете меры к облегчению моей участи хотя бы отсрочкой высылки впредь до укрепления организма».

«Революционер» Рамишвили взывает «к чувству справедливости» жандарма Ширинкина, того самого Ширинкина, который репрессивными действиями по отношению к подлинным революционерам завоевал себе глубокую ненависть с их стороны.

Не удивительно, что сам Ширинкин не удержался от искушения эти места жирно подчеркнуть!

Смысл этой фразы Рамишвили станет нам понятным лишь после дальнейшего рассмотрения документов, сохранившихся в деле.

18 мая ген.-лейтенант Ширинкин после получения заявления Рамишвили обращается к заместителю кавказскому со следующим письмом:

«В Метехском тюремном замке содержится под стражей бывший студент московского университета Ной Рамишвили, предназначенный к высылке в северные губернии за участие в соц.-демократическом движении после 17 октября минувшего года. Ныне Рамишвили обратился ко мне с прошением, в коем, указывая на свое расстроившееся от продолжительного, с декабря минувшего года, ареста здоровье, ходатайствует о смягчении его участи в пределах закона, ссылаясь на то, что его деятельность никогда не имела ничего общего с призывами к бойкоту государственной думы и воору-»

ному восстанию, так как по роду своих воззрений, как социал-демократ группы «меньшинства», он признает закономерными только агитацию и парламентарные способы борьбы.

Как известно вашему сиятельству, в последнее время в наместничестве обострилось революционное движение, выразившееся в ряде убийств и посягательств на убийства должностных лиц разных ведомств как результат преступной деятельности социал-демократической группы «большинства» и крайних национальных партий. В деле ослабления этого крайне опасного направления деятельности наиболее неприемлимых партий представлялось бы (зачеркнуто: «усилить» и вписано: «желательным оказать») желательным оказать идейное им противодействие в лице той группы, которая ныне на выборах в Тифлисской и Кутаисской губерниях одержала верх и наметила в число кандидатов в государственную думу хотя и социалистов, но приверженцев идейной борьбы. В этих видах и во внимание к расстроенному здоровью Ноя Рамишвили я признавал бы ныне возможным освободить его из-под стражи для лечения болезни с предупреждением его о том, что, в случае каких-либо с его стороны агитационных действий, неотменное в отношении его постановление будет немедленно приведено в исполнение.

Докладывая об изложенном таковое мое предположение предварительно приведения его в исполнение, имею честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства».

Ширинкин понял Рамишвили, как говорится, с полуслова и сделал из его заявления соответствующие политические выводы.

В крае разгоралась классовая борьба. Пролетариат и крестьянство в борьбе за доведение до конца буржуазно-демократической революции, под руководством организации большевиков перешли на позиции вооруженной борьбы. Кому не известны славные дни массовой борьбы грузинского крестьянства против своих помещиков и агентов русского самодержавия! Еще не выветрились и памяти современников дни 29 августа и 22 октября в Тифлисе, когда разнузданная полицейщина топила в крови десятки и сотни борцов за революцию. Жесточайшие репрессии в городе и карательные экспедиции в деревне призваны были уже в конце 1905 и начале 1906

годов пресечь в корне массовое движение, призваны были это массовое движение обезглавить.

Однако господа Ширинкины уже в тот период понимали, что одними репрессиями революцию не подавишь. То, что меньшевизм, отказываясь от революционных методов борьбы, может и должен оказаться полезным русскому самодержавию, оттягивая от революционной социал-демократии известные слои рабочего класса и крестьянства, становилось все более и более ясным наиболее умным агентам царизма.

Все письмо Ширинкина, написанное на имя кавказского наместника с ходатайством об освобождении Рамишвили, пропитано именно этой идеей. Рамишвили—социал-демократ, признающий закономерными только парламентские способы борьбы, однако, освободить его нужно не только потому, что он вообще мирный «социалист», а потому, что он, как один из вождей и руководителей меньшевистского движения в Закавказьи, должен помочь борьбе с большевизмом, содействовать ослаблению «этого крайне опасного направления».

Именно в этих видах нужно было не упрятывать в тюрьму руководителей меньшевизма, как это делали не в меру рьяные Засыпкины. Умные слуги самодержавия считали необходимым, напротив, усиливать и содействовать деятельности меньшевиков.

Однако, как видно из дела, то, что понимали Ширинкины, не всегда понимали даже руководители власти в крае. И Ширинкин, вновь и вновь отстаивая свои позиции, обращается с повторными ходатайствами.

Начальнику тифлисского жандармского управления он сообщает, что подполковник Засыпкин не настаивает, как говорится в письме, «не заинтересован в размерах предстоящего Рамишвили взыскания», в связи с чем он (Ширинкин) дает свое заключение.

«Принимая во внимание все вышесказанное и имея в виду, что Рамишвили содержится под стражей уже достаточно продолжительное время, а равно и его собственное отречение от каких-либо насильственных действий, я нахожу возможным ныне ограничиться

вменением в наказание ему времени, уже проведенного им в тюрьме».

К наместнику же он обращается с новым заявлением, еще раз подтверждающим, что Ширинкин, добиваясь освобождения Рамишвили, преследовал определенную политическую цель.

«Я позволяю себе ходатайствовать перед вашим превосходительством о смягчении участи названного заключенного в убеждении, что, по уже доложенным вам соображениям, мы не сделаем ошибки с точки зрения интересов порядка и общественной безопасности».

Ширинкин вновь и вновь делал достаточно недвусмысленные намеки наместнику на то, что всю кампанию за освобождение Рамишвили он проводит отнюдь не из соображений личного порядка. Когда наместник все еще не сдавался, Ширинкин обратился с новым письмом к нему, в котором предлагал

«освободить его (Рамишвили) ныне из-под стражи, взяв с него обязательство о неучастии его в какой-либо агитационной деятельности и с предварением, что в случае неисполнения этого обязательства он будет немедленно выслан из пределов наместничества».

Письмо это, конечно, вновь повторяло о болезни Рамишвили, о ходатайстве члена государственной думы Исидора Рамишвили, о принадлежности Ноя Рамишвили к фракции меньшинства социал-демократии, отрицающей насильственные способы борьбы и т. д.

На этом последнем заявлении рукою наместника было написано: «На этих условиях согласен».

На пути к освобождению Рамишвили стояло последнее препятствие. Кавказский наместник, не будучи достаточно чутким, не вникая в существо дела настолько, насколько мог вникнуть сам начальник полиции на Кавказе, требовал от Рамишвили подписания обязательства о неучастии его даже в агитационной деятельности. Мирного «социалиста» и парламентского деятеля обрекали тем самым на полное политическое бездействие.

На своем письме к наместнику с резолюцией последнего Ширинкин велел снизу приписать:

«Изложенные в настоящем докладе условия моего освобождения мне объявлены, и я

обязываюсь их исполнить, в чем и подписуюсь. Тифлис, 4 июня 1906 г.».

Каковы были «эти условия», мы не знаем. Но кое-что мы узнаем из приписанных рукою Рамишвили трех строчек;

«Оставаясь социал-демократом, заявляю, что в своей деятельности не буду выходить из рамок программы и тактики РСДРП и что обвинение мое в каких-либо насильственных действиях совершенно неправильно».

Такое положение удовлетворяло обе стороны. Однако, по существу сделав абсолютно ничего не значущую оговорку, Рамишвили подписался под первыми тремя строчками, которые говорили о том, что изложенные условия освобождения он обязывается исполнить.

Вписанное же рукою Рамишвили ни в какой мере и степени не могло испугать такого умного представителя полицейщины, как Ширинкин. Ведь Рамишвили, еще раз заявляя о том, что он про-

тив насильственных действий, обещал не выходить из рамок программы и тактики меньшинства. Умный агент самодержавия отнюдь не был заинтересован в полном прекращении политической деятельности Рамишвили, потому что в этом случае для Ширинкина отпадал бы и вопрос об освобождении последнего. Агентура царской власти освобождала вождя грузинского меньшевизма вовсе не для прекращения политической деятельности, а именно для развития ее, для решительной борьбы с большевизмом, с последовательно-революционной социал-демократией.

Соглашение Рамишвили с Ширинкиным нельзя недооценивать: меньшевизм в его лице заключал негласную сделку с русским самодержавием против большевизма.

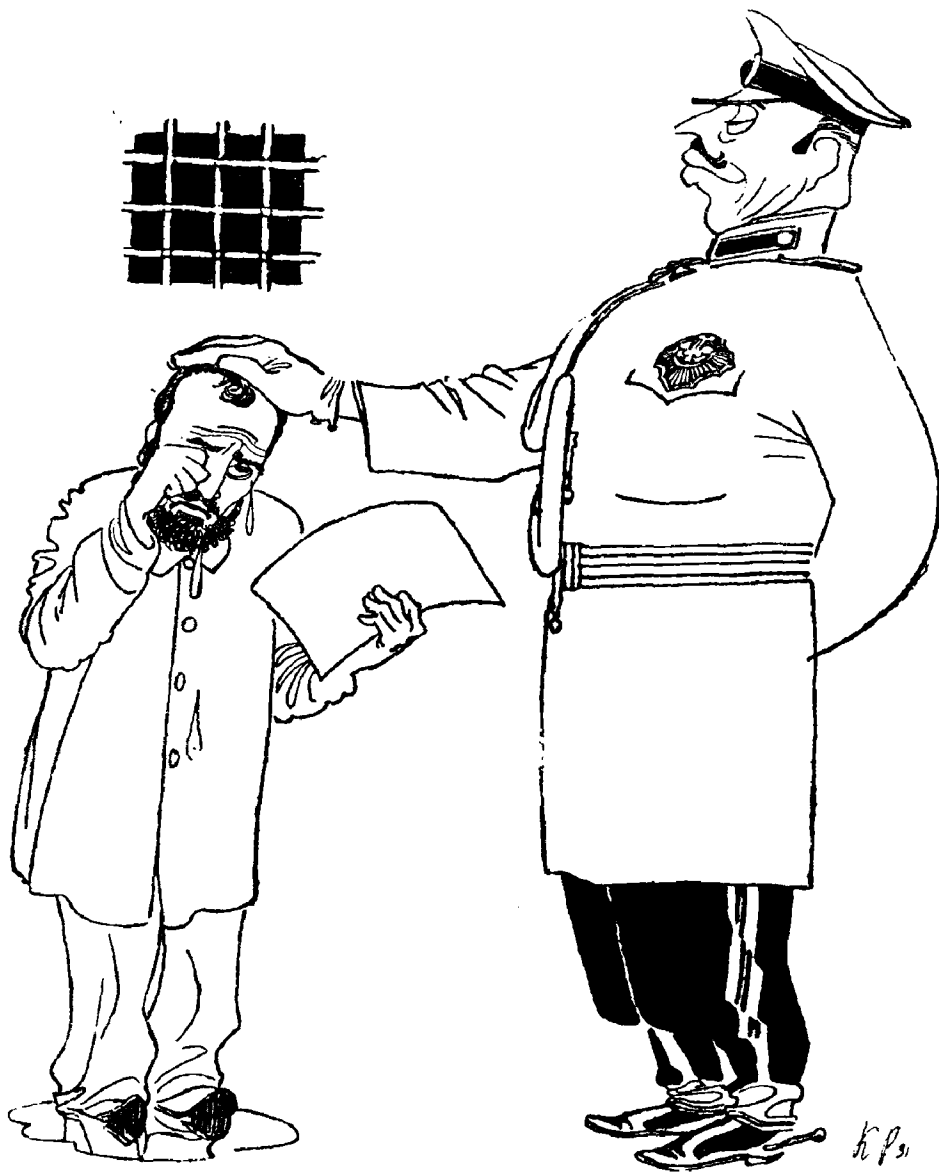

Рис. Н. Рогова

А. ПАНКРАТОВА

РАБОЧИЕ-УДАРНИКИ—

В ИСТОРИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ!

Рабочий класс СССР уже в продолжение 13 лет вписывает в историю новые, небывалые по богатству содержания страницы.

Еще недавно рабочий класс начал свою героическую борьбу за пятилетку. А уже первые шаги пятилетки стали нашей историей, богатой победами и поражениями, столь же изумительной героическими эпизодами, как, например, история гражданской войны.

Но не менее замечательно и то, что сейчас историю пишет сама рабочая масса, которая творит ее в процессе новой жизни.

Разве не важен и не интересен хотя бы такой факт, что эпоха нашей социалистической стройки нашла свое правдивое, конкретное и вместе с тем временами глубоко художественное отражение прежде всего в работах самих авторов-рабочих, авторов-ударников? Вот Салов — рабочий завода АМО, ударник и рабкор, автор книги «Рождение цеха»; другой ударник С. Тарасевич, сверловщик завода АМО, автор брошюры «Догоним»; Михайлов, рабочий завода «Серп и молот», написавший книжку «В боях за металл». Вот коллективные работы авторов-рабочих: «Первый удар по бесплановости», «От пушек к тракторам» — книжки о героической борьбе краснопутиловцев, книга «Сормовский сентябрь», написанная бригадой рабочих «Красного Сормова» и множество

подобных же книг, в которых, может быть, имеются литературные погрешности, но которые являются большой важности историческими документами, правдивыми частицами живой истории социалистического пролетариата наших дней.

В художественной литературе уже имеются свои кадры писателей из рабочих-ударников. Наша историческая наука также должна объявить свой призыв рабочих-ударников, рабочих-историков.

Первый опыт уже сделан секцией истории пролетариата при институте истории Коммунистической академии. Секция поставила своей задачей написать историю рабочего класса при активном и непосредственном участии самих рабочих, особенно старых рабочих, прошедших тяжелую школу борьбы при капитализме и строящих сейчас социализм. Для этой цели она организовала на крупнейших предприятиях СССР собрание автобиографий рабочих-ударников, разработка которых даст возможность показать процесс формирования и роста нового, социалистического рабочего. Этот материал явится важным дополнением к архивным материалам для создания истории пролетариата.

Рабочие очень внимательно и серьезно относятся к этому начинанию секции.

На Трехгорной м-ре, например, выделение «кандидатов в историк», ударников, автобиографии которых должны войти в подготовляемый к печати сборник, прошло после тщательного контроля и всестороннего обсуждения на целом ряде совещаний и при активном участии и содействии фабричной ответственности.

— Ведь это для истории! — говорили рабочие и по косточкам разбирали, заслуживает ли тот или иной ударник чести «войти в историю».

История пролетариата СССР, написанная в свете настоящего и в перспективе будущего, может быть создана только наукой, опирающейся на рабочую творческую инициативу. Опыт показал, что рабочие-историки верно умеют найти в богатейшем материале из истории фабрик и заводов, из истории их борьбы с царизмом и буржуазией в прошлом, из истории строительства социалистической фабрики в настоящем именно то, что есть в этом материале главного и существенного, что должно остаться для истории.

Написать историю рабочего класса СССР это значит написать не только историю рабского труда на капиталистической фабрике, но показать рабочий класс в условиях социалистической промышленности. Новый труд создает новых людей.

Энгельс писал по этому поводу: «Общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их».

Долгий и трудный путь этих «новых людей», создаваемый нашей эпохой, прежде всего должен быть изучен, подытожен и обобщен нашей исторической наукой.

Секция истории пролетариата поставила поэтому как важнейшую задачу изучение нового в рабочем классе, быстро и многообразно созревающего в процессе строительства социализма.

Накопление специального фонда автобиографий рабочих-ударников по всем типам нового явится для этой работы одной из важнейших подсобных задач.

Ленин еще в 1919 г. в статье «Великий почин» предлагал изучать то новое в рабочем классе, что растет вместе с ростом социализма в нашей стране: «Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками».

Еще более актуально стоит эта задача сейчас. Повернуть науку лицом к вопросам социалистического строительства это значит взять для научной разработки новые проблемы, необходимые для этого строительства, и по-новому подойти к ним.

«Новая практика, — указывал тов. Сталин, — рождает новый подход к проблемам. Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех проблем, с точки зрения новой обстановки».

Секция опубликовала в шестом сборнике «Истории пролетариата СССР» предварительный план коллективной монографии, названной «Новое в рабочем классе», в которой должен быть показан классовый рост пролетариата в условиях пролетарской диктатуры и социалистического строительства.

Черты «нового» в пролетариате становятся все более оформленными. Осенью 1929 г. это отметил в своей статье «Год великого перелома» т. Сталин, подчеркнувший творческую сознательность и трудовой подъем пролетариата — творца социалистического производства и организатора социалистического труда.

Теперь эти черты с каждым днем все более и более конкретно отмечают многочисленные устные и печатные свидетельства. О них рассказывают документы, газеты, журналы, книги во всех уголках советской земли.

Новый социалистический рабочий — это прежде всего неразрывно связанный со своей партией организатор социалистического производства, считающий труд делом доблести и чести, спаянный крепкой классовой солидарностью с пролетариями и колхозниками своей страны и с международным пролетариатом, ведущий непримиримую и упорную борьбу со своими классовыми врагами, проявля-

ющий творческую инициативу и настойчивость, дисциплину, организованность и энтузиазм в своей производственной работе, в культурной перестройке условий своего труда и быта, в переделке своей психологии.

Но этот новый, социалистический, только еще выкристаллизовывающийся рабочий класс растет в борьбе со старым, оставшимся от капитализма. «Капитализм, — писал Ленин, — оставляет нам старые, веками сложившиеся, различия между людьми... Когда новое только что родилось, старое всегда остается и в течение некоторого времени сильнее его. Это всегда бывает так и в природе, и в общественной жизни»¹.

Изучение «нового в рабочем классе» есть прежде всего изучение истории социалистической стройки, той роли, которую играют в ней передовики рабочие-ударники, преодолевающие и побеждающие «старое».

Собранные под таким углом зрения, при активном и непосредственном участии рабочей общественности, материалы по истории отдельных предприятий будут печататься частями в нашем журнале «Борьба классов». При этом главное и особенное внимание будет уделяться послеоктябрьской борьбе за социализм и выявлению нового в рабочем классе.

Предлагаемый в настоящем журнале материал (сильно сокращенный по условиям места) по истории завода АМО собран, по указаниям секции, бригадой рабкоров-ударников в составе гг. Н. Адфельдта, П. Вайнштейн и Н. Шихеева.

Первый социалистический гигант автостроения — московский завод АМО — является интересным образцом завода, вся история которого почти целиком связана с историей пролетарской революции и советской власти. У него почти нет капиталистического прошлого. Он был заложен еще в годы войны предприимчивыми Рябушинскими, сыгравшими на «патриотизме» и заработавшими на постройке хороший куш.

Октябрьская революция застала завод еще в лесах, с пятью полузаконченными корпусами, с безнадзорно разбросанными станками, выписанными из

за границы. А затем — этап за этапом — завод проходит весь путь, каким росла, боролась со всеми трудностями, восстанавливалась и реконструировалась советская республика. Особенно впечатляющими являются страницы, посвященные борьбе за сохранение и расширение завода. Рабочие ушли на фронт, часть разбежалась по деревням. На заводе осталась горсточка квалифицированных рабочих, которые хотели сохранить во что бы то ни стало завод. Вместо производства автомобилей завод занимается изготовлением предметов домашнего обихода.

Но вот от фронтов гражданской войны пролетариат СССР бросает все свои силы на хозяйственный фронт. Рабочий-историк рисует новые захватывающие страницы восстановительного этапа завода. Десять первых советских машин, изготовленных в первые в ударном порядке, продефилировали на Красной площади в седьмую годовщину Октябрьской революции.

Дальше ярко рисуются трудности борьбы за социализм и одна из наиболее значительных для такого молодого завода — создание и перевоспитание рабочих кадров. На раздаточных ведомостях АМО — тысячи крестов: «За неграмотного расписался». Это — крестьяне из орловских, самарских, саратовских и других деревень, из кантонов Чувашской, Марийской, Татарской и других республик.

И эта сырая, неквалифицированная, политически и технически неграмотная масса попадала сперва на «обучение» и в окружение немногих старых мастеров, зачастую враждебно и недоверчиво встречающих успехи советской власти и продвижение социализма.

Эпизоды борьбы с «моховщиной», этим пережитком патриархальщины, азиатчины и капитализма на дореволюционных предприятиях, описаны всеми авторами с глубокой и волнующей правдой и яркостью. Моховщина — это «старое» на заводе; растет, крепнет и побеждает «новое». Об этом говорят и помещаемый здесь материал, и содержание книжек авторов-ударников, таких, как «Рождение цеха» Салова, как «Догоним» Тарасевича, как «Ударники побеждают»

¹ Ленин, собр. соч., т. XVI, стр. 253.

Рубцова, как «Старый и новый мастер» Святенко и др.

Вместо старых недостроенных пяти корпусов Рябушинского — на окраине Пролетарского района Москвы сейчас вырос на базе новой американской техники социалистический гигант: сигнальные механизмы, регуляторы температуры, невиданной структуры молоты, автоматы, станки, конвейеры, новые корпуса — литья стали, кузнечный, цветного металла, инструментальный.

На этой базе не могла удержаться старая ручная техника и искусство

«моховцев», — требовались новые навыки, знания, быстрота, овладение техникой, социалистическое упорство и политический кругозор новых людей.

И революция выковала новых рабочих, которые твердо и уверенно стали переделывать завод и... переделывать себя. Чрезвычайно убедительна в этом отношении искренно и правдиво написанная автобиография мастера Поваляева. Он нелегко и не сразу освобождается от традиций, привычек и навыков, созданных режимом капиталистической фабрики. Он относится к числу тех кадровиков завода, способности и любовь к производству которых заглушались при капитализме и которые часто кончали свой путь в нищете и непрерывной пьянке. Советская власть вызвала дремавшие в них творческие силы. И теперь они отдают свои силы самоотверженной, незаметно героической работе: построению социализма, непрерывно создавая, изобретая, улучшая, исправляя и направляя производство и обучая сотни и тысячи людей.

На заводе АМО выросли новые кадры именно благодаря неустанной энергии этих самоучек-мастеров, таких, как Салов, Поваляев, Витенберг.

В феврале 1931 г. на заводе АМО возникли цеховые школы, органически связывающие учебу с повседневной практикой в своем цехе, на своем станке. Над цех-школами — техникум и над ним Автомеханический институт им. т. Сталина.

История социалистического завода АМО и ударного труда героев пятилетки на этом заводе еще полностью не написана, но она будет написана с помощью историков из среды амовских ударников. Рабочие и ударники других заводов должны последовать примеру своих амовских товарищей.

«Борьба классов» охотно откроет страницы для подобных материалов и поможет их литературно оформить.

С написанием истории социалистической стройки нельзя медлить. Новые поколения и международный пролетариат должны знать путь, каким шел пролетариат к социализму, и учиться на опыте передовиков и бойцов за социализм.

М. Горький и директор завода АМО Лихачев
Фото А. Шайхета

Н. ШИХЕЕВ

Рис. М. Доброновского.

1. КАК ХОЗЯЙНИЧАЛИ РЯБУШИНСКИЕ

На Висле лилась кровь. Ухали германские шестидюймовки по русским окопам, по калужским и псковским мужичкам в серых солдатских шинелях.

А на Москва-реке было тихо. Покачивали мохнатыми руками сосны Тюфелевой роши. На полянках лежал ослепительный снег.

Однажды к Тюфелевой роше подкатили два автомобиля. На дорогу вышли люди в теплых шубах и достали какие-то планы и карты. Это были «именитые люди» Москвы — Кузнецов и братья Сергей и Степан Рябушинские. Толковали они о постройке московского автомобильного завода.

Был на исходе 1915 г. Православное российское воинство стояло против германских шестидюймовок с голыми руками. Нехватало снарядов, нехватало патронов, нехватало оружия, не было транспортных средств. Правительство российской империи испуганно суеилось, ища помощи. Кузнецов и братья Рябушинские изъявили готовность положить на алтарь отечества живот свой — построить автомобильный завод.

В декабре 1915 г. создали торговый дом «Московский автомобильный за-

вод», договорились с военным ведомством о заказе на поставку автомашин, у итальянской автомобильной фирмы Фиат купили права на выпуск их машины в Москве. Приступили к постройке завода.

По договору с военным ведомством Рябушинский и Кузнецов обещали пустить завод в октябре 1916 г., в марте 1917 г. отправить на фронт первую партию машин. Все свои силы, всю свою энергию обещали Рябушинские положить на алтарь отечества, правда, при одном небольшом условии — авансе на постройку завода от казны в размере 11 млн. руб.

Одиннадцать миллионов казна поспешно отпустила.

В марте 1916 г. Рябушинские еще ни одной машины военному ведомству не дали. Завода еще не было; снег на опушке Тюфелевой роши лежал целиной, но 17 марта этого года состоялось уже общее собрание торгового дома, протокол которого уцелел.

Присутствовали: Сергей Павлович Рябушинский, Степан Павлович Рябушинский, Александр Иванович Кузнецов, Василий Иванович Строганов и Иван Петрович Трегубов.

«По вопросу о вознаграждении, получаемом членами торгового дома, единогласно постановили:

назначить гг. членам торгового дома, считая с 1 марта, вознаграждение по 2.000 р. ежемесячно каждому».

Что собирались получить от своего завода Рябушинские, можно было судить по тому, как они оплачивали директора завода Бондарева: 40.000 руб. подъемных и 40.000 руб. жалованья в год, 100-рублевую премию за каждую выпущенную машину, т. е. ежегодно набегало бы этой премии 75.000 руб.

В марте 1917 г. обещанную партию машин на фронт Рябушинские не дали. Завод стоял в лесах.

Нарушение своих обязательств не беспокоило Рябушинских: 11-миллионный аванс уже лежал в их карманах. Забеспокоились они по другому поводу. Поднял с протестом руку против рабочей жизни амовский рабочий. Вскоре после Февральской революции рабочие завода АМО решили ввести 8-час. рабочий день явочным порядком.

Директор завода Бондарев призвал к себе членов рабочего комитета:

— Денег нет; если вы введете 8-час. рабочий день, мы приостановим строительство. Мы закупим у Фиата агрегаты его машины и будем заниматься одной промывкой и сборкой. Работайте по-прежнему десять часов.

Члены заводского комитета не согласились и пошли к рабочим. Рабочие возмутились:

— Вывозить Бондарева с завода... Вывозить!

Рабочие двинулись в заводоуправление. Выведенный на двор Бондарев пытался было уговорить рабочих, но к нему подкатили тачку.

— Садись!

Бондарев побледнел, уселся в тачку, его накрыли рогожкой из-под известки и вывезли за ворота.

Служащие в порыве рабских чувств объявили забастовку и оставили рабочих без полочки. Рябушинские объявили полный расчет рабочим. Рабочие расчета не взяли, остались на заводе и обратились за помощью в союз металлистов.

Рабочие ежедневно приходили на завод, вели разгрузку прибывавших многочисленных вагонов со сталью и медью, ни копейки не получали от хозяев за-

свою работу, но, поставив своих сторожей у ворот, ничего и не выпускали с завода.

Рябушинские держались упорно. Надеялись, что голод когда-нибудь поставит рабочих на колени. Так прошло лето. Из инстанции в инстанцию переходил конфликт между амовскими рабочими и хозяевами Рябушинскими.

— Что же... Дело ваше, — с усмешкой однажды заявил рабочим меньшевик Вейцман. — Когда власть советов будет, тогда с Рябушинским и договоритесь.

В октябре конфликт перешел в арбитражную комиссию. На стороне амовцев стоял Московский совет. Заседания тянулись до бесконечности...

26 октября явился неожиданно представитель Совета т. Обух. Он вошел в комнату и сообщил о переходе власти к Советам.

Арбитражная комиссия растерялась:

— Чьим же именем мы будем решать? Мы решали именем Временного правительства Российской республики... а теперь его нет.

Представители Рябушинских хотели улизнуть, но их схватили за фалды, и они поспешно согласились на оплату зарплаты рабочим за все время локаута с 20-проц. скидкой. Члены заводского комитета сейчас же поехали к Рябушинским за авансом для изголодавшихся рабочих.

На заводе красная гвардия собирала оружие у заводских шоферов и администрации. Вечером красногвардейцы взяли трехтонку и, поехав в центр, сразу же попались на Кудринской пл. в руки юнкеров.

Амовцы все время держали связь с Симоновским советом, в котором шла лихорадочная подготовительная работа.

Тревожно завыл гудок завода Бари. На улицы высыпали рабочие. В котельный цех собрались амовцы, динамовцы, рабочие завода Бари и других заводов.

— Вся власть Советам! Захватим артиллерийские склады!

Из котельного цеха все двинулись к складам. Многочисленная вооруженная охрана складов сдалась безоружной толпе рабочих. Уже было темно, когда начали возводить баррикады на переез-

де у складов. Красную гвардию разбили на десятки. Вокруг слободы раскинули посты и дозоры.

На следующий день симоновцы решили взять Крутицкие казармы, занятые георгиевскими кавалерами. На помощь симоновцам пришел Рогожский район, выставивший пушку на Спасской заставе и пулеметы на Спасском монастыре. Георгиевские кавалеры сдались.

Теперь симоновцы решили двинуть к Кремлю. Человек сорок амовцев сели в машину.

Особенно жарко было у Варварской пл. Стрелять красногвардейцы не умели. Зато упорства и смелости амовцам занимать не приходилось.

Борьба кончилась. Вернувшиеся на завод амовцы решили арестовать Рябушинского и поехали в правление.

— Был, да уехал, — заявили служащие.

Поехали на квартиру к Рябушинскому. Там его тоже не оказалось. Впоследствии выяснилось, что Рябушинского служащие запрятали в шкаф, а из шка-

фа, после отъезда амовцев Рябушинский сел на машину и укатил на вокзал.

Так закончилась власть Рубяшинского на заводе.

2. РАБОЧИЕ — ХОЗЯЕВА ЗАВОДА

Завод перешел в руки рабочих. Главные корпуса были наполовину отстроены в 1917 г. Оборудование, заказанное, главным образом, в Англии и Америке, прибыло далеко не полностью, валялось на дворе под дождем и снегом.

21 марта 1918 г. состоялось объединенное заседание исполнительного комитета рабочих и исполнительного комитета служащих завода. Решили завод национализировать.

9 апреля районный совет передал завод правлению, выбранному из представителей профсоюза металлистов, завкома и комитета служащих.

Наступило тяжелое время. Часть рабочих ушла на фронт. Оставшиеся продолжали ремонт машин. Двор был завален тысячами поломанных и разбитых машин разных марок. Из этого хлама кое-как собирали машины.

Рябушинские и Кузнецов обсуждают проект завода

Темпы Рябушинских

Не было хлеба. Не было топлива. Каждый раз на собраниях перед рабочими вставал вопрос: что делать? закрыть завод? Меншевики и эсеры открыто агитировали против советской власти.

Но завод не закрывали. Рабочие делали подсвечники, примуса, зажигалки и меняли в деревне на хлеб. Завод хватался за заказы на запасные части для железных дорог, выпускал керосиновые лампы, вулканизаторы и ткацкие крючки.

Никто не думал о выпуске автомобилей.

Однажды в одну из пятниц завод украсился красными лозунгами и флагами. Обычно по пятницам в Симоновке устраивались митинги.

— Кто сегодня будет? — спрашивали рабочие членов заводского комитета.

— Ленин.

Некоторые рабочие недоверчиво качали головой.

— Ну да, приедет... Больно ему нужен наш завод.

Но народ собрался послушать Ленина со всей Симоновки. Для митинга приготовили помещение столярной и модельной мастерских. Кузовная тогда только строилась и стояла в лесах.

Перед митингом пришли красногвардейцы и выстроились шпалерами от ворот до кузовного отдела.

Время открывать митинг уже подошло, а Ленина не было.

— Ну что, приехал твой Ленин-то? — спрашивали отдельные рабочие одного из организаторов митинга столяра Зыкова.

Митинг пришлось открыть, и слово для доклада от Московского комитета партии дали Борису Волину. Предзавкома Лапин послал Зыкова разыскивать Ленина. Только машина с Зыковым выехала за угол завода, как издали навстречу показалась мчавшаяся машина. Зыков придержал свой автомобиль. Во встречной машине сидел Ленин. Машина остановилась.

— Как ближе подъехать к заводу АМО?

Зыков указал дорогу и поехал вслед за Лениным.

Во дворе Ленин, увидев шпалеры красногвардейцев, нахмурился.

— Зачем это? Распустите людей.

В столярную можно было проникнуть только по лесам. Зыков извинился перед Лениным: лестницы в корпусе не готовы, по ним ходить нельзя.

— Ничего, я с сестрой пройду по лесам.

Вместе с Лениным шла его сестра Анна Ильинична.

Ленин, Зыков и Анна Ильинична поднялись на плоскую крышу кузовного отдела.

— Вот в Америке везде такие крыши, — сказал Ленин. — Этот завод производит на меня хорошее впечатление. Его нужно поддержать. А сколько у вас на заводе новых машин? Что вы с ними делаете?

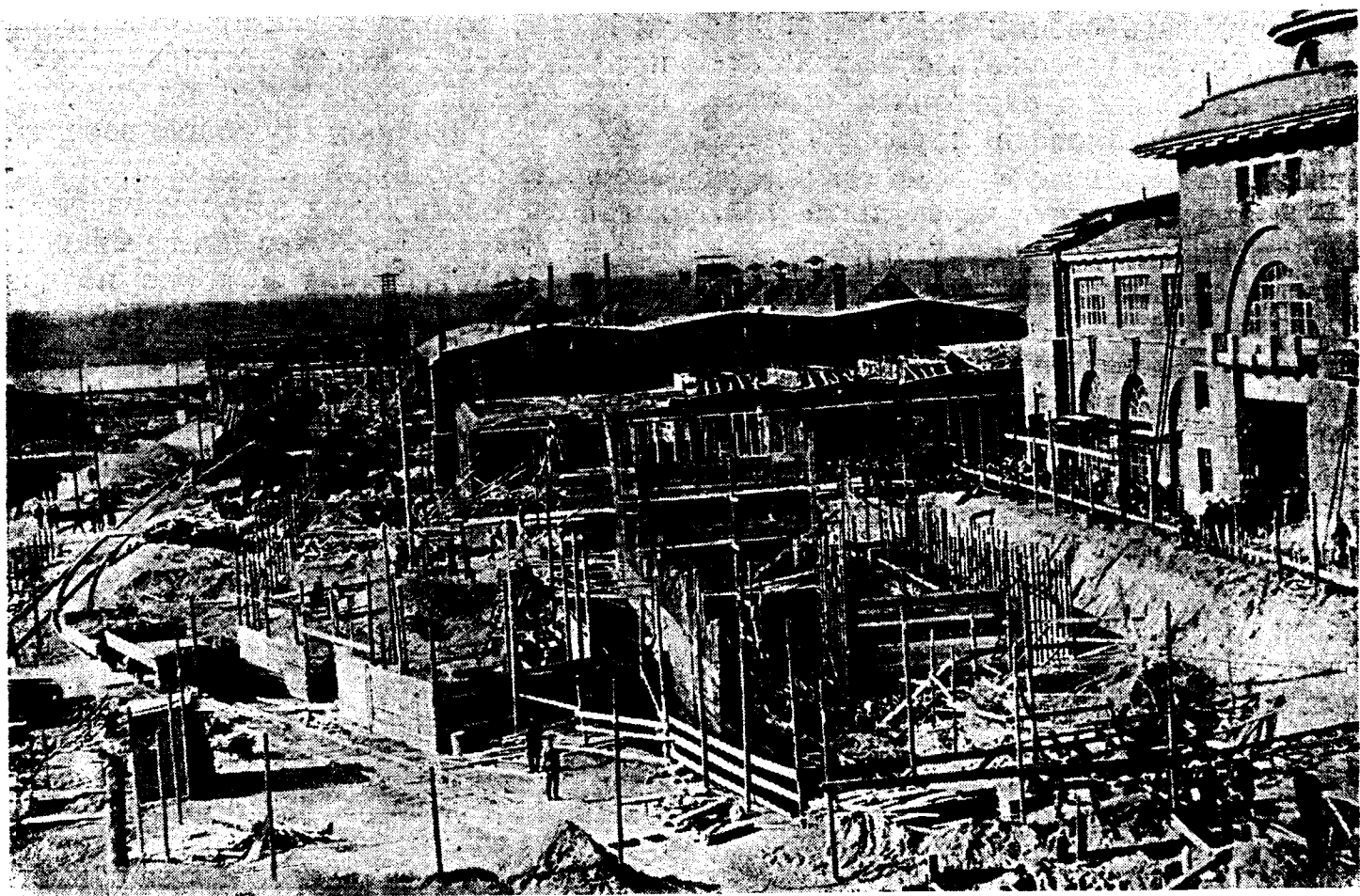
Зыков сообщил, что сейчас прибыли заказанные Рябушинским 7.000 машин

и 3.000 мотоциклов и что по приказу ГВИУ и МОВИУ их будут отправлять на фронт.

Через окно Ленин и Зыков вошли в помещение столярной, и Ленин осторожно и незаметно присел на стул.

Рабочие не сразу заметили Ленина, но докладчик быстро закончил речь и предоставил слово Ленину.

Ленин говорил просто, ясно, понятно. Белогвардейские генералы теснят Красную армию со всех сторон; на стороне белогвардейцев численный перевес и преимущества военной техники. Но полуголодная, полураздетая Красная армия грудью отстаивает власть пролетариата, и нет сомнения, что она уничтожит белые банды. Но для победы нужно, чтобы тыл помнил о Красной армии. Каждая лишняя рубашка, каждая лишняя пара сапог, посланные на фронт, каждый удар молота и каждая новая машина, собранная для Красной армии, куют победу над белыми. А наша победа — смертельный удар по ненавистой власти капитала.

Темпы советские

Каждому амовцу становились понятными простые и гневные ленинские слова.

Ленин кончил. Громом аплодисментов были заглушены его последние слова. Провожаемый рабочими, Ленин пошел к воротам и сел в машину.

В 1920 г. завод перешел в ведение ЦУГАЗ (Центральное управление государственными автозаводами). Как раз в это время из Америки приехала группа механиков и рабочих в количестве 165 чел. Американцы предложили передать им завод с обязательством наладить производство. Среди рабочих пошли слухи, что американцы собираются взять завод в концессию.

— Что думает Ленин? Надо сходить к Ленину.

Через Марию Ильиничну представители амовцев попросили свидания с Лениным. Во главе делегации стоял Чижев, один из активных инициаторов восстановления завода. Ильич назначил на другой день время приема, сказал что его очень интересует завод АМО.

Делегация объяснила, что завод можно оборудовать своими средствами настолько, чтобы выпускать советские автомобили. Ленин с одобрением отнесся к инициативе амовцев и обещал поддержку.

— Я надеюсь, что через пять лет, сказал Ильич, — я увижу первую советскую машину, сделанную на АМО.

26 февраля 1921 г. вышел приказ Совета труда и обороны, предлагавший приступить к автостроению.

Нелегко совершался переход от изготовления зажигалок к выпуску автомобилей. Зарплата своевременно не выплачивалась. Рабочие и их профорганизации стояли далеко от конкретного участия в техническом управлении заводом. Папки протоколов и бумаг завкома за 1922 г. ярко показывают трудности того времени.

26 января 1922 г. собрались в полном составе заводоуправление, бюро ячейки и завком. На повестке дня чрезвычайно важный вопрос: о... заводском огороде. От огорода в то время зависело выполнение приказа СТО и ВСНХ об организации автопроизводства на заводе АМО.

Это было тяжелое время голода в Поволжье. Амовцы, подтягивая ремни на животах, отдавали ежемесячно однодневный паек и заработок детям голодающих Поволжья.

Не легко налаживались «новые хозяйственные условия», о которых говорила конференция. Ряд протоколов смутно намекает о неблагополучии с выплатой зарплаты. Кто-то ездит в союз из-за каких-то конфликтов, другие категорически настаивают на том, что никаких «стихийных собраний без ведома завкома не должно быть».

7 марта заседают заводоуправление, завком и ячейка. Решают оттянуть выплату зарплаты на несколько дней: не хватает денег для выплаты полностью.

Положение обостряется. Что-то тяжелое, мутное и тревожное нависло над заводом. Завком поспешно обсуждает вопрос о закупке картофеля и его раздаче, об экспедиции за продовольствием на Украину...

И все же стачки предотвратить не удалось. Зарплату не выдавали целых две недели. Протокол № 27 общего собрания рабочих, «имеющего быть 15 марта 1922 г. в присутствии представителей профсоюза, ЦУГАЗ, заводоуправления», подчеркивает, что на собрании «присутствуют все рабочие и служащие завода». Собрание было бурным. Коровкин предлагал бастовать до тех пор, пока заработок за февраль не будет выплачен полностью. Но собрание в конце концов не согласилось с Коровкиным. Представитель профсоюза предложил приступить к работе, предъявив категорическое требование к заводоуправлению: «Выдать в пять дней жалованье за февраль, назначить комиссию для выявления виновных в задержке выплаты жалования. Если заводоуправление не выплатит заработка, то союз объявит организованную забастовку на заводе АМО; бастующих рабочих союз будет материально поддерживать из стачечных фондов союза».

Зарплата была выдана в пятидневный срок.

В трудной и упорной борьбе за существование прошли годы 1922 и 1923. О производстве своих собственных машин рабочие еще не думали.

3. ЗА СОВЕТСКУЮ МАШИНУ

В конце 1923 г. по цехам пошли упорные слухи о том, что завод скоро приступит к выпуску собственных машин. Часть рабочих верила этим слухам, часть скептически улыбалась.

И вот однажды заводоуправление устроило собрание и объявило о решении выпустить первую советскую машину, машину марки АМО-Ф-15.

Рабочие подняли головы, насторожились. Дать стране свою собственную машину — это дело чести не только рабочих завода АМО, но и всех пролетариев страны диктатуры пролетариата. Если завод выйдет на широкую дорогу собственного автостроения, то он перестанет быть тяжелой обузой для государства, пожирающей огромные средства. А если завод перестанет быть дефицитным, то, несомненно, начнется рост материального уровня амовских рабочих. Тогда кончатся позорные волынки и итальянки, нет-нет да и вспыхивающие в отдельных цехах.

Закипела лихорадочная работа. Фиатовские чертежи, хранившиеся в великолепных переплетах, но не вызывавшие большого к себе доверия, были тщательно проверены. Вместе с проверкой велась реконструкция отдельных деталей машины.

Постепенно часть станков механического отдела перешла на обработку деталей АМО-Ф-15. Прессовой цех до сих пор бездействовал. Инженер Горбунов пустил бездействовавшие пресса. К гидравлическому прессу в 600 тонн пришли старый матрос машинист Абросимыч, электрик Майоров, слесарь Родионыч. Ежедневно к Абросимычу прибегал директор завода Королев:

— Ну как, скоро? Ведь срок кончается. Давайте скорее ланжероны!

— Через два дня будут готовы, — спокойно отвечал Абросимыч крикливому Королеву.

И ланжероны были даны за двенадцать часов до срока. В прессовой стоял стук, грохот и скрежет от правки ланжеронов, дисков и картеров заднего моста.

Открыли рессорный цех.

В механическом отделе нехватало инструмента, не было приспособлений,

детали обрабатывались буквально голыми руками.

Постепенно детали начали поступать на сборку. Из 3 тыс. мертвых деталей нужно было сделать одну живую машину. Всех четырех бригадиров сборки собрали в одну бригаду и предложили

Первая советская машина

через полтора месяца, к 7 ноября 1924 г., выпустить первые десять машин.

Бригадиром выбрали широкоплечего упрямого слесаря Королева. Бригада никаких чертежей для сборки не получила. Все зависело от ловкости рук бригады и сообразительности ее руководителей. Никакой организации и опыта в этом новом деле не было. В хаосе, неразберихе люди металась от тисков к голым рамам, о 8-час. рабочем дне забыли и систематически работали сверх положенного времени.

Срок приближался. Лихорадка и напряжение росли: выйдут ли 7 ноября 10 амовских машин на Красную пл.?

В глухую ночь возле первого собранного мотора собралась вся заводская администрация. Сейчас будет сделана проба первому советскому мотору. Сочно булькал бензин, наливаемый в бензбак. Наглухо завернули пробку бака и несколько раз с усилием повернули ручку мотора. Мотор вздрогнул и уверенно заработал.

Последние две недели сборочная бригада Королева работала ежедневно до 12 час. ночи. Бывали случаи, когда рабочие, обессилев, сваливались у машины и засыпали. Однажды бригада работала

сорок два часа без сна, без отдыха, с короткими перерывами на еду.

Наконец, машина № 1 стояла окончательно собранной и готовой. Под капотом на стенке блока были отлиты три буквы: «АМО». Эти же три буквы, вырезанные из латуни, сияли на радиаторе машины.

Усталые, измученные, обессиленные люди в беспорядке столпились у машины. Заведующий цехом сел за руль, кто-то подскочил к ручке мотора и повернул ее, мотор заработал—и машина плавно двинулась по цеху.

Упрямство бригады Королева вопреки всем трудностям и неполадкам победило.

7 ноября в колонне амовцев торжественно двигались их первые десять советских машин. На Красной пл. амовцев и их машины горячо приветствовали представители партии и правительства. Амовцы гордо шли победителями через площадь.

Страстное большевистское желание победило. Амовцы выполнили обязательство, взятое в 1920 г. перед Ильичем, дать стране диктатуры пролетариата советскую машину.

После демонстрации возле Московского автомобильного клуба любители-автомобилисты и инженеры ошупывали наши машины.

— Гм... Да ваша ли это машина?— спросил пожилой инженер, оглядывая машину.

— Да, — поддержал инженера какой-то шофер, — мыслимо ли в нашей стране построить автомобиль, коли в царское время не строили?

На заводе после тщательного осмотра решено было пустить машины в пробег до Ленинграда и обратно. Кое-кто из высших хозяйственных организаций скептически улыбался.

— Тысячу двести километров пройти... Чепуха, не выдержат...

Но рабочие, инженеры и заводоуправление твердо верили в свою машину.

Несмотря на осеннюю, непролазную грязь и скверные дороги наши машины великолепно дошли до Ленинграда. По ночам, несмотря на темноту, развивали скорость 28 километров в час в среднем.

2.000 километров были пройдены в 62 ч. 29 мин. при полной полутонной нагрузке, со средней скоростью в 32,2 километра в час. Комиссия пробега признала годность машин, и заводу был присужден приз.

Так была одержана амовцами первая блестящая победа. Еще большую победу одержали амовцы в следующем 1925 г. На всесоюзном автопробеге машина АМО-Ф-15 вступила в состязание с машинами лучших зарубежных автомо-

Группа амовцев с т. Королевым, бригадиром по сборке первых десяти машин

бильных фирм Бенца, Мерседеса, Форда и др. Обогнав у Валдайских гор шедшую впереди всех машину Круппа, пришли первыми в Москву: заграничные машины, рассчитанные на хорошие шоссе, уступили на наших российских дорогах первенство амовской машине.

Теперь перед заводом вставали новые трудности. Страна ждала от завода дешевых машин и в большом количестве, а завод давал мало машин и очень дорогих по стоимости. Вот цифры выпуска машин:

В 1924/25 г. было выпущено	100	маш.
» 1925/26 » » »	275	»
» 1927/28 » » »	580	»

Себестоимость первых десяти машин равнялась 18.000 руб. за каждую.

К 1925/26 г. себестоимость удалось снизить до 8.736 руб.

Форд в те годы выкидывал машины миллионами, — мы выпускали сотнями. Машина Форда, ввезенная в Советский Союз, обходилась меньше тысячи рублей, а себестоимость нашей машины в 1927/28 г. остановилась на 8,5 тыс. руб.

Опять борьба. Но новые задачи, вставшие перед заводом, далеко не сразу были осознаны рабочей массой. Этот процесс проходил чрезвычайно медленно, он осложнялся тем, что ответственные руководители завода задачу выпуска дешевой и массовой машины расценивали как техническую, а не как политическую.

Первые успехи завода создали самодовольство у части хозяйственников, правоопортунистическое благодушие к трудностям, возникавшим на пути развития завода.

В 1927 г. трудностями роста попытались воспользоваться троцкисты. Они обосновались в инструментальном отделе. Но рабочая масса и партийная организация завода твердо стояла за большевистскую линию партии и ее ленинский ЦК. После длительной и упорной борьбы троцкисты из инструментального отдела были разоблачены, политически изолированы и капитулировали перед партией.

С конца 1927 г. обозначилась стихийная тяга к разрешению боевых задач, стоявших перед заводом. Развернулась

борьба за самокритику между рабкорами заводской газеты «Вагранка» и партийным руководством завода в лице секретаря партколлектива Толкачева и председателя завкома Соколова. Руководство, несвязанное с массами, не прислушивавшееся к их голосу, не могло возглавить настоящей активности рабочих. Борьба кончилась снятием Толкачева с работы и посылкой его к станку.

Новый 1928/29 г. завод встретил с обновленным руководством. Заводом управлял директор Лихачев, назначенный в декабре 1927 г. В истории успехов завода энергия, твердость и сметливость этого бывшего шофера, его умение владеть массами и инженерно-техническим персоналом сыграли исключительную роль. Во главе партийной организации стал старый аловец, слесарь Игнатов, который сумел, опираясь на основную массу партийцев, увлечь массы на разрешение боевых задач. Наконец, во главе профорганизации стоял молодой подвижной токарь Климов, все свое время проводивший в цехах, у станков и тисков налаживавший живые связи с рабочими, тщательно прислушивавшийся к голосу масс.

2 октября 1928 г. вышла в двухтысячном тираже печатная «Вагранка», сразу превратившаяся в один из важных приводных ремней между руководящими организациями и рабочей массой.

Летом 1928 г. началась реконструкция завода, рассчитанная на выпуск 4.000 машин в год в три смены. Это была первая робкая попытка приблизить завод к европейским масштабам. В следующем же году жизнь поставила иные, более смелые задачи в деле советского автостроения.

Массовый смотр производственных совещаний, закончившийся в январе 1929 г., вскрыл настроение масс. Рабочие подали 1.500 предложений!

Смотр показал рядовой рабочей массе, что на нее руководители завода смотрят не только как на рабочую силу. Руководители требовали от каждого рабочего активного и сознательного участия в развертывании производства.

Передовые рабочие и рабкоры искали новых форм закрепления этой производственной активности рабочих. В этом от-

ношении чрезвычайно любопытно предложение слесаря Базилевича, опубликованное в газете «Вагранка» 1 марта. Базилевич предлагал то, что через несколько месяцев было названо ударной бригадой. Он предлагал цех разбить на группы в 10—15 чел., которые бы отвечали коллективно за каждого члена группы. Предложение Базилевича повисло в воздухе. Даже редколлегия предупреждала, что «со многими положениями Базилевича она не согласна».

Рост сознательности рабочей массы шел отнюдь не общим фронтом. Внутри цехов между отдельными группами рабочих происходили конфликты и столкновения. Ярким примером этого служит первое политическое выступление амовцев. В то время на Сясьском бумажном комбинате был выявлен глубокий прорыв, а Каменская бумажная ф-ка добилась в выполнении промфинплана исключительных успехов. Рабочие «Вагранки» решили как-то реагировать на эти факты и выступили с письмом рабочим Каменской ф-ки с обязательством снизить себестоимость вместо 14,5% на 20%.

Из пяти производственных отделов завода в трех рабочих с своим письмом провалились. Часть рабочих протестовала против следующего места в письме: «Клеймим позором рабочих Сясьского комбината, допустивших тяжелый прорыв в производстве, не сумевших предъявить жестких требований к себе и во время не обнаруживших преступной бесхозяйственности административно-технического персонала».

— Что же, — кричали на собрании в механическом отделе, — если хозяйственники виноваты, то почему в ответе рабочие?

Партийцы растерялись.

И письмо было провалено. Бюро партийной ячейки механического отдела в экстренном порядке собралось и постановило, что рабочие совершили политическую ошибку.

Парткомитет завода встал на сторону рабочих. Фраза «клеймим позором» была заменена фразой «шлем суровое пролетарское порицание». Письмо было передано ячейкам для обсуждения на цеховых собраниях. После серьезной про-

работки рабочие приняли письмо и послали в «Правду».

Это письмо, или, как его тогда называли «вексель», было принято. Но оно не сыграло той роли, которую ждали рабочие. Конкретных результатов в цехах не было видно.

4. ИСТОРИЯ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ И УДАРНИЧЕСТВА

Наконец, форма закрепления производственной активности масс была дана амовцам другими заводами, — социалистическое соревнование.

Застрельщиками соцсоревнования на АМО выступили комсомольцы. Впервые слово «соцсоревнование» появляется 22 марта 1929 г. на комсомольских собраниях.

В апреле и в начале мая было организовано несколько комсомольских ударных бригад. Но заводское бюро ВЛКСМ, ограничившись организацией бригад, руководить ими не стало. Несколько бригад сразу же развалилось.

В мае рабочие приступили к организации среди рабочих вызовов на добровольное снижение расценок и к организации ударных бригад. Все это давалось с большими трудностями. Рабочие свои же товарищи по бригаде частенько встречали в штыки.

Первая ударная бригада взрослых рабочих была организована рабочими Поваляевым и Тарасевичем. Вслед затем организовался первый ударный цех — цех зубчаток. Активным организатором этого дела был председатель производственной цехтройки рабочих Шаймович.

Соцсоревнование по заводу было начато 20 мая 1929 г. Организовался штаб соревнования. Перед заводом в это время открылись широкие перспективы. Был заключен с американским инж. Брандтом договор на расширение завода с выпуском 25 тыс. машин в одну смену (50 тыс. в две смены). Сроки реконструкции были поставлены очень жесткие. К концу декабря предполагалось закончить все новое оборудование, а реорганизацию закончить 1 июля 1930 г. На новое оборудование, по словам председателя треста Сорокина, нужно было затратить 7 млн. руб. Завод готовился к выпуску

25-тонных машин марки «Автокар». Выпуск намечался в следующих цифрах:

1929/30 г.—	1500	машин	АМО-Ф-15
1929/30 г.—	2000	»	Автокар
1930/31 г.—	12000	»	»
1931/32 г.—	25000	»	»

Это была наша пятилетка! Широкие перспективы еще больше поднимали настроение масс.

Что же происходило в цехах? Вот, например, с чего началось социалистическое соревнование в кузнице.

Ванька Бударин шестнадцатилетним парнишкой пришел на Подольский паровозоремонтный завод и сразу встал к молоту кузнецом. Два года Ванька Бударин служил в Красной армии и оттуда вернулся к наковальне уже взрослым Иваном Будариним.

Бударин выделялся своей сметкой, и в прошлом году выдвинули его в ночные мастера. Непрерывная работа в ночной смене — жизнь шиворот-навыворот: ночью работаешь, днем спишь. Бударин оторвался от завода, от общественной жизни. Задумал Иван Бударин учиться, отпросился в дневную смену.

В это время приехали на завод американцы. Только и разговоров было в цехах, что про американцев.

— Чудеса обещают...

— Да нешто нам сравняться с Америкой?

— А, поди, аховые денежки платят американцам.

Бударин насчет жалованья американцев не расспрашивал, а присматривался к тому, как работают американцы. Заметил, что при ковке заготовок они не делают, а прямо кусок металла кладут под штамп.

Стал потихоньку делать опыты. Попробовал одну деталь—вышло, попробовал другую—тоже вышло неплохо.

Но как же быть дальше? Хочется Бударину не на одной или двух деталях проделать опыты. Но во время работы это не выполнимо.

— Днем, в рабочее время, опытов нам проделать не удастся, а давайте-ка выйдем в воскресенье. Пора и нам вступить в социалистическое соревнование. Пора и нам дать пользу заводу. Выйдешь, Ермаков? — обратился Бударин к партийцу Ермакову.

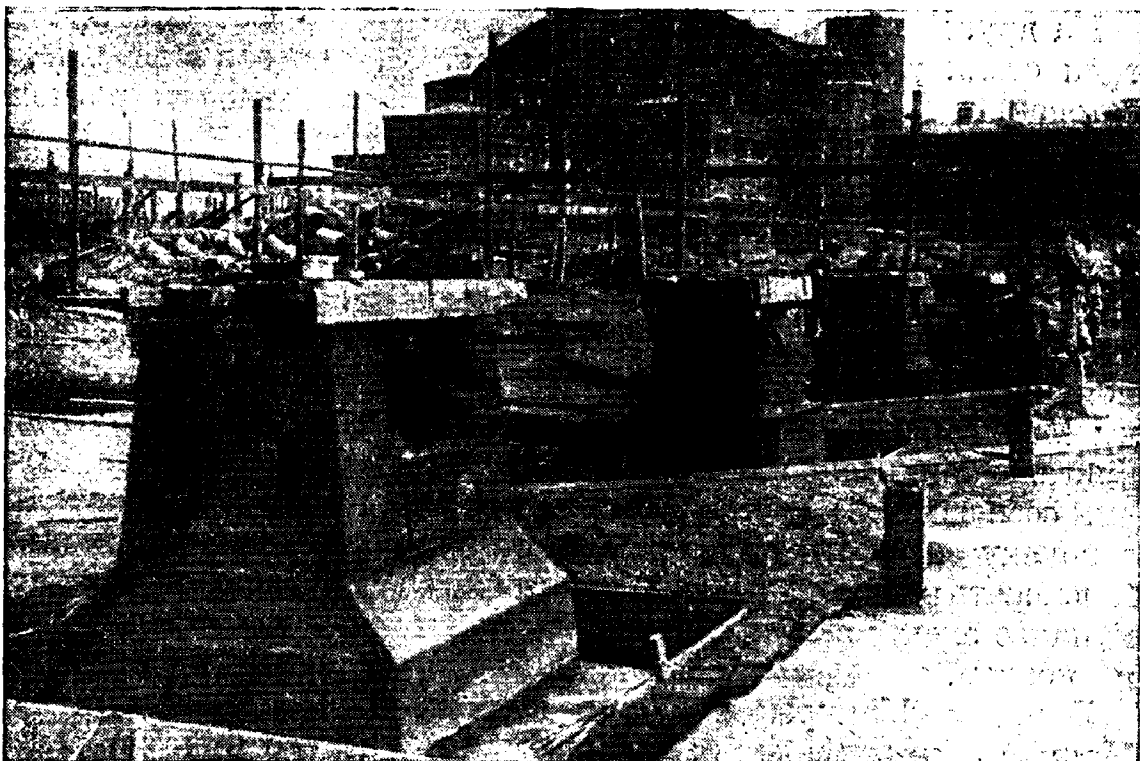
— Конечно, выйду.

К кузнецу Никитину, евангелисту, с которым работал Ермаков, Бударин не обратился, боясь, что он не выйдет на работу в день отдыха.

— И я выйду, — узнав, в чем дело, заявил Никитин.

— Да ведь бесплатно будем работать.

— Что же?.. Дело общее. Заводу на пользу.

Установка фундаментов молотов в новой кузнице

Так набрал Бударин девять человек. Кроме Никитина и Ермакова, решили выйти: старик Шариков, охотник до всяких полезных затей Мельников, молодой кузнец Федин, огромный Кабанов, машинист Харламов, беспартийный молотобоец Николашин, партиец Хлудеев. Всего беспартийных оказалось 6 чел., 4 партийца. Помог и зав. кузнечно-прессовым отделом Владимиров.

Вышли к семи часам утра. Всю неделю погода была хмурая, сырая и холодная, а в это утро сквозь туман с востока поднималось солнце.

Первым подоспел штамп на молоте № 192. Все окружили молот. Раскаленный кусок металла Федин ловко бросил на штамп.

Вздыхнул молот, упал шток... Поковка вышла отличной. Удача! Ревела и скрежетала печь. Падали и стучали штки. Фыркали и плевались на двор отводы паровых молотов. Белые куски металла, выбрасываемые из печи, дышали жаром.

Все работали наперебой. Это воскресенье эти десять кузнецов работали так, как они никогда не работали и на сельской.

Как и предполагали кузнецы и Бударин, опыты великолепно удались. На двадцати одной поковке можно уничтожить целую операцию. Это даст экономии на одной рабочей силе 12.000 руб.

На другой день на двадцати одной детали стали работать по-новому, без заготовок.

В литейном отделе попытка рабкора плавильщика Мацуры организовать ударную бригаду в первые дни встретила полную неудачу. В продолжение долгих дней он настойчиво обрабатывал свою бригаду. Наконец, 30 мая на стене появился вызов: «Мы, ударники бригады Мацуры, вызываем на соревнование бригады Минкевича и Шарганова. Ставим себе задачей: 1) уменьшить время на загрузку печи и плавление металла; 2) держать в чистоте печи и 3) уничтожить купанье электродов и уничтожить скрап и козлы».

Бригаду Мацуры подняли насмех. Мацура по квалификации был ниже Минкевича и Шарганова и работал значительно хуже.

— Эх, кто берется соревноваться...

Положение Мацуры было чрезвычайно тяжелым. Какое же выйдет соревнование, если никто искреннее желание его бригады не хочет принять всерьез? На помощь пришел сменный инженер. Он стал записывать результат плавки по вызову бригады.

Бригада Мацуры старалась вовсю, чтобы добиться хороших показателей. Наконец, 15 июня бригада Мацуры дала рекордную плавку, повысив производительность печи на 58 проц. и понизив расход электроэнергии на 28 проц.

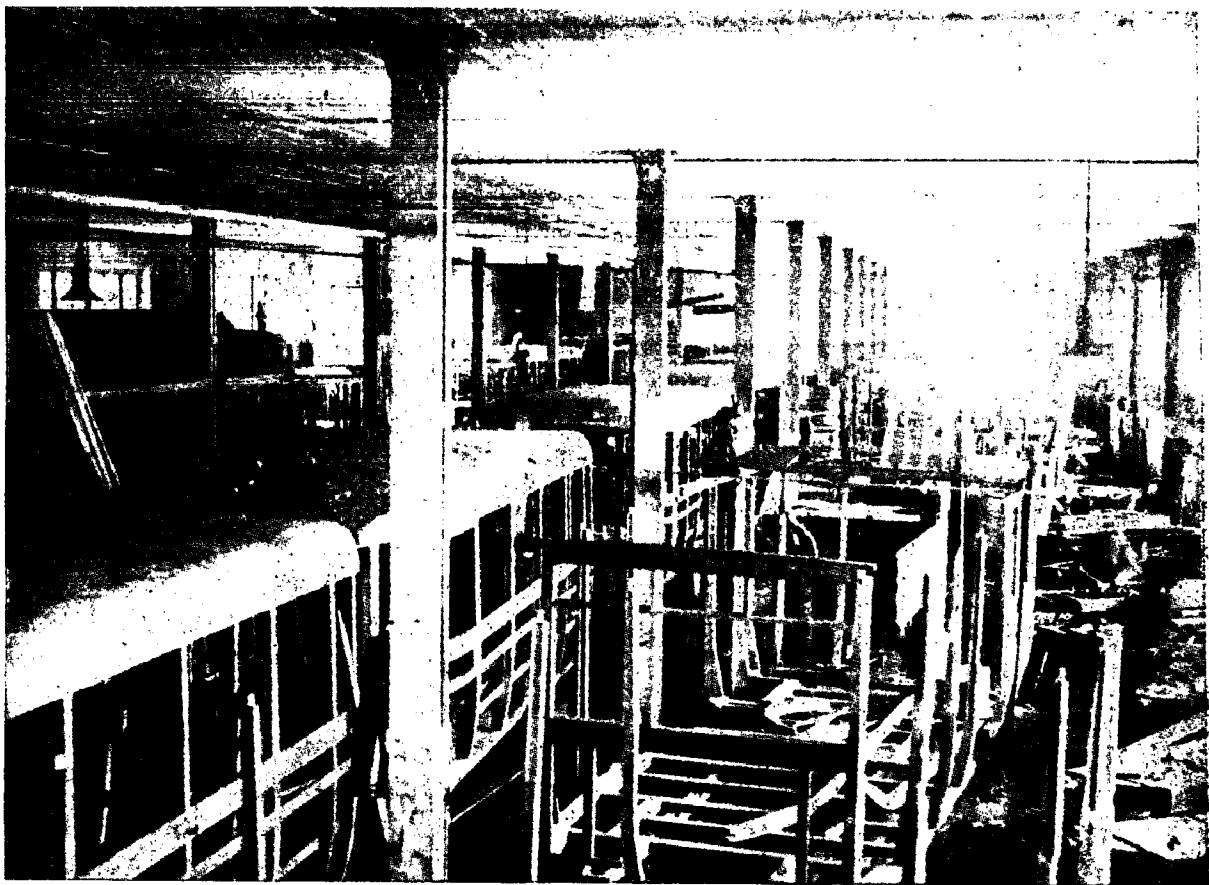
В соревнование втянулась и третья бригада старого, седого плавильщика Минкевича. Все три бригады охватил азарт: перещеголять друг друга. И вот с 30 мая по 23 июня электропечь дала следующие результаты: время загрузки печи уменьшилось на 30 проц., время плавки на 12 проц., расход энергии на 14 проц., скрап и козлы на 26 проц., а производительность печи увеличилась на 29 проц.

В цехе зубчаток механического отдела мысль об организации ударной бригады среди токарей зародилась еще задолго до выдвижения в печати вопроса о соревновании. Особенно эта мысль занимала партгруппорга Ефимова. Он частенько толковал с товарищами о низкой производительности труда. Ефимова подогревал беспартийный Алексеев.

— Вот вы кричите об организации колхозов в деревне, а в цеху коллектива организовать не можете. Покажите пример!

На заводе начали организовываться первые ударные бригады. У рабкора Шаймовича возникла мысль о добровольном снижении расценок по ряду деталей, на этой основе организовать ударную бригаду токарей и поднять производительность труда. Но по заводу пошел слух о заключении тарифного соглашения между трестом и союзом на снижение расценок. Слух подтвердился. Бригада испугалась, как бы в ответ на добровольное снижение нормировщики ТНБ вовсе не зарезали расценок.

После долгих колебаний Шаймович и его бригада решили вовлечь в ударничество остальных рабочих и организовать показательный цех. Борьбой с

Кузовной цех в
1931 г. Сборка
автобусов

с прогулами, «ощипыванием» рабочего дня (опозданиями, разговорами и хождениями), с простоями и браком ударный цех решил повысить производительность труда на 12 проц.

В кузовном отделе первая попытка рабкора Никонова вызвать на соревнование одну из бригад слесарно-механического цеха окончилась неудачей.

— Ты что, раскол рабочих хочешь устроить? Пусть мы не прогуливаем и пусть они много прогуливают. Это их дело.

Тогда Никонов вспомнил ряд рабочих предложений бригады, до сих пор не проведенных в жизнь. Сговорившись с бригадой, он пошел к администрации.

— Мы снизим расценки на 15%, если вы проведете наши предложения.

Администрация пошла на это, и в кузовном отделе развернулось соревнование по повышению норм. Уже к 24 мая 6 бригад подали заявление о добровольном снижении расценок.

Но были вызовы, которые отдельными группами рабочих не принимались. Так, бригада Поваляева на механической обработке блока вызвала на соревнование бригады формовщиков блока. Формовщики сначала отказались от соревно-

вания, потом под давлением ударников бригады Поваляева ответили на вызов, но этим дело и ограничилось.

— Из ударной бригады ничего не выйдет, — говорил формовщик Михалев.

Рабочие Аксенов и Соколов поддерживали Михалева:

— Считаем, что создавать ударные бригады нецелесообразно. И так работаем до упаду.

Панкратов говорил откровеннее.

— Я мыслю так, что это социалистическое соревнование не что иное, как система Тэйлора, а к системе Тэйлора я отношусь отрицательно.

Через полгода в номере, посвященном конференции ударников, «Вагранка» злопосмеялась над формовщиками. Когда формовщики, чтобы отвязаться от ударников Поваляева, ответили на их вызов, формовщикам предложили сняться. Формовщики встали перед фотографическим аппаратом очень охотно и живописно. Через полгода редколлегия вспомнила об этой фотографии и вторично поместила ее в газете с язвительной подписью.

— В июне бригада формовщиков пообещала соревноваться с ударниками механического отдела. Обещания оста-

лись словами, но бригада снялась с удовольствием.

Развертывание соревнования сопровождалось острыми драматическими эпизодами, привлекавшими внимание всех рабочих завода.

Штаб соцсоревнования через бюллетень на так называемой главной витрине (огромной арке, помещавшейся напротив главного входа) ежедневно извещал рабочих о вызовах и организации ударных бригад на заводе. Однажды главная витрина особенно сильно привлекла внимание рабочих, торопившихся утром на работу. На ней было написано:

«Я, кузнец Маркин, в порядке соцсоревнования обязуюсь поднять производительность труда на оси и передние мосты на 70%».

Сразу весь завод заговорил о Маркине. Кто стоял за Маркина, кто осуждал его.

Через два дня на главной витрине утром была повешена большая доска с следующим текстом, написанным мелом.

«Внимание, тт. рабкоры! Тов. Маркин (кузнец) не мог выдержать соревнования заднего моста и вчера, 18 июня, сбежал с завода, а он партиец».

И слово «партиец» было особо подчеркнуто мелом.

Маркин действительно сбежал с завода.

Бегство Маркина накалило атмосферу. Несколько дней глухо было в цехах. Что будет с ударничеством? Не пойдет ли соревнование вспять? Но втягивались все новые энтузиасты. Обнаружившийся через два дня прорыв в механическом отделе сосредоточил внимание рабочих завода на ликвидации прорыва, и новые отряды ударников вступили в бой за пятилетку.

С 1 октября 1928 г. по 20 июня 1929 г. завод выпустил 632 машины, т. е. 58 проц. годовой программы. В оставшееся время до 1 октября нужно было собрать 468 машин.

Рабкоры бросились по цехам.

— Тревога! Производственная программа в опасности.

Этот прорыв дал толчок к росту ударничества до конца года. Выполнение программы явилось осью, вокруг которой бурно начало шириться соревнование.

Рабочие слесарно-сборочного обратились с письмом к рабочим механического отдела и к отдельным бригадам, задерживавшим сборку. Началась перекличка между цехами и бригадами.

«Мы обращаемся к рабочим механического отдела с упреком, — писали рабочие слесарно-сборочного отдела:—ваш отдел тормозит сборку. Вы должны были сдать всю годовую программу к 15 августа, а похоже, что выполните в конце сентября. Хотя простои в вашем отделе последнее время и сократились, однако, они все-таки велики. Мы узнали, что с начала лета прогулы в вашем отделе сильно увеличились. Так, с 1 по 15 июня вы прогуляли 1012 час. Таким количеством прогулов мы удивлены. Почему мы в мае прогуляли всего-навсего 0,62 проц., а вы за этот же месяц ухитрились прогулять в 4 раза больше (2,57%). Угроза срыва программы и опасность новых простоев, — заканчивали свое письмо сборщики, — должны зарядить рабочих непреодолимой волей к устранению всех трудностей. Мы обещаем всем другим отделам в сборке машин нажать доотказа. Только обеспечьте нас своевременной подачей деталей на сборку. Мы свои плановые задания выполним. Мы свое сделаем, а вы сделайте свое».

В цехах наступили дни исключительного напряжения. Директор Лихачев смело оперся на ударничество в ликвидации прорыва. Все внимание было сосредоточено на механическом отделе. Систематического учета соцсоревнования тогда не было. Сохранились лишь некоторые цифры, показывающие роль ударничества в борьбе с прогулами.

Так, до ударничества в механическом отделе в апреле прогулы равнялись 1,58 проц., в мае достигли уже 2,58 проц., а в первую половину июня—3,22 проц.

Через две недели ударничество снизило прогулы до цифры, которой никогда не помнил механический отдел, — до 1,06 проц.

5. В БОРЬБЕ С ТРУДНОСТЯМИ ПЯТИЛЕТКИ

Борьба за пятилетку на заводе АМО сопровождалась, как мы уже показывали, немалыми трудностями. Переход самой

рабочей массы к сознательному и активному участию в социалистическом строительстве проходил далеко не сразу, нелегко и негладко. Самый состав рабочих завода АМО объясняет многие из этих трудностей.

На 1 октября 1930 г. на заводе числилось постоянно работающих 5.013 раб., из них рабочих по происхождению числилось 1374 чел., а крестьян — 2.407 чел. За время же с 1 октября 1930 г. по 15 марта 1931 г. было вновь принято 683 раб. и 1648 крестьян. Таким образом, прослойка «потомственных» пролетариев с расширением завода и пополнением его новыми кадрами сокращалась за счет увеличения крестьянского элемента. По возрасту это были преимущественно молодые рабочие, не менее 50 проц. в возрасте не превышающем 30 лет. По производственному стажу старых амовских рабочих (поступивших на завод с 1917 по 1920 г.) осталось всего 215 чел. Громадная масса рабочих (3917 чел.) поступила на завод лишь в последние годы, совпадающие с проведением пятилетки. Чрезвычайно пестр национальный состав рабочих: на заводе имеются рабочие 34 национальностей: белоруссы, украинцы, поляки, татары, немцы, латыши и др. Политическое и производственное воспитание этой большой, многонациональной, преимущественно крестьянской, с небольшим производственным стажем массы встречает большие трудности. Вот почему наряду с ростом социалистического сознания рабочих выступали в некоторых прослойках и чуждые классовые настроения. Так, в цеху заднего моста только половина рабочих приняла обязательства по уплотнению рабочего дня, борьбе с прогулами и простоями, остальные отказались принять обязательства.

В рессорном стала активизироваться группка кулацки настроенных рабочих, ведшая открытую агитацию против советской власти.

Когда китайские милитаристы захватили Китайско-Восточную жел. дор., амовцы ответили на военную угрозу широкой кампанией по реализации 3-го займа, и за перевыполнение задания по реализации займа завод получил переходное знамя. На заводе формировался

также добровольческий батальон, но прорывались и антисоветские настроения.

Рессорщик Намедов спросил пружинщика Сабаева:

— Что такое переходное знамя?

— Это знамя вроде собачки: переходит из рук в руки, — ответил ему «шуткой» Сабаев.

Тогда один из учеников сказал Сабаеву:

— Тебе бы, Сабаев, жандармом быть.

Проверка двигателя

Линия партии в деревне вызывала бешеную злобу в этой кулацкой компании. Однажды Сабаев завел длинный разговор о деревне:

— В деревне мужика насилуют, дерут, а здесь на заводе жмут рабочего.

16 сентября по цехам шла запись на субботник по выгрузке хлеба. Желтиков подошел к Слейкину и сказал:

— Пусть гниет весь хлеб, а разгружать мы не пойдем.

Впоследствии это осиное гнездо в рессорном цехе было разрушено.

Подавляющая масса рабочих завода была, несомненно, за партию и за ее генеральную линию. Эти настроения ярко отражены в письме чернорабочего Прохорова в редакцию «Вагранки»:

«Вот у меня какой вопрос в «Вагранку», — писал Прохоров. — Для чего за-

писываться на 3-й заем? По-моему для постройки фабрик и заводов. Дорогие товарищи! Прошу записываться на весь месячный заработок... Заработок получаю 55—60 руб., а подписался на 100 руб. Похвалы я не хочу, а хочу задеть вас, товарищи, хочу, чтобы последовали моему примеру. Семьи у меня шесть душ на иждивении. Очень трудно прожить. А все-таки подписал сотню, потому что сестра моя на бирже стоит, восемнадцати лет, и хочу я ее скорее на фабрику или завод пристроить. А фабрик и заводов у нас пока мало, а безработного народу много. Вот если мы будем сознательно подписываться, то на деньги наши правительство фабрики понастроит. Вызываю всех амовцев, кто получает жалованье маленькое и большое, подписаться на заем, чтобы рабочие, как я, не были неквалифицированные и рваные, чтобы совласть осуществила пятилетку».

Высокий подъем энтузиазма среди рабочих обеспечил ликвидацию прорыва. К октябрю годовая программа была выполнена на 103 проц. 1100 машин были выпущены заводом за 1928/29 г. К октябрьской годовщине насчитывалось 72 бригады с 1000 ударников при 3600 рабочих.

Успех был обеспечен упорством, настойчивостью и инициативой передовых рабочих и рабкоров.

Передовики Мацура, Кочергин, Поваляев, Тарасевич, Салов, Семин, Попандопуло, Белоусов, Шаймович, Никонов, Базилевский... да всех не упомянешь, смело шли на борьбу с отсталыми и классово-враждебными настроениями.

Высокий подъем энтузиазма масс был обеспечен исключительным размахом работы парткомитета. Агитпроп парткома Игонин через красные уголки, а особенно через заводской летний павильон проявил много инициативы в этом деле. Каждый день в обеденный перерыв ставились доклады, перемежаемые с концертами. Доклады делались членами ЦК, членами правительства и других высших государственных органов. Отсталые рабочие сначала интересовались концертами, а потом стали приходить и на доклады. Лозунги партии постепенно зажигали и эти отсталые слои рабочих.

Со стороны штаба были ошибки, промахи и загибы. Парткомитет понимал, что в руководстве ударничеством ни у кого еще нет опыта, поэтому он с большим тактом и чуткостью поддерживал

Цех питания

и руководил работой штаба. Борьба с правым оппортунизмом и особенно с правооппортунистическими настроениями в профорганизации также сыграла большую роль.

Завком увлекался только «защитной» работой. Все участие в июне и июле завкома в руководстве ударничеством ограничилось в выделении средств. Его внимание было целиком поглощено проводимым ТНБ пересмотром норм. Общезаводская производственная комиссия уступила руководство соревнованием штабу.

Но к отпуску, к 20 июля, штаб по соцсоревнованию был распущен и руководство ударничеством автоматически перешло в руки... рабкоров.

Завком на упреки отвечал рабкорам:
— Ударничество это ваше дело.

Развернулась борьба с правооппортунистической практикой завкома. Партком взял на себя конкретное руководство ударничеством, и к первой заводской конференции — 30 октября — рост ударных бригад круто поднялся вверх.

Завод принял активное участие в коллективизации и организации зерносовхоза «Амовец». Завод принял шефство над ВСНХ и провел там чистку. Завод создал техникум, теперь выросший в завод-вуз. Успешно был закончен второй год пятилетки. Завод дал стране 2090 машин. Наконец, завод вписал в свою историю славную страницу героической борьбы за ударный квартал, закончив его программу досрочно.

Но задача дать стране дешевую массовую машину еще не решена.

Вместо 580 машин в 1927/28 г. завод дал во втором году пятилетки 2090 машин. Но разве это достаточно?

Себестоимость с 8332 руб. (в 1927/28 г.) снизилась до 6409 руб. Это, конечно, значительно дешевле. Но разве этим можно удовлетвориться?

Задача массового выпуска дешевых машин будет решена только реконструкцией завода.

Американец Брандт не пустил новый завод в июле 1930 г. Договор с Брандтом был расторгнут, реконструкцию взяли в собственные руки.

Завод до октября 1929 г. давал 1100

машин в год. После реконструкции завод рассчитан на выпуск 25.000 машин в год, в одну смену. Завод спроектирован так, что легко в дальнейшем может перейти на выпуск 100.000 машин в год. С 10 млн. стоимость завода поднимается до 95 млн. Одно импортное оборудование обойдется в 24 млн. руб. Оборудован завод будет по последнему слову американской техники. По оборудованию завод АМО обогнал Германию, а в отдельных случаях и Америку. Например, пресс для штамповки «ланжерон» в момент покупки являлся самым мощным в мире. Только впоследствии американцы стали ставить и у себя подобные прессы. 10 мая пущена новая вагранка в серой литейной. Старая вагранка давала три тонны жидкого металла в час, новая вагранка будет давать 22 тонны.

Машина новой марки АМО-2

Завод должен будет выбрасывать каждый день 50 машин и работать для этого с точностью часового механизма. Предстоит преодолеть большие трудности.

Нет сомнений, что массы под твердым партийным руководством решат задачу. Порукой тому вся история завода.

Пятнадцать лет назад здесь стояли братья Рябушинские и Кузнецов. Через год выросли корпуса завода АМО. Но есть ли какое-либо сходство между нынешним АМО и прежним?

Массы ясно и четко сознают свою ответственность за завод перед страной, ясно сознают, что они хозяева завода. Рябушинские автомобилей не дали, — социалистический завод АМО даст массовый советский автомобиль!

МАСТЕР РЕССОРНОГО ЦЕХА

Ударник
Салов

Салов родился в с. Жайске, на берегу р. Оки, в 1898 г. Отец работал лоцманом, но болезнь заставила его снова вернуться к сохе. Жили крайне бедно. В 1908 г. отец умер разбитый параличем, и десятилетний Александр Салов «пошел по миру».

В борьбе за скудный кусок хлеба прошло пять лет. С трудом он кончил сельскую трехклассную школу.

В 1913 г. мать вторично вышла замуж; дома жилось тяжело, и Салов сбежал на Волгу. На Волге работал на баржах.

С 1915 г. по 1921 г. служил в Архангельске рулевым в речном флоте.

В гражданскую войну дрался против ген. Миллера и был взят в плен белогвардейскими бандами. Там он пробыл год и восемь месяцев на тяжелой работе в «рабочем отряде».

Когда Красная армия взяла Архангельск, Салов уехал на родину, где был выбран секретарем сельсовета.

Но Салова тянуло из деревни. В 1924 г. он снова работает в речном флоте. Зимой в Кожуховском затоне он был избран председателем заткома.

Свое настоящее «воспитание» Салов получил только на производстве—на за-

воде. В 1925 г. Салов поступил на завод АМО молотобойцем. Попал к кузнецу коммунисту Бударину. С первых же дней, сквозь гарь и дым печей, среди раскаленных болванок, Салов почувствовал пороховой запах классовой борьбы. Кузница тогда представляла собою два враждебных друг другу лагеря.

Партию злостных рвачей, прогульщиков, отчаянных пьяниц возглавляли два самых квалифицированных кузнеца: Воскресенский и Хлыстов. А другую партию, которая боролась с лагерем лодырей и прогульщиков, возглавлял кузнец Бударин. Салов сразу пошел за Будариним в бой против рвачей и подкулачников.

В 1925 же году он вступил в партию. Под опытной рукой Бударина приучился ковать железо и сталь, преодолевать трудности и побеждать врагов. Стал ходить с Будариним на собрания, выступать против лидера вражеского стана Воскресенского, привлекать на свою сторону колеблющихся.

В 1926 г. его перевели на гидравлический пресс. Работа у него была очень тяжелая, в цеху было жарко и душно. Вентиляция тогда почти не действовала.

Прежний бригадир Иванов от изобретенных им «методов» самоостуживания заболел воспалением легких и совершенно надорвался. На примере Иванова Салов научился понимать разницу между действительно ударной работой и безалаберно-надрывным, никому не нужным сумасшествием. Бригадир Иванов ушел в инвалиды, и его заменил Салов. Салов научился побеждать непокорные вещи без надрыва, исключительно упорством.

На прессе саловская бригада сделала в 1927 г. запас деталей почти на год. Салова перебросили в рессорный цех. В 1927 г. это не был цех последовательно социалистического типа, он скорее напоминал частную рессорную мастерскую старого заводчика Мохова. Мо-

хов был единственный специалист рессорщик на всю дореволюционную Россию. Когда на заводе АМО бросили делать зажигалки и подсвечники, ремонтировать мотоциклы и старые Уайты и стали выпускать советские автомобили, старого «рессорщика» быв. фабриканта Мохова позвали на завод, чтобы он налаживал изготовление автомобильных рессор.

Мохов выписал к себе разбросанную по всему Советскому Союзу свою старую гвардию—квалифицированных рессорщиков. Лицом к лицу с нею и встал молодой еще Салов. Мохов поставил Салова на ненужную работу «серебрить рессоры». Цех под сенью Мохова вел спокойную, благодушную жизнь. Рессорщики работали по два-три часа в день. Остальное время убивали кто как мог. Сабаев обычно спал за шкафом, Агейкин ходил по плитам и вел «душеспасительные разговоры». Он был «агитпропом» этого «осинового гнезда». Секретничество здесь доходило до производственного суеверия. Изобретение Хлюстова моховская гвардия пыталась похоронить. Издевались над коммунистами, бойкостировали преданных производству беспартийных рабочих.

Салов из всей своей жизненной практики и во флоте, и в сельсовете, и в кузнице крепко зарубил вывод, что там, где трудно или нельзя убедить словами, убеждать надо делом.

Салов организовал первую в цеху ударную бригаду. На заводе она была третьей по счету: первую организовал Бударин в кузнице, вторую — Поваляев в механическом. Салов записал в бригаду 12 человек, объяснил задачи и примерные обязанности. Двое тут же заявили:

— А ведь мы думали, что ударная бригада для того, чтобы подзаработать побольше. Раз не так, мы не согласны.

Ударная бригада Салова стала лабораторией подлинно социалистического труда: прекратились прогулы и опоздания, не стало дутых расценок, по собственному почину бригада снизила расценки.

Но секретарю цехячейки Салову надо было бригадой зацепить весь цех и вытрясти из него всю моховщину. Мас-

совость, широкий показ — вот что отличало работу саловской бригады. Все, что происходило в бригаде, все этапы в борьбе бригады за социалистические показатели знал каждый рабочий, даже каждый моховец. Организовав форпост, Салов вел безостановочный обстрел отсталости, консерватизма, рвачества и, главным образом, контрреволюционной моховщины.

Больших красочных плакатов Салов понаставил в цехе столько, что даже агитпроп парткома сказал ему как-то: «Что это ты, Салов, у себя плакатов столько понаставил, что, мне жалуются, пройти нельзя». Салов того и добивался, чтобы мимо «пройти нельзя было».

Притащил Салов в красный уголок свой баян и играл сам на баяне, а плясуны соревновались в чечеточных ловкостях или все хором пели. Так затянул он в красный уголок весь цех. А потом Салов стал не только играть, но и говорить. И рабочие, даже моховцы, приходили слушать про конфликт на Китайско-Восточной жел. дор., про ударничество. Красный уголок ожил. Ячейка и цехком развернули там такую работу, что Салову снова стало некогда играть на баяне.

Саловская бригада окрепла, а Салова снова перебросили к пружинщикам. Там были очень высокие расценки. Условия ручной работы позволяли скрывать при хронометраже действительно необходимое время. Старые пружинщики встретили Салова в штыки.

— Мы знаем, что ты пришел шпионить, ты хочешь провокатором быть, против своих же итти... расценки сбить... только все это тебе не удастся. Не научишься ты делать пружины, не жди — не покажем.

Салов в свободное время спокойно и напористо убеждал рабочих, что они неправы, что они сами себе враги, что надо уплотнить рабочий день, а не шлаться целый день по цеху, «разгуливая время». В то же время сам напирал на пружины: делал, шупал и догадывался, как надо делать.

Через полгода впервые удалось разорвать паутину ручной работы и устроить в мастерской один штамп. Салов нашел ручной пресс в хламе, отремон-

тировал его после работы и начал обрезать пружины под прессом. Затем внес другое предложение и скоро стал квалифицированным пружинщиком.

Пружинщики зашевелились. Старикам стало «обидно».

— Пришел на пружины какой-то Салов, новый парень, и стал чудить, усовершенствовать, предлагать да по выработке обгонять, а я, старый, квалифицированный рабочий не могу, что ли?

Агейкин и другие бывшие моховцы решили, что драться с Саловым и его сторонниками в цеху (а их становилось все больше) уже невозможно. Пружинщики, которые называли Салова провокатором, шпионом, «фараоном», не могли удержаться от того, чтобы показать Салову и всему цеху, что и они могут делать быстро пружины, что и они могут изобретать кое-что важное и ценное. Агейкин вступил в соревнование с Саловым и внес ряд ценнейших предложений. Один за другим что-либо внесли новое в труд цеха и другие квалифицированные рабочие. Под влиянием Салова цех стал на путь массового изобретательства.

За десять месяцев работы прежде упорный моховец Агейкин так себя показал, что многие активисты удивлялись его достижениям по изобретательству. Поднялся его интерес и к общественной работе. Агейкина приняли в рабочую семью и восстановили в правах члена профсоюза.

Основным источником силы и роста Салова была ячейка ВКП(б) рессорного цеха. В этом был «секрет» успехов Салова.

Салов сразу же понял, что узким опытом своего цеха или завода удовлетвориться невозможно. Он регулярно черпал опыт других заводов. Часто ездил в редакцию газеты ВЦСПС «Труд» за разъяснениями или советами по поводу новых форм соцсоревнования, сквозных бригад, перехода бригады на хозрасчет и т. д. Во время обеденных перерывов забегал в партком, завком, в редакцию газеты «Амовец» узнать, что есть новенького, над чем там думают, что в других цехах придумали. Все наиболее ценное торопился применить себя в цеху.

Салов получил пять премий за изобретения.

В 1929 г. его, как лучшего ударника цеха, премировали поездкой в Ленинград. В 1930 г. наградили местом на курорт в Крым (у Салова много физических болезней). За второй год пятилетки был премирован заграничной поездкой на теплоходе «Абхазия» вокруг Европы. Во время этого путешествия Салов передал рукопись своей первой книги Максиму Горькому.

Салов — активный рабкор цеховой, общезаводской и центральных газет. На призыв ударников в литературу он ответил книжкой в два печатных листа о борьбе рессорщиков за возрождение цеха. Книга вышла в издании ВЦСПС и называется «Рождение цеха».

В Салове главное — напряженность, сосредоточенность. Всею, чем он занят, он отдается полностью, без остатка. Он все доделывает, у него все получается, все ему удается. И достижениями своих работ он делится без остатка.

Теперь Салов мастер в пружинном цеху. Те, кто называл Салова «фараоном», шпионом и провокатором, теперь его лучшие друзья. Они сейчас работают вместе, заодно. Одинаково понимают смысл своей жизни. Ударник, мастер, рабкор, член Моссовета, писатель, но прежде всего — большевик. Таков Салов — лучший ударник завода АМО, награжденный орденом Трудового красного знамени.

И. ПОВАЛЯЕВ

АВТОБИОГРАФИЯ УДАРНИКА

Родился я в городе Ельце в 1878 г. Отец был крестьянином, а потом десятником по постройкам.

В 14 лет, когда только что кончил сельскую школу, я без согласия отца поступил на Юго-восточную дорогу паровозы чистить. Но отец гордился своим положением и снял меня с работы. Он хотел сделать из меня настоящего подрядчика, отец тянулся к буржуазному классу. Отец был строг, и я бежал от его боя.

Семь лет после того работал я в киевском арсенале слесарем до самого призыва на военную службу в 1899 г.

Из-за русско-японской войны, вместо четырех лет, пришлось отслужить пять лет в варшавской крепостной артиллерии. После службы вернулся в Елец. Пришлось работать где попало, больше у помещиков на молотилках. Брат мой был машинистом и захватил меня в Москву. Прослужил я помощником машиниста 5 лет. Заработок был хороший, но работа тяжелая.

За дерзкий ответ начальнику депо по всей линии, вплоть до Саратова, был отдан приказ не принимать меня на железную дорогу.

Бригада Поваляева

Переключался я в Симоновку на завод Вестингауза, ныне завод Динамо. Тут я узнал, что такое капиталисты и пролетариат, что такое революция и партия.

Революционность на заводе была большая. Бастовали мы несколько раз. Однажды мы бастовали целых 4 месяца.

До забастовки зарабатывали мы два с полтиной в день, после забастовки — четыре целковых. Но меня долго не принимали на завод после забастовки.

В революционной деятельности я роли большой не играл. Распространял прокламации, однажды возложили на меня организацию протеста против ленского расстрела.

В октябре 1917 г. назначили меня сотником и поставили мою сотню на охрану Симоновки.

Помню я такой случай. Сидим мы в караульном помещении у Динамо, вдруг прибегает запыхавшись парень и кричит:

— Белые идут через Алексеевский мост!

Короткая команда, и караул мой рассыпался, кто на чердаки, кто за забор. Затаились люди, готовые к встрече. Когда все встали по местам, я и Моисеев выбежали посмотреть, откуда белые идут.

А вокруг будто ничего нет. Вдруг видим едут два автомобиля. Ребята на чеку. Только в автомобилях сидят наши из районного штаба. Вышли из машин и благодарят:

— Спасибо, товарищи! Это мы для проверки вашей готовности ложную тревогу дали.

В 1918 г. я попрежнему работал на Динамо. В тот год я подал в партию заявление о приеме в ее ряды. Но тогда же я выступил против завкома. Получил он из ломбардов одежду и поделил между членами завкома. А я предлагал эту одежду продать и улучшить наше продовольствие, потому что мы уже всех лошадей съели. Видно, мои выступления против завкома учли и на мое заявление ответа не дали. Стало мне очень обидно. Я всегда был с партией, а меня оттолкнули.

В то время как работали? Хочешь работай, хочешь — за хлебом поезжай. Работы совершенно не было. Делали

зажигалки. С 1920 г. я работал на Каширской подстанции.

Нэп встретил меня на Каширской подстанции. Я отчасти был доволен, потому что при нэпе кое-что появилось на рынке. В то время я еще беспартийным был, понятия мало о чем имел. Транспорт и государство были разбиты, чиниться надо.

В начале 1924 г. секретарь ячейки подстанции Трок меня к себе вызывает и сообщает, что меня в партию проводят.

А я говорю:

— Заявление-то нужно подать?

— Без заявления... согласен? В бога веруешь?

— Нет, — отвечаю.

— В чорта веруешь?

— Нет.

Посмеялись. Ну тогда я и говорю:

— Вот что, ребята. Если вы желаете, я напишу заявление и в партию поступлю.

В отношении религии я перестал верить в бога еще в 1917 г. Впрочем, и раньше-то я не верил, а просто ходил петь на клиросе в хоре, что давало мне побочный заработок.

В 1924 г. перешел я на завод АМО, в механический цех. Мне здесь понравилось. Но производство было незнакомое, посадили меня сразу на блок-цилиндры за сверлильный станок «Беккер».

Проработал получку, смотрю за две недели 13 рублей заработал.

«Нет, — думаю, — я так работать не буду».

Гляжу: шкивы дают уж больно малую скорость. Вижу, надо сменить шкивы у коробки скоростей да наверху, на контрприводе.

Уговорил мастера сменить шкивы, и работа пошла лучше.

Нарезку резьбы в отверстиях для штуцеров делали вручную, давали всего по 10 штук в день, и из них 3-4 браку...

— Ян Карлыч, — говорю мастеру, — канители тут много и браку не мало. Давай нарезать на станке.

Ян Карлыч упирался долго, но я все-таки уговорил его. Вместо 10 штук стали давать до сотни, а сейчас 120—150 штук в день.

С этого я и начал свою жизнь на АМО. Ввел еще ряд улучшений. Стал зараба-

тывать очень прилично. Тогда мне сбавили расценку на блоке с 3 р. 60 к. до 2 р. 50 к.

— А то,—говорят,—здорово зарабатываешь.

А я улыбнулся:

«Ладно,—думаю,—сбавляйте».

Пришел на другой день, подумал, прикинул, изменил подачу. Скорости увеличились, и я опять в убытке не оказался.

Через год мне снизили расценку до 1 р. 50 к. Я опять ввел ряд мелких улучшений. Потом еще три гривенника скинули. А я опять свое. В последнее время расценок довели до 88 к. и поставили бригадиром.

Вино большую роль в моей жизни играло. До военной службы я не пил и не курил, а на военной службе и тем и другим занялся. Я был очень самолюбивым, и всякое унижение доводило меня до бешенства. В армии втянулся в вино и после военной службы продолжал пить. Бросил пить в 1928 г. Подошло 1 мая, все оделись по-праздничному, все на площадь собираются, а у меня в голове мутно и тяжело. Жена пожалела меня и говорит:

— Опохмелись и пойди.

Посмотрел я на жену и думаю:

«Сегодня опохмелись, завтра опохмелись. Себе — противно, семейству — неприятно. Детей обижаю, и заводу убыток».

Однажды прогулял целых две недели. Вышел на работу, а заведующий и подходит ко мне.

— Ты что же балуешь?

Когда так спрашивали, очень тяжело становилось мне.

— Давай,—отвечаю,—расчет. Там немножко денег от прошлой полочки осталось.

— Нет, — говорит заведующий: — расчета тебе не дадим. Начинай работать, да подочти ребятам, а то они без полочки останутся.

Самолюбие у меня большое, а тут все видят, что я раб злой привычки. Надо мною посмеиваются и шутят.

После одной выпивки сижу я так, думаю и гляжу на бутылку. Потом взял ее за горлышко, потихоньку вышел на

двор и ударил бутылку об угол. Посыпались осколки, и с тех пор я не пью.

Потом умылся я, одел лучшую одежду и пошел на площадь. До 3 часов простоял на площади. Пришел домой, есть хочется.

— Давай, — говорю, — Саня, чего-нибудь.

Жена подала кушать, а я сразу за еду. Ем я, ем, а жена смотрит и никак не поймет.

— Что такое? Да что же ты не выпил перед обедом?

— Я, — говорю, — Саня, разбил бутылку и больше не буду пить.

Саня взмахнула руками и заплакала. 1929 г. — интересный год на заводе.

Однажды после обеденного перерыва прибегает сверловщик Тарасевич, запыхавшись, из завкома и подзывает меня.

— Слушай, Поваляев, по многим заводам сейчас всерьез начинается ударничество и соцсоревнование. Надо социалистическое общество строить, пятилетку выполнить.

Газеты в то время, действительно, об ударничестве и социалистическом строительстве писали. У нас на заводе комсомольцы первые ударные бригады организовывали. Правда, у них дело не клеилось. Взрослые рабочие смотрели на них с опаской. Над вызовом гайкорезов, добровольно снизивших расценки, старый квалифицированный токарь партиец Васька Жидков зло смеялся.

Подумал я: трудно будет. Ударничество вразрез будет идти с установившимися взглядами. А все-таки не хочется быть хуже других. Пятилетка!

Да и положение в цеху требовало каких-то новых решительных действий.

Резала нас тогда литейная. Не подавала блоков. Отстали мы в выполнении программы к 1 мая на целых два месяца.

Тогда решил я, что надо браться за ударничество.

Написал вызов.—«Партия призывает пролетариат СССР,—писали мы в вызове:—социалистическим соревнованием напрячь все силы, чтобы снизить себестоимость, чтобы ускорить темп социалистического строительства нашей страны.

Мы, рабочие бригады механической обработки блок-цилиндра, хотим в своей бригаде:

1) уничтожить прогулы совсем; 2) уменьшить брак; 3) сократить простои; мы не будем давать покою администрации при угрозах с простоями; 4) беречь инструмент.

Мы вызываем бригады формовщиков блока Аксенова, Панкратова, Костюкова и других».

Наш вызов был напечатан в заводской газете «Вагранка» 17 мая.

Не все в бригаде сразу поняли, что такое ударничество. Некоторые подписывали вызов с неохотой и недоверием.

— Не выйдет ничего. Блоков-то нет. Да и люди наши бедовые.

А шлифовщики заупрямились. Один из них сказал:

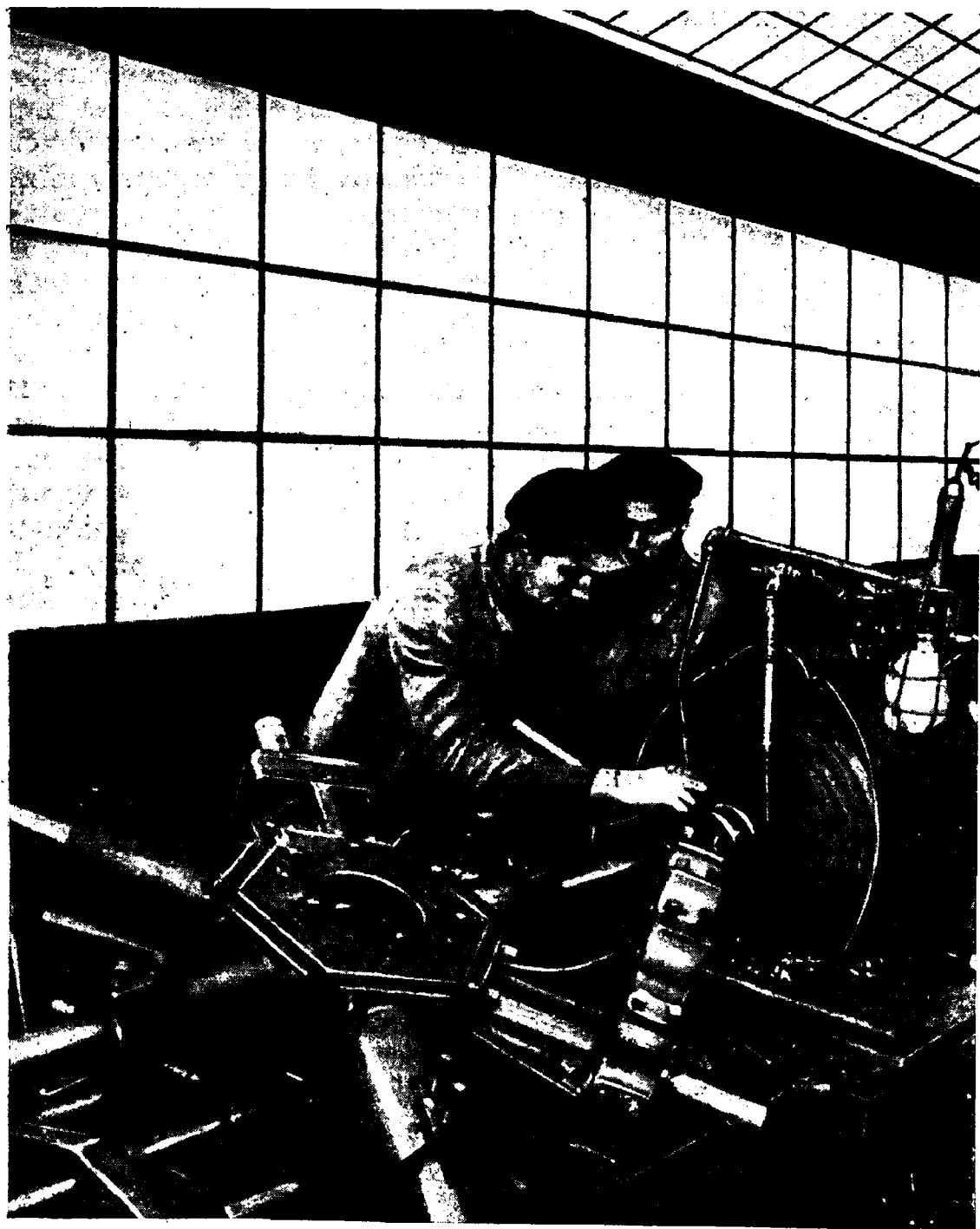
— Я и так соревнуюсь. Ни одного часа не стою. Чего больше?

Шлифовщиков все-таки убедили.

После вызова мы решили для верности взаимный договор написать. Формовщики блока встретили нас с холодком. Дескать взрослые люди, а комсомольскими затеями занимаются. А мы им в упор пункт поставили:

«Выявить виновников брака и злых отдать под суд».

Так вот и началось наше соревнование. Внешне как будто все осталось по-старому, но в этом старом вдруг вспыхивало, то тут, то там, что-то иное, новое. Бригада жила беспокойно. Все, что казалось обычным, естественным,

За обточкой

Фото С. Фридлянда
Рис. М. Добраковского

неизбежным, законным, бралось под сомнение.

Бригада обычно страдала от недостатка инструмента. Это было заурядным явлением. Но теперь стали спрашивать:

— Нет алмазов. А почему нет алмазов? Кто виноват в этом?

— Нет штыкмусов. А почему нет штыкмусов? Кто проспал с штыкмусами? Почему нет фрез? Почему нет метчиков?

До тех пор вздумается кому побеседовать с товарищем, он бросает станок и отрывает товарища от работы. Теперь мы стали оглядываться. Так программу выполнять нельзя. Стали за собой следить, а людей из чужих цехов отгонять.

— Не мешайте!.. Мы — ударники.

Наконец, появились блоки из литейной. Работать можно.

Видно, подействовал наш вызов.

Мы ходим, настаиваем, ворчим, требуем... Многого остается без результата. Скептики в бригаде посмеиваются. Но мы не теряем духа. Администрация косятся: мы не даем ей покоя.

— Не хотим стоять. Дай инструмент. Поскорее сделайте ремонт. Подавайте блоки. Что нам оплата простоев? Мы ударники. Мы стоять не имеем права.

Тех, кто падал духом, тех, кого безрезультатные требования инструмента и ремонта доводили до мрачного настроения, тех, кто пугался простоев и брака, подбодряла «Вагранка».

«Вот потому, что плохо, — читали мы в «Вагранке», — вот потому, что брак и простои, — именно потому и организуется соревнование. Путь к социалистическому обществу не покрыт асфальтом, а мы-то именно и должны расчистить все преграды и сделать проходным этот путь».

И люди бодрелись. Люди становились иными. Горячие призывы в газетах и на собраниях делали свое дело. Но выполнение годовой программы оставалось все еще под большим вопросом.

Положение было тревожным. За нами оставалась двухмесячная задолженность в 173 блока. Надо было срочно предпринять что-нибудь с шлифовкой. И мы предложили на шлифовке ввести третью смену. Стали готовить людей.

Июнь показал, что люди подтянулись.

Мы кончили работу с честью. Программу июньскую выполнили с превышением в 2 штуки. Производительность дала резкий скачок вверх. Поввысился заработок. Скептики в бригаде замолчали.

Но самое тяжелое предстояло еще впереди.

12 июля я уехал на Урал. Партком и завком послали меня представителем от завода на празднование годовщины изгнания Колчака. Но и без меня бригада работала горячо. Краткие записи в моем дневнике, которые вел Тарасевич, показывают напряжение бригады в те дни. Меня на станке заменил Татаранович. Шлифовщикам Козловичу и Кринулевичу пришлось работать вместо 8 по 12 часов ежедневно. Работали они и по воскресеньям. 16 июля Кринулевич заболел и все же вышел на работу и работал все 12 часов. 17 июля положение стало еще более угрожающим. Кринулевич окончательно свалился с ног. Поставили на шлифовку подсобного рабочего Кутакова. Но Кутаков мог работать вместо трех только на двух станках. 18 июля Кутаков с грехом пополам работал до обеда. На выручку с обеда явился невыспавшийся Козлович, кончивший ночную работу в 8 часов утра. Наконец, 19 июля вышел Кринулевич, гнавший для сборки. Татаранович в этот день кончил партию в 50 штук. Но ударники тревожно спрашивали шлифовщиков:

— Дадите к утру оставшиеся 12 блоков?

— Кровь из носу, а дадим, — отвечал разгоряченный Кринулевич.

И вот текст последней июльской записи в дневнике.

«Суббота 20 июля. До 10 часов Кринулевич окончил последний блок программы (ночью работал Козлович). Татаранович к двенадцати часам или к часу окончил фаски и канавки.

Ура... Программа выполнена!»

На работе бригады в июне и июле я нарочно подробно остановился, чтобы показать, что ничего исключительно героического у нас не было. Мы только по-иному стали на вещи глядеть и иначе к ним относиться.

Мы были первой ударной бригадой взрослых рабочих в механическом отделе.

Второй год пятилетки начался с того, что Козлович и Кринулевич поддались слухам, будто ТНБ срежет нормы. Уговорить их не удалось, и они сбежали с завода. Подъема и сознательности у них хватило ненадолго. Неустойчивые люди! Конечно, мы от их бегства в уныние не впали и продолжали ударную работу. А тут еще забаловал Мазюк. Рост заработка у некоторых ударников вызвал погоню за рублем. Стало замечаться наплевательское отношение к инструменту, увеличился брак.

Нашу бригаду стали пополнять новенькими рабочими. Они были либо от сохи, либо из грузчиков, сапожников и даже золотарей. Завода не знали, станка не ценили, работы не понимали. Их надо было воспитывать. Среди них пришел к нам Наумюн. За советскую власть он был горой, а браку и поломкам давал бригаде горы. Пришлось о нем сурово поставить вопрос на совещании бригады. Наумюн повел бузу в бригаде. За ним пошел Елифанов.

Тогда собрали совещание бригады. Наумюн упрекал меня, что я не даю ему заработать. Жаловался, что блоки тяжелы, заработок мал, надо повысить расценки.

— Надо научиться работать, тогда и заработаешь, — сказал я Наумюну.

Ну, бригада видит, что Наумюн не понимает, что нельзя, едва став к станку, равняться в зарплате с квалифицированными рабочими, и резко осудила его и Елифанова.

Наумюн не исправился. Пришлось убрать его из бригады, а Елифанов сейчас не плохой ударник.

Таких случаев борьбы много было и в 1930 г. И всегда я пользовался верным оружием — самокритикой.

А иначе никак нельзя было. Бригаду мою превратили в ФЗУ. Дадут людей, людей мы подучим, поотчешем, пришлифуем, а их ставят на другую работу. Ежели бы тут крепкую руку не держать, то вовсе ударничество развалилось бы. Я думаю, за эти полтора года я обучил человек сто. Бывали случаи,

когда из бригады уходили, потому что работа тяжелая.

Обучать было трудно. Прислали мне одного ломового извозчика. Дядя сильный, здоровый, чорта сломит, а у станка стоит — руки трясутся, боится запороть блок. А блоку ведь цена большая.

— Что, — говорю, — трясешься? Ты нажимай, делай. Бояться будешь станка, никогда не научишься.

А он отвечает:

— Двенадцатипудовые мешки поднимал, куда легче было!

Теперь этот извозчик хорошо работает.

В 1929 г. я и изобретательством увлекся.

С пылеотсосом у меня вышла неудача. Давно рабочие жаловались на рачный станок. Пылел он отчаянно, много скандалов было с администрацией. Я подал свой эскиз. Технический директор Лапин эскиз принял. Но новый технический директор Зубков забраковал мой пылеотсос. Затратили 3000 р. денег на пылеотсос ленинградского инженера, но скоро убрали его с завода на утиль.

А мое предложение было простенькое, на триста целковых.

Единственное предложение, которое было принято, — это оправка с выдвижными резцами. Но это предложение претерпело большую волокиту. Эскиз я подал в декабре 1929 г. Его затеряли. В мае эскиз обнаружили и передали в инструментальный отдел. Там тоже проканителили до октября 1930 г.

Волокита с предложениями отбила охоту подавать заявления, и я опять занялся рационализацией попрежнему, т. е. своими средствами.

Мелких рационализаторских улучшений у меня проведено не мало. Их только не упомнишь.

В ноябре меня, как ударника, отправили в путешествие вокруг Европы. Вместе с рессорщиком Саловым и инструментальщицей Гуревич ездил в Германию, Италию и Турцию. В Италии Горького видел.

Вернулся на завод, — в бригаде плохо. Жалобы на бригаду сыплются: брак и брак. Я даже сам приуныл. Куда

как плохо стала бригада работать против 1929 г.! Квалифицированных рабочих у меня забрали, в бригаде текущая большая, а мы как раз переходим на выпуск машины новой марки. Вот нам и подбирают из литейной всякий брак, заварят и шлюют в бригаду. Мы и мучаемся. И производительность снижается, и брак растет.

Правда, тут подоспел хозрасчет. На хозрасчет бригада перешла 4 мая. Цифр еще не имею. Но думаю, что показатели улучшатся. Уверен, что хозрасчет опять скует бригаду.

Наконец, я добился точного учета. Два года бился, изменял, улучшал. Теперь подошли. Все как на ладони. По этим книгам можно будет твой брак через 5 лет узнать, а прежние мои дневники оказались ничего не стоящими.

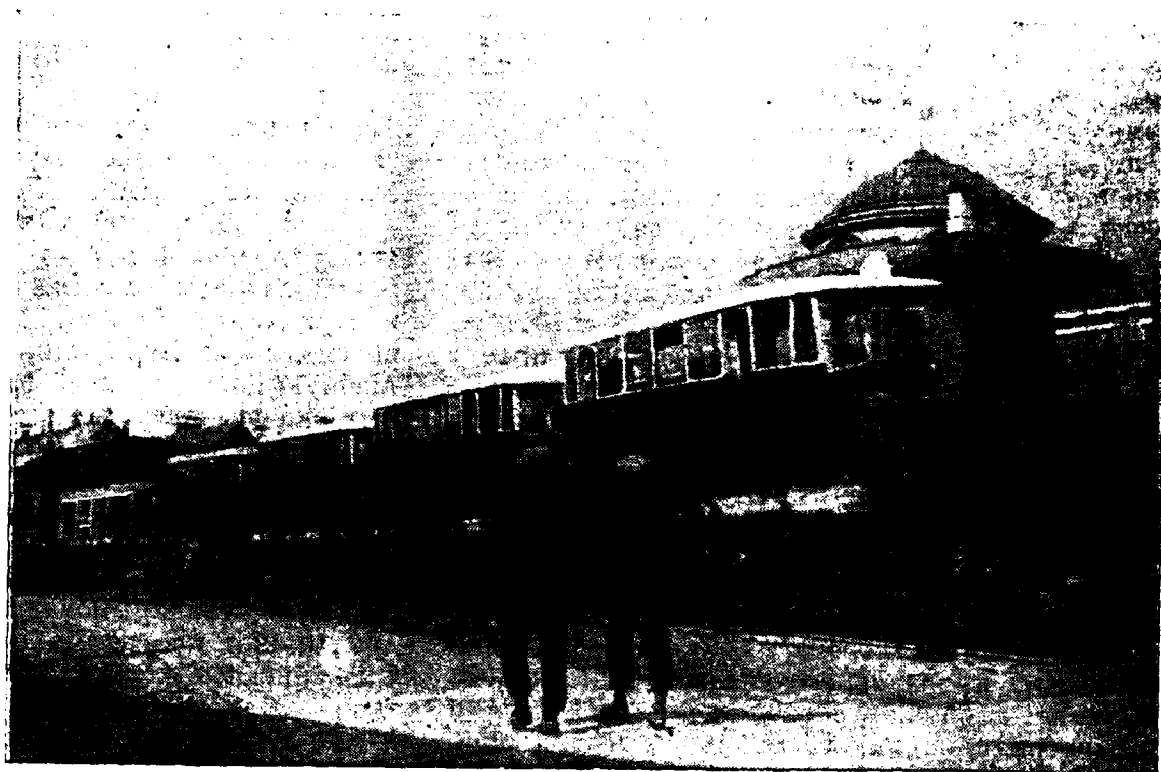
Жадность у меня от хозрасчета появилась. С утра до вечера думаю, где бы и как бы поменьше денег тратить. В вы-

ходной день полдня трачу, чтобы узнать, что предстоит заказать, какой инструмент приготовить, часто хожу в утильсклад, где беру, что мне нужно, принесу какую-нибудь выкинутую разверточку, отточу, пришлифую, она у меня и работает.

В рабочий день я прихожу в цех за час до гудка и составляю план на день, так как с вечера делать его труднее.

Из цеха я не уйду, пока не успокоюсь, что ночной смене работа обеспечена без перебоя. Домой возвращаюсь поздно. Может, один вечер в пятидневку дома провожу. Ложусь спать примерно часов в одиннадцать. Встаю в половине шестого. Со свежей головой я пишу, пишу много, правда, неудачно, так что много приходится переписывать. Газету я читаю, мало, правда. Прочтешь мельком за чаем — и только.

Из литературы особенно люблю Горького.

Амовские автобусы,
погруженные для
отправки

Е. СТЕПАНОВА

ЭРФУРТ—ГЕЙДЕЛЬБЕРГ—ЛЕЙПЦИГ

Сорок лет назад германская с.-д. была в зените своей славы. Период исключительного закона принес ей усиление влияния среди пролетариата, рост симпатий со стороны мелкой буржуазии, огромные парламентские успехи. Попытки Бисмарка изолировать с.-д., придумать ее при помощи политики «кнута и пряника» кончились блистательным крахом. Передвижка в социальном составе с.-д. (увеличение числа индустриальных рабочих) в период исключительного закона, борьба под руководством Маркса и Энгельса за революционную теорию и тактику против лассальянских традиций и анархистского «оппортунизма наизнанку» — все это способствовало превращению с.-д. в революционную партию, приблизило ее как никогда к марксистской теории. Балансом всего периода исключительного закона, показателем теоретического уровня с.-д. и ее революционного опыта явилась принятая на эрфуртском партийном съезде (14—20 октября 1891 г.) программа партии. Энгельс писал, что проект ее «выгодно отличается от прежней программы. Многочисленные остатки изжитой традиции как собственно лассальянской, так и вульгарно социалистической в существенном устранены, проект в теоретическом отношении стоит в целом на почве современной науки, и его можно обсуждать, стоя на этой почве».

Благодаря этим своим качествам эрфуртская программа имела огромное интернациональное значение, послужив образцом для всех партий II интернационала, закрепив за германской с.-д. на ряд лет руководящую роль в международном социалистическом движении.

Нужно отметить, что стоя «в целом» (Энгельс) на почве марксизма, программа в то же время обходила ряд важнейших вопросов, допускала ряд существенных недомолвок.

Основной тезис марксизма о переходе к социалистическому обществу при посредстве диктатуры пролетариата был в программе обойден. Таким образом, даже в лучшие свои годы, германская с.-д. оказалась не в состоянии подняться до уровня подлинного революционного марксизма.

Беспощадно критикуя все «недомолвки» и ошибки программы, Энгельс, по его словам, воспользовался этим случаем, чтобы «нанести удар миролюбивому оппортунизму... и чисто-благонравно-радостно-свободному «вращению» старого свинства в «социалистическое общество» (письмо к Каутскому от 29 июня 1891 г.).

Этот удар был как нельзя более своевременен. Знаменитые выступления Фольмара после отмены исключительных законов явились уже очень тревожным симптомом. Германская с.-д. в 1891 г. имела на себе не только печать пройденного революционного пути, но на некоторую прослойку ее начал уже оказывать свое влияние очередной «зигзаг буржуазной тактики» (Ленин), «новый курс» правительства, наступающая «мирная», легальная эпоха.

Дальнейшая история германской с.-д. в эпоху империализма есть история превращения беспощадно раскритикованного Энгельсом оппортунизма Фольмара, усовершенствованного впоследствии Бернштейном в линию, определявшую политику всей партии. Два качественных скачка завершают этот процесс: 4 августа 1914 г. — переход с.-д. на позиции социал-шовинизма — и революция 1918—23 гг. в Германии, когда с.-д. самоотверженно вынесла на своих плечах полуживой германский империализм из пламени революции.

После таких «подвигов» естественно, что эрфуртская программа стала тесна для с.-д. Она предпочла подвести более «современное» теоретическое обоснование под свое предательство. Новая герлицкая программа (1921 г.) ввела, однако, в смущение даже лучших друзей германской с.-д. Последняя явно перестаралась. От марксизма не осталось и следа.

После объединения с независимыми лучшим мастерам с.-д. по части наиболее тонкого обмана во главе со старой лисой — Каутским было поручено несколько причесать и пригладить ревизионистские вихры герлицкой программы. Так родилась гейдельбергская программа (1925 г.) — катехизис современной с.-д.

Соблюдая некоторые минимальные приличия в форме, гейдельбергская программа ревизует марксизм в самых его основах.

Буржуазная пресса с удовлетворением признавала, что переход от эрфуртской программы к гейдельбергской означал переход от «отрицания государства» к его «утверждению, приятию», от «партии переворота», к «партии, поддерживающей государство», от идеи классовой борьбы к «общественной солидарности».

Возьмем, к примеру, важнейшую проблему концентрации капитала. Первый тезис эрфуртской программы о неизбежности гибели мелкого производства в условиях капитализма оказался в Гейдельберге забракованным. Теоретики с.-д. доказывали, что этот пункт эрфуртской программы был продиктован аграрным кризисом 70—80-х годов; последующая история, дескать, показала, что мелкое производство в промышленности и в сельском хозяйстве не только не вытеснялось, но укреплялось. С.-д. откровенно встала в этом вопросе

имеется стремление (!) ухудшить положение трудящихся слоев» (!). Однако «путем неустанной борьбы имеют они (трудящиеся слои. *Е. С.*) возможность оградить себя от усиливающегося понижения их жизненного уровня и улучшить свое положение» (!). Теоретик с.-д. Браунталь исчерпывающе разъяснил это гейдельбергское откровение; тезис эрфуртской программы оказался «ложным»: «Ибо не может быть оспариваемо, что непрочность существования не увеличилась, но, в результате развития социального законодательства, уменьшилась, что нищета и психологическая эксплуатация масс уменьшились в связи с постепенным подъемом реальной заработной платы и уменьшением рабочего дня, и гнет угнетения ослабился благодаря растущему влиянию партии и профсоюзов в государстве, обществе и предприятии»¹.

Таким образом, отвергнутая в Эрфурте точка

„Раздуть не значит сдуть“. — Карикатура в журнале „Кладдатч“ по поводу провала „исключительных законов“.

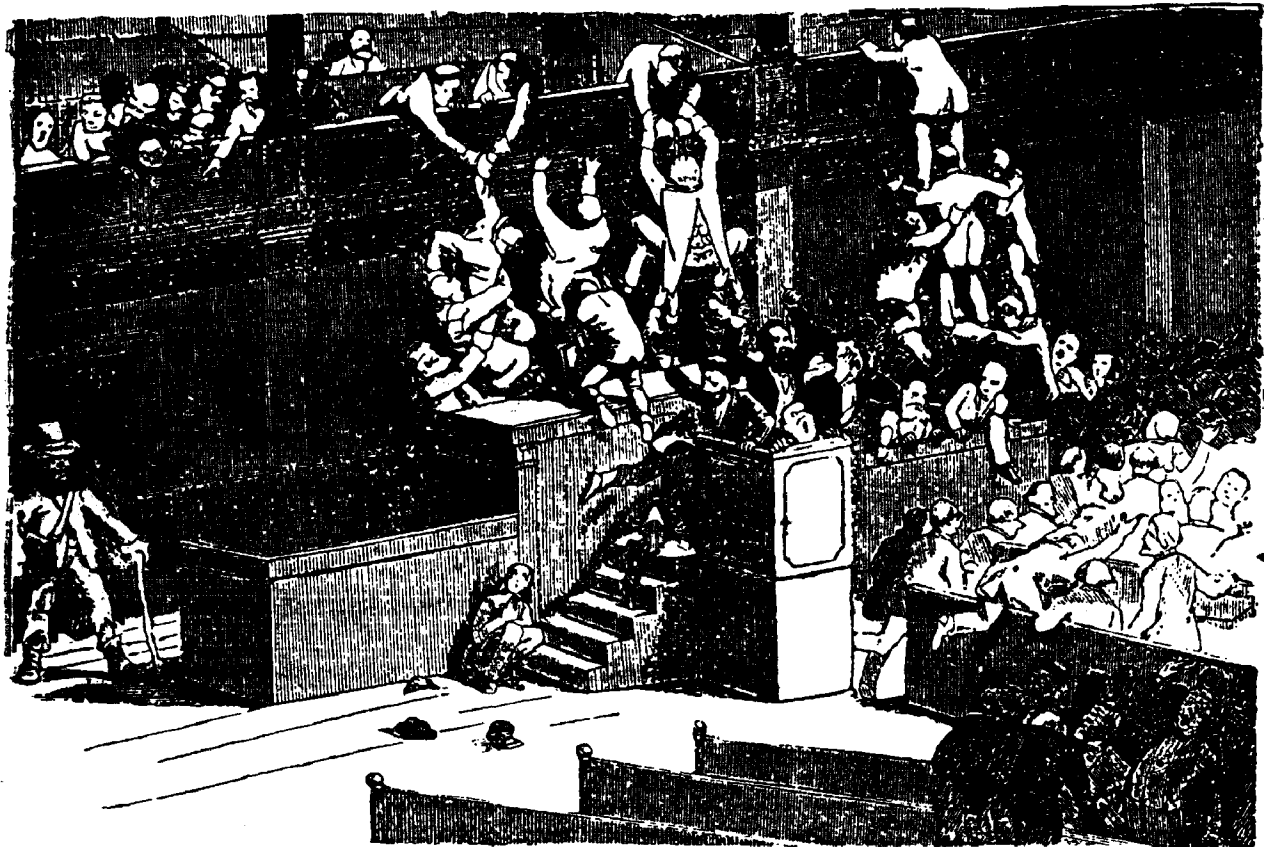
на позиции, защищавшиеся издавна ревизионистом Давидом. С.-д. отказались также в Гейдельберге от утверждения эрфуртской программы, что кризисы при капитализме «становятся все обширней и опустошительней». Каутский разъяснил, что и в этом вопросе программа обобщила лишь «преходящие» явления, питалась «особенностями конъюнктуры 70—80-х годов». Завершением этой точки зрения была провозглашенная на кильском партийтаге (1927 г.) гильфердинговская теория организованного капитализма. Кильский партийтаг, объявив задачей с.-д. борьбу за «постепенное преобразование капиталистического организованного хозяйства в демократическое и социалистическое», указал и вновь открытое средство этого «преобразования»: хозяйственную демократию.

Не менее радикальному исправлению подвергся тезис эрфуртской программы о возрастающем обнищании пролетариата и трудящихся масс в условиях капитализма. Согласно новой программе «при капитализме беспрерывно

зрения Фольмара о постепенном, по частям и кусочкам, осуществлении социализма, «постепенной социализации» при помощи «доброй воли» господствующих классов, проходит красной нитью через всю гейдельбергскую программу, вытеснив без остатка идею классовой борьбы.

Новый теоретик с.-д. проф. Эрик Нелтинг разделил историю социализма на три стадии: исходную — идеологическую — стадию, организационно-опозиционную и, наконец, период «конструктивного осуществления». Соответственно этим периодам, с.-д. партия носила, по Нелтингу, различный характер: научно-теоретический (уж не во времена ли исключительного закона партия была клубом профессоров?), миссионерски-опозиционный и, наконец, политический. Соответственно менялся не только тип вождя: ученый (уж не Бебель ли?), агитатор, государственный деятель, но и его операционный базис: кабинет ученого,

¹ Журнал «Der Kampf», 1925, стр. 463.

В германском
рейхстаге.
Бебель идет.
Карикатура
1872 г.

ораторская трибуна и, наконец... правительственное кресло.

Исказив историю социал-демократии Нелтинг, однако, не плохо охарактеризовал «третью стадию» ее развития, подчеркнув основной факт в истории послевоенной с.-д. — вращение ее в буржуазный государственный аппарат.

Насколько далеко ушла с.-д. в своем развитии к социал-фашизму, свидетельствуют следующие цифры и факты.

С.-д., занятых в парламентах и других государственных учреждениях в 1929 г. было 46.667, с.-д. представителей в социально-политических учреждениях (трудовые суды, страховые учреждения и пр.) — 60.363, с.-д. служащих и чиновников в этих учреждениях — 50.000, в прусском государственном управлении — 16.000 и т. д.¹ Если прибавить сюда чиновников партийного и профсоюзного аппа-

¹ Климов, «Буржуазное государство эпохи империализма». ОГИЗ, 1931 г., стр. 111.

рата, различных социал-демократических, хозяйственно-кооперативных организаций, превратившихся фактически в органы государственного принуждения, то эта социал-фашистская армия вырастет до трехсот тысяч человек. Особенно охотно буржуазия доверяет социал-демократам наиболее щекотливые и наиболее необходимые в процессе фашизации государственной власти полицейские функции. Имена Зеверинга, Цергибеля, Гржезинского, пользующихся по заслугам большим доверием своих капиталистических хозяев, известны всему миру. Дополним этот список именами менее крупных «кровавых собак». В Рурской области политическая охрана находится всецело в руках с.-д., под руководством начальника политической полиции Эссена — с.-д. Маслак. Полицией-президентом Дюссельдорфа является бывший профсоюзный чиновник с.-д. Мейер, а чиновник профсоюза строительных рабочих с.-д. Люберинг — полицейским-президентом Дортмунда. С.-д. являются также

инспектор государственного управления Рурской области Зоммер, полицейский лейтенант Лева, руководители имперских учреждений по управлению области: Гросс, Гейнрих, Гревс и свыше десятка других. Этот список можно продолжать до бесконечности. Как видим, «третья стадия» в развитии с.-д., когда, по Нелтингу, характерным типом вождя становится государственный деятель, а его операционным базисом — правительственное кресло, отнюдь не является профессорской выдумкой. Имя этой давно подмеченной Коминтерном стадии — с о ц и а л - ф а ш и з м. Окончательная измена марксизму, превращение пролетарской когда-то партии в «социалистическую» партию, стремящуюся «увечковать наемное рабство» (Энгельс), неизбежно должна была отомстить за себя.

Предвидение Бебеля на эрфуртском партийтаге, что переход на позицию Фольмара означал бы «не только превращение в болото, но полное коррумпирование и гибель партии», полностью оправдалось.

По странной иронии судьбы тот факт, что пессимистическая перспектива, предсказанная Бебелем, оказалась реальностью, обнаружился особенно ярко как раз в год 40-летнего юбилея эрфуртского партийтага — на съезде социалфашистов в Лейпциге.

Лейпцигский партийтаг стоял прежде всего под знаком мирового экономического кризиса. Кризис перепутал все карты с.-д. и сорвал неожиданно с нее маски. Тщетно пытался докладчик о кризисе Тарнов увязать провозглашенную так недавно теорию организованного капитализма с мрачной действительностью. Теоретики с.-д. не могли увильнуть от вопроса, поставленного жизнью, возникающего назойливо на каждом рабочем, в том числе и с.-д., собрании.

«На кильском партийтаге Гильфердинг дал анализ капиталистического хозяйства в период организованного капитализма; я должен сегодня говорить о капиталистической хозяйственной анархии. Что, разве развитие пошло вспять, или анализ Гильфердинга был ошибочным, или моя тема неверно формулирована? — ставит этот вопрос докладчик и отвечает на него с гениальной «простотой» и «убедительностью». — Истина заключается в том, что организованный капитализм не снимает хозяйственной анархии... Организованный капитализм уничтожил экономическую гражданскую войну человека против человека, превратил ее в экономическую войну банд. Но война сама по себе осталась. И ее разрушительное действие усилилось. Организованный капитализм стреляет гранатами там, где неорганизованные капиталисты обменивались ружейной перестрелкой».

Следовательно, и Гильфердинг прав, и Тарнов не ошибается. Специальность одного —

говорить об организованном капитализме, другого — об его анархии. Вся беда для проницательных вождей состоит лишь в том, что обе части анализа разделены промежутком четырех лет и между ними пролегла глубокая пропасть кризиса, внесшего более чем существенные поправки в гильфердинговскую теорию.

Однако с.-д. массы требуют, чтобы был указан выход из тупика, в который их завели с.-д. вожди.

Тарнов его наметил:

«Мы не можем удовлетвориться только диагностикой кризиса. Мы должны чувствовать себя, как в р а ч, который должен лечить больного пациента».

Фриц Тарнов

На сей раз докладчик забыл ту истину, что слова даны с.-д. для того, чтобы скрывать свои намерения. Он просто проболтался. Крылатая фраза Тарнова облетит весь пролетарский мир, она вызвала уже возмущение в среде с.-д. рабочих, которые совсем не хотят «лечить капитализм».

В стране голода и безработицы, чрезвычайных декретов и 48 параграфа с.-д. рабочие начинают сомневаться в преимуществах мнимого «мирного вращающегося социализма», в том, что они действительно попадут в социализм через с.-д. ворота.

«Но если все это так, то не должны ли мы отчаяться в осуществлении социализма, можем ли мы верить в то, что эта идея действительно была исторически необходимой? Можем ли мы путем преобразования капитализма действительно приблизиться к социализму? Или этот

кризис поколебал все перспективы, которые мы раньше имели?»

— вынужден поставить вопрос Тарнов. Оказывается, оснований для особых беспокойств на этот счет нет, Тарнов успокаивает, что когда

«туман кризиса рассеется», «станет ясно и отчетливо видно, что также и в это время фундамент капиталистической системы не стал крепче», что «фундамент социализма, который уже встраивается (1) в капиталистическое хозяйство, еще более окреп».

Итак, как это ни невероятно, но с.-д., объявившая себя лейб-медиком его величества капитала, оказывается, одновременно ухитряется строить фундамент социализма. Эта «диалектика», а на житейском языке — простая «ловкость рук», все больше возмущает с.-д. массы.

Сногсшибательный лозунг «лечить капитализм! спасать его!» Тарнов пытается оправдать ссылкой на историю. «Рабочее движение никогда не хотело позволить капиталистическому хозяйству погибнуть от его внутренних противоречий. Мы скорее всегда проводили мероприятия против противоречий капиталистической системы».

Из всех этих рассуждений напрашивается один вывод: с.-д. безнадежно запуталась. Попытки выбраться из затруднительного положения, создавшегося в связи с крахом с.-д.

Рудольф Брейтшейд

теории «организованного капитализма», чрезвычайно жалки и убоги. Ревизионистское здание, построенное в Гейдельберге, рухнуло с треском

Большая часть времени на партийтаге была посвящена доказательству правильности с.-д. тактики после выборов 14 сентября, начиная с поддержки с.-д. броненосного строительства, кончая голосованием за чрезвычайные декреты Брюнинга.

В докладе о «Преодолении (!) фашизма» Брейтшейд пытался дать обоснование социал-фашистской политике. Этот доклад в теоретическом отношении представляет собой прямо невиданное до сих пор убожество. Длиннейшие экскурсии в биографию Муссолини и Гитлера, описание их характеров и способностей вместо анализа сущности фашизма, вызвали справедливое недовольство даже со стороны некоторых делегатов партийтага.

Правда, Брейтшейд разъяснил, что национал-социалисты лишь ищут возможности (!) «примкнуть к капиталистическому классу», но предостерег от мысли, что «националистическое братание с капитализмом предстоит немедленно». Столь «смягченная» оценка классовой природы фашизма, организуемого зубрами крупного капитала и тяжелой индустрии, не мешает с.-д. превращать фашизм в страшную «буку», которой они запугивают рабочий класс. Пытаясь терроризировать пролетариат образом немецкого Муссолини, въезжающего через Бранденбургские ворота, с.-д. в действительности оказывают всякую поддержку проводнику фашистской диктатуры — правительству Брюнинга. С.-д. пытается, как известно, оправдать эту свою политику теорией «наименьшего зла». Как далеко заходят с.-д. в этой своей теории, можно судить по приветственному письму Каутского лейпцигскому партийтагу. Каутский доказывает, что все, всегда, по всяким поводам придерживались именно этой теории. В защите ее Каутский переступает все границы приличия: он так восхваляет «наименьшее зло», что оно превращается в наивысшее благо. Оказывается, в сравнении с фашизмом «германская империя представляла в своем роде революционное учреждение... Она не была чистым полицейским государством, а в известном смысле — правовым государством». Если Германия Бисмарка и Вильгельма II была, по Каутскому, «революционным учреждением», то Германию Брюнинга можно, ничтоже сумняшеся, объявить прямо социалистическим государством, в котором, по авторитетному свидетельству Зеверинга, «люди, происходящие из народа, обучаются руководить крупным государственным управлением».

Государство Брюнинга сохраняет ведь форму республики, которая, по мнению с.-д., постепенно наполняется социалистическим содержанием посредством социального законодательства, хозяйственной демократии и т. д.

Правда, рабочие справедливо возражают, что от демократии веймарской конституции остался лишь 48-й параграф, на основе которого издаются чрезвычайные декреты, отни-

мающие у рабочего класса завоеванные им в послевоенные годы жалкие крохи социального страхования. Где же в таком случае демократия, где ее «социальное содержание»? Чтобы не отвечать на этот каверзный вопрос, вожди придумали остроумный выход, введя разделение труда между двумя докладчиками. Брейтшейд, понесся диктатуру, независимо от ее социальной природы («исходя из государственно-правовой точки зрения, не существует никакого различия между Римом и Москвой»), вынужден был признаться, что исключительные законы Брюнинга — не совсем демократические мероприятия. И все же, с.-д., по его мнению, должна поддерживать правительство Брюнинга как «меньшее зло» и «терпеть нарушения демократической формы, чтобы сохранить демократическое содержание законодательства» (разрядка автора). Что касается Зольмана, то на его долю, как докладчика с.-д. фракции рейхстага, выпала противоположная функция: отчитываясь за политику поддержки грабительского похода правительства Брюнинга против социального законодательства, он вынужден был констатировать, что «социально-политические завоевания невозможны при современных условиях», что приходится даже соглашаться на ухудшение положения пролетариата, чтобы защитить правительство Брюнинга от фашистской опасности. «Зато, — утешает Зольман, — остается демократическая форма», ибо «республика для нас — ценное настоящее, которое мы защищаем всеми силами». В связи с этим фраза Маркса о том, что «рабочим нечего терять, кроме своих цепей», стала, по Зольману, «совершенно реакционной фразой».

Партейтаг знал, что предстоит новый чрезвычайный декрет Брюнинга, несущий невероятные тяжести трудящимся. Какова будет позиция с.-д. фракции в этом вопросе? Вся линия партийного руководства сводилась к тому, чтобы уклониться от ответа, обделав очередное предательство с наименьшим шумом. Вняв этому естественному желанию с.-д. лидеров, Брюнинг, как известно, оттянул опубликование декрета до окончания партейтага. Попытки ряда делегатов поднять этот вопрос отклонялись под предлогом, что подлинное содержание предстоящего мероприятия правительства с.-д. еще неизвестно, что не дело партейтага заниматься такими деталями — ему надлежит лишь наметить общую линию.

Лейпцигский партейтаг показал совершенно отчетливо, что социал-фашистское руководство будет со всею твердостью продолжать взятую линию на поддержку правительства Брюнинга.

Лейпциг означает важнейший этап на пути врастания с.-д. в фашизирующееся государство.

Совершенно очевидно, что в рабочем классе, задыхающемся под бременем кризиса чрезвычайных декретов и 48-го параграфа, эта политика вызывает бурный протест. Даже на партейтаге раздались такие крамольные речи: «Демократия больше не существует, конституции больше нет, парламент не существует

также» (Экштейн). «Еще опаснее иллюзия, что мы могли бы, при помощи демократии и парламентаризма, достигнуть наших целей... Имуший класс никогда не допустит, чтобы мы у него отняли, при помощи демократии, все его права» (Еттингауз). К ужасу вождей, эти речи вызвали бурное одобрение трибун, переполненных с.-д. рабочими, и части делегатов. Чтобы сдержать это движение, с.-д. пытается маневрировать в вопросе о «конечной цели», о социализме. Известно, что по линии отрыва движения от цели шли испокон веков все оппортунистические откровения. Вспомним знаменитое цюрихское трио 1879 г. (Гехберг, Бернштейн, Шрамм), провозгласившее, что с.-д. нечего заниматься в своей пропаганде конечной

Председатель партейтага Отто Вельс

целью, поскольку большинство ее сторонников предпочитает продвигаться лишь «от станции к станции». Вспомним формулу «желать надо всего, а завоевывать по частям» (Фольмар) или «движение — все, цель — ничто» (Бернштейн). На эрфуртском партейтаге Зингер очень метко сказал о Фольмаре, что последний «поставил наши конечные цели, как своего рода семейную реликвию, в серебряный шкаф, который открывается лишь при особо торжественных обстоятельствах»¹. Тяжелый кризис в взаимоотношениях между рабочими массами и социал-фашистским руководством вынудил последнее, в качестве очередного маневра, прибегнуть к «семейной реликвии». По обычаю, тон задает Каутский:

¹ Протоколы эрфуртского партейтага, стр. 198.

«Чем тяжелее проблемы ставит нам настоящее, чем необходимее становится политика наименьшего зла, чем менее может она сама по себе удовлетворить массы, тем необходимее пополнить эту политику бескомпромиссной пропагандой нашей высокой цели и ее теоретическим обоснованием».

Открывавший партийтаг Вельс, говоря о политических неудачах, постигших в последнее время с.-д., прибег к тому же маневру:

«Для нас дело идет не только о том или ином требовании дня, как бы ни было оно важно для личности или общества. Социалистическая цель — вот за что мы боремся».

Вельсу вторит Брейтшейд:

«Утверждение, что мы после войны задвинули наш социализм в угол и обуржуазились, неверно. Конечно, мы глубоко погрузились в повседневную работу, что было продиктованной обстоятельствами необходимостью... Однако теперь должны мы опять дать им (массам. Е. С.) сильнее увидеть картину «государства будущего».

Чрезвычайно любопытно в свете этого маневра письмо съезду Фридриха Адлера. По мере роста рабочего движения усложняется, по словам Адлера, проблема взаимоотношения между задачами настоящего и будущими целями, которые вступают между собой в противоречие, даже в конфликт. Важно определить, что является главным в данный момент. В связи с этим Адлер приходит к такому обобщению: «В период хозяйственной устойчивости выступают на первый план потребности настоящего, в период кризиса — возможности будущего». Адлер сжато формулировал смысл всего теперешнего маневра. Снижая ежедневно жизненный уровень рабочего класса, с.-д. хочет примирить пролетариат с ужасами настоящего, демагогически размалевывая перед ним «картину будущего», нисколько не веря в нее. «Если бы я мог верить, что мы в действительности стоим перед осуществлением социалистической идеи, то это была бы блестящая перспектива. Но этой возможности я не вижу», заявил Тарнов.

Если же с.-д. удастся «вылечить капитализм», на первый план выступят опять потребности дня и с.-д. вернется вновь к привычной для нее формуле: «Движение — все, цель — ничто». Однако, можно не сомневаться, с.-д. не удастся примирить рабочий класс с кризисом и фашизмом, привязать его к капитализму посредством тончайшей цепи мечтаний о «тысячелетнем царстве», к которому нет пути.

Безвыходность положения гнетуще влияла на настроение партийтага. По мнению Каутского, в течение двух поколений существования с.-д. партия едва ли когда-либо переживала столь тяжелую ситуацию. «Грозным и мрачным представляется политический горизонт... Мы не имеем никаких оснований для оптимизма»,

писал к съезду один из наименее впечатлительных и сентиментальных вождей — Зеверинг. Эта унылая нота тянулась через все выступления делегатов. Особенно объята паническим ужасом «левые»; ничем не отличаясь по существу воззрений от остальной с.-д., они лишь сильнее чувствуют опасность отхода масс, а посему фрондируют против политики партии, не предлагая никакой другой политической линии, проголосовав на партийтаге все основные резолюции. «Левые» спорят не столько о мере сколько о форме предательства. Они возражают против с.-д. тактики, потому что она «затрудняет партии и профсоюзам удерживать массы», как откровенно заявил один из знаменитой «девятки» депутатов рейхстага, нарушившей партийную дисциплину голосованием вместе с коммунистами. Из боязни, что массы убегут от с.-д., пытаюсь во что бы то ни стало помешать росту компартии, «левые» стремятся к более искусному маневрированию.

«Левое» крыло нужно сейчас партийному руководству для сохранения иллюзий в с.-д. массах, для удержания их от перехода в компартию. Опаснейшую роль «левого крыла, как плотины против угрожающего распада партии, откровенно определил вождь «левых» Зельдевиц, писавший, что существование «оппозиции» в с.-д. есть предпосылка «единства партии»¹.

Недовольство политикой партии, однако, настолько велико, что левым не удается сдержать его в рамках «законной оппозиции».

Процесс разложения внутри с.-д. обнаружился в яркой форме уже задолго до лейпцигского партийтага. Дискуссионный листок с.-д. «Das Freie Wort» («Свободное слово») засыпался уже давно такими вопросами: «Как я могу сочетать поведение партии с моим социалистическим образом мышления?», спрашивает один низовой с.-д. работник. «Разве мы еще марксисты?.. Я не могу избавиться от впечатления, что яд сомнения медленно, но верно обнаруживает свое разрушительное действие», пишет другой социал-демократ. Приведем также выдержку из письма одного с.-д. рабочего, в котором в наивной, но красочной форме вскрывается пропасть, разверзшаяся между вождями и с.-д. массами: «Доверие съедено... Поэтому взываем мы к вождям: Бросьте руль! Спустились с вышки партии вниз и поговори ты, товарищ Шейдеман, ты, т. Зеверинг, ты, т. Браун, ты, т. министр, ты т. государственный секретарь, ты, т. чиновник больничной кассы, с твоим товарищем прядильщиком, ткачем, каменщиком, прачкой, чистильщиком улиц и ассенизатором опять на «ты»! Не носите фрак, белый жилет и цилиндр!»¹. Весьма симптоматична книга бывшего с.-д. Вальтера Мюллера, написанная к двенадцатилетнему юбилею ноябрьской революции 1918г., вышедшая под названием «Если бы мы в 1918...». В книге автор набрасывает «реально-политическую утопию», изображая ход, который приняла бы германская революция, если бы шедшие за с.-д. рабочие во-время

¹ «Der Klassenkampf» от 1/XII—1930 г.

² Цитирована по «Der Rote Aufbau», Берлин, январь, 1931 г.

поняли предательскую игру вождей, начали с ареста Шейдемана и Эберта и встали бы под знамя «Спартака» и Ленина. В предисловии автор так характеризует истекшие двенадцать лет: «1918... 1930. Двенадцать лет, годы надежд, терпения, утомления, годы все новых надежд и разочарований, озлобления, усталости, равнодушия и отчаяния... Мы были слепы двенадцать лет назад. Если бы мы лучше видели, если бы мы распознали наших вождей, смысл и цену из лозунгов и действий и сделали бы отсюда как социалисты выводы, мировая история приняла бы другой ход...»¹ «Катастрофические результаты известны. Демократические иллюзии разлетелись. Мир стоит перед решением: мировая революция или мировая реакция»².

Разложение внутри с.-д. ярко вскрылось даже на партийтаге: шла непрерывная борьба путем реплик, свистков, аплодисментов между хорами и партером, гостями съезда, с.-д. рабочими, и партийными «бонзами». Отчетные собрания о партийтаге, совпавшие по времени с изданием нового чрезвычайного декрета Брюнинга, вызвали, как известно, настоящий бунт в с.-д. массах, который не удастся усмирить и с.-д. «левым». Последние разоблачили комедийный характер своей «оппозиции» всем своим поведением на партийтаге, голосованием за все его резолюции. «Левые» быстро теряют сейчас доверие масс. Кризис выражается в ежедневном бегстве десятков рабочих из с.-д. партии

¹ Walter Müller, «Wenn wir 1918...», стр. 8

² Там же, стр. 455.

в коммунистическую. Вербовочный лозунг с.-д. «где второй человек?» («Wo bleibt der zweite Mann?»), настойчиво напоминающий с.-д. об обязанности каждого из них завербовать «второго человека» для партии, звучит теперь тоскливо и даже иронически; законен вопрос: «А где первый человек?». Сколько этих вербовщиков проводят уже сейчас вербовочную работу — только не в пользу с.-д., а в пользу компартии.

Особенно остро стоит для с.-д. вопрос о молодежи, решительно отворачивающейся от с.-д. партии. В настоящее время 70 проц. с.-д. партии имеет возраст свыше 35 лет, 57 проц. — свыше 40 лет и лишь 7 проц. — от 20 до 25 лет. Уже в 1930 г. на собрании в Бреславле Гильфердинг должен был признать, что «у с.-д. нет больше молодежи». В последнее время с.-д. молодежь бежит целыми организациями под знамя «трех Л» (Ленин, Либкнехт и Люксембург).

Кризис капитализма принес с собой и кризис партии, связавшей с ним свою судьбу. В Лейпциге с.-д. расплачивается за весь свой путь от Эрфурта до Гейдельберга. Измена марксизму жестоко мстит за себя.

К современной с.-д. целиком относится то, что Энгельс писал Бебелю в 1879 г.: «Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история не считается и переходит к очередным делам».

С точки зрения развития международной революции переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам, или от Варлена к Реноделю, или от Вильгельма Либкнехта и Бебеля к Зюденуму, Шейдеману и Носке есть лишь нечто вроде „перехода“ автомобиля от гладкого и ровного шоссе в сотни верст к грязной вонючей лужице на том же шоссе, к лужице в несколько аршин.

Ленин

ОТ ТЬЕРА К ДУМЕРУ

Согласно конституции президент французской республики выбирается на семь лет. Для его избрания Палата депутатов и Сенат объединяются в Национальное собрание: вопрос решается абсолютным большинством голосов. Если ни один из кандидатов не получает его, происходит перебаллотировка. Формально президент сосредоточивает в своих руках значительную власть. Если президентом становится не кукла для парадных случаев, а деятель с определенной политической физиономией, то он располагает, в рамках закона, значительно большими возможностями, чем, скажем, английский король.

Пост президента республики с королевской властью был создан в ту эпоху, когда французская буржуазия еще сама колебалась между монархией и республикой. Только после того как она обставила свою республику монархическими учреждениями, буржуазия пришла к тому выводу, что, собственно говоря, «республика — это наилучшая из монархий».

В 70-х гг. во Франции сейчас же вслед за Коммуной значительная часть реакционной крупной буржуазии, находившейся в союзе с землевладельческой аристократией, наделила президента правами монарха, продлила срок его полномочий до семи лет, готовясь вернуться к монархии. Первым президентом Третьей республики был человек, являвшийся классическим выразителем принципов буржуазного общества во всей их исторической ограниченности, фанатический приверженец частной собственности, написавший целый трактат в ее защиту, проделавший в течение XIX в. вместе со своим классом все зигзаги от Июльской революции до Парижской Коммуны и ненавидевший коммунизм и пролетариат. Это был Тьер; он заслужил бессмертную благодарность буржуазии и такую же ненависть со стороны пролетариата за

разгром Парижской Коммуны. Но, обладая острым классовым инстинктом, он понял, что установление республики является неизбежной уступкой пролетариату и мелкой буржуазии, известной гарантией против повторения новых революционных взрывов и что, с другой стороны, республику можно использовать в интересах буржуазии не хуже, чем монархию, что вовсе не всякая республика должна сопровождаться теми «ужасами террора», какими сопровождалась республика 1793 г. Этого не могло ему простить Национальное собрание, желавшее немедленного восстановления монархии, не понимавшее еще неизбежности уступки в вопросе о республике пролетариату.

Тьер должен был уйти. На смену этому законченному и цельному в своей ограниченности буржуа с мелким умом, холодной и жестокой волей, явился ничтожный и бездарный маршал Мак-Магон, который был игрушкой в руках клерикально-монархических кругов.

Восстановить монархию Мак-Магону не удалось, и ему пришлось уйти. Третьим президентом укрепившейся буржуазной республики был выбран бесцветный Жюль Греви, хотя наряду с ним выступили несравненно более яркие кандидаты, вроде Гамбетты. Буржуазия в этот период предпочитала иметь на посту президента человека, абсолютно послушного ее воле. Греви был переизбран президентом и на второй срок, но на этот раз ненадолго. Под крылышком почтенного президента его зять Вильсон устроил в Елисейском дворце настоящую лавочку по продаже орденов. Хотя такие вещи, вообще говоря, случались довольно часто, но размеры этой операции на этот раз были настолько велики, что Греви пришлось уйти.

Его преемником был Сади-Карно, единственной заслугой которого было то, что он был внуком Лазаря Карно, известного деятеля Великой французской

революции. Он был убит анархистом, и его преемником был выбран Казимир Перье, последний отпрыск династии банкиров и ростовщиков, составивших свое состояние темными и грязными путями. Казимир Перье воплотил в своей личности классовую сущность того режима, который господствовал во Франции. «Демократическая республика» во Франции была таким же орудием в руках французской крупной буржуазии, как парламентская монархия в руках английской буржуазии.

Социалисты начали жестокую кампанию против нового президента. Жорес, защищая на суде Жиро Ришара, написавшего резкую статью против президента, заявил, что он ставит дом Перье ниже публичного дома. Президентство Перье было слишком бесстыдно-оголенной демонстрацией диктатуры финансового капитала. В условиях подъема рабочего движения и очень заметного роста влияния во Франции 90-х гг. социализма буржуазия предпочла уход Перье в отставку. Его сменил совершеннейшее ничтожество Феликс Фор, который вошел в «пантеон истории» своей неожиданной смертью в объятиях любовницы. Затем последовали Лубе и Фальер, полные всевозможных буржуазных «добродетелей», но совершенно бесцветные в политическом отношении. Их президентство пришлось на очень бурную эпоху: это было время дела Дрейфуса и резкого обострения классовых противоречий, но почтенные президенты не оказали сколько-нибудь заметного влияния на политику. Если Фор отражал интересы реакционной буржуазии, Лубе, в связи с применением буржуазией своих методов управления, переходом от «кнута к прянику» был выдвинут из среды умеренной буржуазии, а Фальер был посажен на президентское место радикалами.

В 1913 г., когда в воздухе уже носилось веяние войны, президентом был избран агент наиболее империалистической группы буржуазии Пуанкаре. Это был один из наиболее активных президентов Третьей республики: его угодливость и пресмыкательство перед царизмом могли только сравняться с его ненавистью к Советской России, против

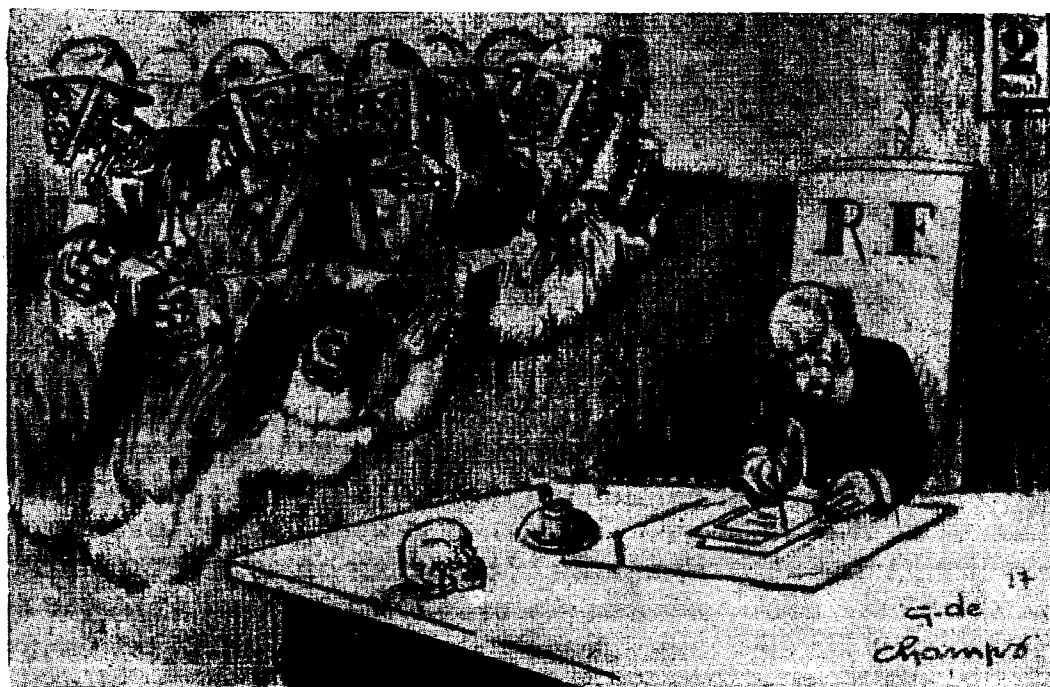
которой он первый организовал интервенцию.

Как комета, пролетел выбранный в 1920 г. Дешанель, слабое создание, которое не выдержало «величия» своего положения: он стал лазить по деревьям парка Елисейского дворца, выбросился из окна поезда, пока не попал, наконец, в психиатрическую больницу.

Не более долговременным было президентство Мильерана, который, начав свою карьеру социалистом, кончил ее теперь одним из вождей черносотенного национального блока. Даже в прогнившей политической среде буржуазной Франции Мильеран в связи с полевением крестьянства и мелкой буржуазии оказался неприемлемым: он слишком услужливо и поспешно стал выполнять социальный заказ тяжелой индустрии. Во второй раз (первый раз это произошло с Мак-Магоном) парламент после победы левого блока в 1924 г. отказался вступать в соглашения с каким бы то ни было министерством, образованным Мильераном, и последнему скрепя сердце пришлось уйти в отставку.

Выборы Гастона Думерга президентом тоже, по существу, означали победу открытой реакции, несмотря на то, что он сам был давнишним радикал-социалистом. Его конкурентом был Пенлеве, но партии национального блока дружно голосовали за Думерга и этим сделали его своим ставленником. К тому же он отказался снять свою кандидатуру в пользу Пенлеве, и этой «измены» не могли ему простить его партийные соратники. Победе Думерга сильно помогло тайное голосование, которое практикуется при выборах президента и которое, обыкновенно, приводит к величайшим неожиданностям. При этой системе действительные результаты обыкновенно прямо противоположны ожидаемым, несмотря на то, что выборы довольно тщательно подготавливаются на предварительных неофициальных собраниях отдельных партийных группировок. Под покровом тайного голосования царит самая разнузданная продажность, бесчестность и произвол.

Когда в 1931 г. истекли полномочия Думерга, то налицо были две кандида-

Пуанкаре в годовщину войны

Е. Дешан

туры: Бриана и Думера. На обеих этих кандидатурах стоит остановиться.

Думер, о котором Жорес писал, когда он пытался еще в 1906 г. выставить свою кандидатуру в президенты, что этот человек «оскорбляет всякий моральный закон и всякую политическую честность», представляет собой тип господствующего в буржуазной среде, беспринципного, пожираемого ненасытным честолюбием политика. Он был в прошлом радикалом, но продал свой радикализм за пост генерал-губернатора в Индо-Китае. Теперь это один из представителей наиболее воинствующего крыла французской империалистической буржуазии. Его кандидатуру поддерживали наиболее реакционные слои французской буржуазии и военщины.

Несколько иной тип политического деятеля представляет собой Бриан. Не уступая Думеру в бесстыдном ренегатстве, но превосходя его ловкостью, Аристид Бриан, как и Мильеран, начал свою политическую карьеру в рядах социалистической партии как один из самых ярких поборников всеобщей стачки. По иронии судьбы, этот же Бриан, сделавшись через десять лет министром, очутился в таком положении, когда ему пришлось подавлять всеобщую стачку железнодорожников. Когда он, беспощадно расправившись со стачечниками и объявив железные дороги милитари-

зированными, явился в Палату, то социалисты напомнили ему о тех временах, когда он сам был апологетом всеобщей стачки. Взбешенный обструкцией социалистов, Бриан не постеснялся заявить, что, если потребуется, он сумеет прибегнуть и к незаконным средствам, чтобы подавить сопротивление «антиобщественных элементов». Даже среди видавших виды французских буржуазных политиков зрелище этого бесстыдного и хладнокровного ренегатства вызвало отвращение, тем более что после измены социалистам Бриан равнодушно отворачивался от всех тех, кто имел несчастье связать свою политическую судьбу с ним, как только ему это становилось выгодным. Этот профессиональный ренегат разлагал все, до чего он дотрагивался. Одно время казалось, что на его политической карьере поставлен крест: он был слишком дискредитирован и благодаря своим непрерывным изменам он слишком многих вооружил против себя. Но это именно только казалось.

В эпоху исключительной неустойчивости послевоенной эпохи, неустойчивости во внешних и внутренних отношениях, политическая эквилибристика Бриана оказалась как нельзя более у места.

Когда после рурской оккупации Францию стали теснить на арене внешней

политики и когда обострилась классовая борьба внутри страны, на бронированный кулак Пуанкаре-война пришлось одеть лайковую перчатку Бриана-мира. По существу дело мало в чем изменилось. Разница между Брианом и Пуанкаре сводится только к манере действия: один действует напролом, другой — в обход. В наиболее опасные моменты финансовый капитал предпочитает выливать на волны мелкобуржуазного возмущения масло Бриана и этим достигает относительного успокоения, хотя полностью продолжается прежняя империалистическая политика. Именно это искусство «лисьего хвоста» и объясняет популярность Бриана, этого мнимого «миротворца». Но до какой глубокой степени падения должна дойти французская «демократия», если этот прожженный, беспринципный делец является ее наиболее популярной фигурой. И как низко должны были пасть французские социал-фашисты и их немецкие коллеги, если Бриан, тот самый Бриан, которого они в лучшие свои времена травили как предателя, стал их знаменем в борьбе против Думера.

Несмотря на все старания радикалов и социалистов, Бриан потерпел поражение. Победа Думера на президентских выборах была определенной демонстрацией буржуазной Франции.

Перед нами прошла целая галерея президентов Третьей республики. Мы видели, что в подавляющем большинстве случаев это были ничего не значащие фигуры. Теперь французская буржуазия ищет «сильного человека», как перед войной она остановилась на Пуанкаре, и думает, что нашла его в лице Думера. Отказ от Бриана, означающий во внешней политике отказ от лживой пацифистской фразы, знаменует во внутренней политике неверие буржуазии в прогнивший, разложившийся парламентски-демократический режим, режим, наиболее ярким выразителем которого была фигура этого продажного политика.

Не есть ли это самое яркое доказательство глубокого кризиса «демократии» и роста фашизма в одной из классических стран буржуазного парламентаризма!

Бриан — „миротворец“

ВОСПОМИНАНИЯ

С. ЛАНЦУЦКИЙ

ПОЧЕМУ Я УШЕЛ ИЗ ППС*

1. ОТКРЫТИЕ СЕЙМА.—ППС ЗАЩИЩАЕТ КАПИТАЛИСТОВ¹

... Накануне открытия сейма состоялось собрание всех депутатов ППС и ППСД. Депутатскому клубу было присвоено название Союза польских социалистических депутатов (ЗППС). Вожди ЗППС уверяли, что учредительный сейм по своему классовому составу в большинстве является радикальным, ввиду чего все социальные вопросы будут разрешены без всяких затруднений. Эта оценка не нравилась рабочим депутатам. Классовый инстинкт заставлял их видеть вещи такими, какими они были в действительности. Они опасались возможных сделок с представителями враждебных классов.

10 февраля 1919 г. состоялось торжественное открытие сейма. Представители всех польских партий в сейме, за исключением ЗППС¹, поспешили отправиться вместе с правительством и президентом в церковь св. Яна. После церковной церемонии открылся сейм. Галлереи и места в зале заполнились публикой, кресла—депутатами. Последним вошел в зал наш клуб, демонстрируя свой «социализм» красными гвоздиками в петлицах.

Через минуту вошел в зал Пилсудский, окруженный адъютантами, и направился прямо к трибуне. Появление Пилсудского вызвало бурю аплодисментов и неумолкающие возгласы: «Да здравствует!». Когда все утихло, он произнес вступительную речь к открытию учредительного сейма, в которой наметил в весьма неопределенной форме необходимость социальных реформ. Затем он передал председательство старейшему из депутатов князю Радзивиллу и покинул зал заседания.

Радзивилл, открывая первый польский сейм, заявил о необходимости национального единства и общих усилий всех сынов отечества, о

восстановлении прежней славы и благополучия Польши.

Тягостное впечатление производил этот познанский магнат своей речью, в которой он с трудом преодолевал польский язык, позабытый им при дворе Вильгельма. Мы вздохнули с облегчением, когда он кончил. Несколько минут спустя заседание было закрыто.

Вечером состоялся раут в замке. Были приглашены все депутаты. Так как депутаты ЗППС приняли участие в рауте, пошел и я.

Кроме депутатов, присутствовало много старших офицеров, представителей правительства и высшее духовенство. Крестьянские депутаты группками, как бы собравшись у ларьков на ярмарке, любовались роскошной обстановкой и картинами. От времени до времени к ним подходил какой-либо товарищ по клубу с докторским дипломом, офицер или ксендз, перебрасываясь парой слов, хлопал по плечу или покровительственно подавал руку, чтобы показать в полном блеске свой демократизм.

Мы, депутаты-рабочие, тоже удостаивались кратких разговоров с нашими товарищами—интеллигентами. Поболтать с нами минутку нужно было хотя бы потому, что нас объединяла одна «общая социалистическая идея». Но продолжительное пребывание в нашем обществе их не прельщало, ибо о чем же им было с нами разговаривать? Говорить в королевских покоях о социальных вопросах им, казалось, было бы бестактно, в тайны высшей политики мы не были еще посвящены, о декоративном искусстве или о шедеврах живописи никто из нас не решился бы разговаривать.

Самым торжественным моментом было появление Пилсудского и его свиты, пышно разукрашенной серебряными пуговицами и петлицами. Навстречу ему спешили церковные сановники и выдающиеся государственные мужи. «Хозяева страны» в крестьянских поддевах и с подкованными сапогами смотрели на избранников судьбы, идущих впереди, с уважением и восхищением. Начальник Пилсудский, подобно монарху, бросал дружеские взгляды и улыбки своим подданным, приводя их в душевное блаженство. После этого общего смотра он в доказательство своего демократизма решил устроить более интимное собеседование с каждой политической группой отдельно.

* Печатаемые главы из «Воспоминаний» т. С. Ланцуцкого будут изданы полностью в ОГИЗ. Железнодорожник из австрийской Галиции—т. Ланцуцкий работал в Перемышльском профсоюзе железнодорожников, состоя в ППС. Предательское поведение ППС после восстановления польского государства заставило С. Ланцуцкого порвать с ППС. Став коммунистом, он мужественно защищал знамя Коминтерна. На конгрессе друзей СССР (1927 г.) Реввоенсовет вручил ему орден Красного знамени.

¹ Мы напоминаем, что КПП бойкотировала выборы в первый сейм.

Я ходил по роскошным залам старого замка, оглядывая картины и портреты. Я пристально всматривался в лица умерших вельмож, читая в их взглядах ненависть и презрение к хамам и городской черни, осмелившимся ступить по блестящему паркету и разваливаться на мягких креслах. Вглядываясь в них, я вспомнил рассказы бабушки о временах крепостничества — с их ужасами и зверствами. Моему прадеду гайдуки дворянина исполосовали кнутами спину и оставили его в беспамятстве окровавленным на господской ниве. Изодранное в ключья тело валялось, и никому из жнецов не разрешалось оказать ему помощь. Так пролежал он до ночи, когда родные перенесли его незаметно домой. Он хворал несколько недель и умер с проклятием на устах.

Наш клуб собрался в одной из комнат, куда через минуту должен был прийти Пилсудский. Разговор с Пилсудским, однако, был очень непродолжительным и ограничился несколькими банальными фразами. Пилсудский, которого я все еще считал социалистом, придал своей встрече с нами характер официальный, сухой, казенный. Встреча рассеяла мои иллюзии о его социализме.

После того как были избраны комиссии пропорционально численности отдельных клубов, сейм приступил к работе. Правительство заготавливало проекты законоположений, передавая их сейму на утверждение. Мы все ожидали выступления премьер-министра Падеревского с правительственной декларацией. Но великий пианист обманул наши ожидания. Кроме прекрасно построенных фраз и реверансов в сторону левой, правой и ложи послов, в его речи ничего не было. Он гордился отсутствием программы, так как жизнь изменчива, не терпит цепей, и повторял ничего не говорящие общие фразы вроде того, что правительство будет руководствоваться нуждами граждан и государства и это даст достаточную гарантию того, что внешняя и внутренняя политика будут вестись по образцу великих западно-европейский демократий.

После правительственной декларации была открыта дискуссия. Между прочими выступал и Дашинский. В начале своего выступления он выразил радость, что дожил до того момента, когда может выступать со свободной трибуны польского сейма, затем он призвал имена Куницких, Сосовских, Окржеев и Мирецких, которые должны «бдеть над святостью» выступлений польских социалистов.

Я предполагал, что после оглашения манифеста ЗППС он займется его обсуждением и выступит с суровой критикой заявления премьер-министра. Я думал, что социализм и реакция дадут друг другу бой. Между тем Дашинский начал оправдываться перед эндеками, что ППС создала народное правительство не потому, что хотела ввести в Польшу социализм, а потому, что в переломный момент «была пустота», было революционизированное крестьянство и революционизированный рабочий класс. Поэтому народное правительство явилось исторической необходимостью, то есть неизбежным злом. В настоящее время мы все жалеем об

С. Ланцуцкий

этом, и никто из нас не желал бы вернуться к прошлому. Несправедливо изображать Польшу страной разрухи, большевизма и хаоса. Польша по сравнению с другими государствами от Рейна до Урала была и остается наиболее спокойной страной. В Германии и России — хаос и кровавая разруха, у нас — взаимное прощение. Правительство Морачевского не пошло по пути мести и выбрало единственно правильный путь — сейм. Выборы в сейм были единственным спасением, были призывом к массам, были вступлением на путь конституционной борьбы. Теперь мы должны стремиться к тому, чтобы закончить счеты, забыть усобицы.

В то время я еще не понимал, что заставляло Дашинского так распинаться от имени польского социализма перед помещиками, капиталистами и кулаками, но очень скоро я уяснил себе это...

Внешне наш клуб составлял одно целое. Внутри же он делился на три группы: интеллигентов, бывших рабочих и рабочих, пришедших в сейм непосредственно от станка. Сами депутаты-интеллигенты также не особенно ладили между собой и подставляли друг другу ножку при каждой возможности. Дашинский терпеть не мог Либермана, Либерман — Морачевского, Жулавский за глаза презрительно отзывался о Хауснере, а в его присутствии вешал собак на других. Дашинский обзывал Чапинского умным глупцом, Либерман — Морачевского бельведерским лакеем.

Партией руководил ЗППС, точнее говоря, парламентская комиссия. Партийные посты с самого низу до главного совета были заняты «надежными» людьми, так что ЗППС мог всегда провести свою политическую линию, не опасаясь уклонов. Оградить целиком партию от оппозиционной «заразы» это, конечно, не могло. Все возрастающая нужда и политические репрессии толкали рабочие массы влево. Это давило на партию извне и находило в ней некоторый отклик. Упорная борьба рабочих за улучшение экономических и политических условий не раз переступала рамки, намеченные соглашательским руководством. Революционная борьба в Германии и восстание в Венгрии усиливали революционное настроение масс и захватывали наиболее честных деятелей ППС.

Я помню, как Либерман был ошеломлен фактом образования в Венгрии советского правительства и вдруг решил выступить против прежней партийной тактики. Его первым шагом был созыв перемышльского партийного комитета, в который входил и я. В своем докладе на этом заседании он охарактеризовал общее политическое и хозяйственное положение польского государства. Получилась в высшей степени мрачная картина. Правительство—без программы, глупое, апатичное, неспособное;

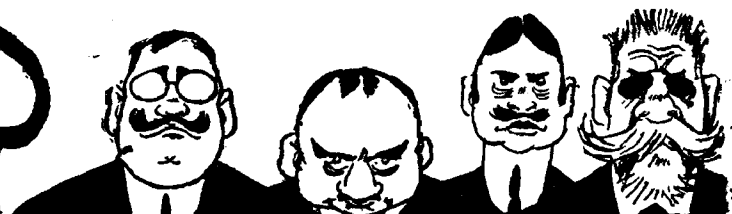
всякая законность отсутствует, в стране свирепствует реакция; военщина и полиция днем и ночью измываются над беззащитным населением. Безработица, голод, болезни и нужда все обостряются, усиливая озлобление рабочего класса. Фабриканты предпочитают спекуляцию работе над восстановлением промышленности. Такое положение вещей долгие продолжаться не может. «Если Дашинские и Морачевские не вступят на путь революционной борьбы, — восклицал Либерман, — то я заявляю торжественно, что я произведу раскол в партии, соберу вокруг себя революционные элементы, и мы заговорим с соглашателями и буржуазией по-венгерски. Пролетариат сплоченной массой пойдет за нами, часть войска тоже станет на нашу сторону, забастовка железнодорожников и тяжелой промышленности даст сигнал к активной борьбе. От вас, товарищи, — говорил новоявленный революционер, — я требую помощи. Революция стучится в ворота, борьба, которую мы начнем, будет победоносной».

Однако по прибытии Либермана в Варшаву на сессию сейма его революционный пыл остыл. Когти этого грозного льва притупились от рукопожатий Дашинского и Морачевского. О том, что он говорил в Перемысле, он очень скоро забыл.

В конце марта на повестке дня сейма стоял наш запрос по поводу расстрела горняков в Домбровском районе. С обвинением против министра иностранных дел выступил Дашинский. Прежде всего он пару раз лягнул большевиков, затем сказал несколько резких слов по адресу министра, полиции, жандармерии и эндеков. Он сожалел о том, что о расстреле в каменноугольном бассейне будет трубить вся заграничная печать, что, без сомнения, не усилит сочувствия к нам ни белоруссов, ни литовцев. В заключение он потребовал от правительства расследования фактов и наказания виновных.

После этого выступления ко мне подошел депутат Либерман и сказал: «В Дашинском просыпается молодой лев, вы еще увидите, как он зарычит. Этот человек умеет угадывать и использовать момент. Борьба уже начинается. Не думайте, что я бездействую: на все нужно время».

[Я был поражен. Во всем выступлении Дашинского я не заметил ни одной боевой ноты. За исключением нескольких резких слов в нем были одни жалобы. Дашинский напомнил, сколько пришлось вытерпеть пепеэсовцам от соц.-демократов, называвших стремление к «не-

Дашинский в сейме

Рис. Н. Ели

зависимой Польше» заменой русского или австрийского жандарма польским. А теперь эта злая насмешка с.-д. превратилась в действительность.

И в самом деле — в Польше ничего не изменилось, только старые вывески были законно перекрашены. Но ППС, защищая капитализм перед революцией, была принуждена мириться с «маленькими недостатками» буржуазной демократии и все свои силы обращать на борьбу с рабочим классом. Социалистическим депутатам пришлось немало потрудиться над тем, чтобы предупреждать возникновение забастовок. Когда последние все же вспыхивали, пепезовцы стремились всеми средствами возможно быстрее их ликвидировать. Срывались забастовки железнодорожников, почтовиков, горняков, металлистов, деревообделочников, трамвайщиков, табачников и т. д. Всегда находился какой-либо неотложный вопрос национального значения, который требовал удушения классовой борьбы. Сначала это был вопрос о тешинской Силезии, потом препятствием для забастовок служили Восточная Галиция, Виленщина, Верхняя Силезия и, конечно, война с Советской Россией. Даже если ППС приходилось объявлять забастовки, она заранее заботилась об их ликвидации. Кто был в ППС, тот знает, что каждая забастовка считалась ударом по государству, ударом, который нужно возможно быстрее отразить. Я не раз видел торжествующее выражение лица Жулавского, когда Дашинские, Морачевские, Хауснеры и Дьяманды поздравляли его со срывом забастовки.

Программы и тактики коммунистов я не знал. В клубе говорили, что коммунисты — это банда авантюристов, платных московских агентов, готовых служить за деньги кому угодно.

Однажды я попросил Зигмунта Марека, который считался «левым», разъяснить мне разницу между коммунизмом и социализмом. Он дал мне разъяснение в духе вышеизложенного и прибавил, что в России правит озверевшая большевистская олигархия, и иллюстрировал это положение целой серией «ужасов».

Тем временем в сейме мы совместно с буржуазией продолжали строить ее государство и работали над укреплением и упрочением буржуазного строя. Я видел немало доказательств этому в сеймовых комиссиях, где я работал: продовольственной и транспортной.

! Когда в начале 1919 г. по поручению клуба ЗППС я внес срочное предложение об единовременной прибавке на дороговизну для железнодорожников, большинство сеймовой комиссии убеждало нас, что этот расход государству не по силам, и призывало нас, как патриотов, не настаивать на своем предложении и пойти на компромисс. Мы же из страха, что наше требование погубит государство, согласились на уменьшение прибавки; таким образом мы и «спасли» государство, и «помогли» железнодорожникам.

Эту предательскую политику с наибольшим воодушевлением проводили депутаты-интеллигенты. Депутаты-рабочие сначала возмуща-

лись, упирались, но в конце концов отравленная атмосфера сейма передавалась и им. В сейме было слишком много соблазнов, против которых более слабые характеры не могли устоять. Депутат-рабочий, выросший в нужде, попадал в обстановку материальной обеспеченности, избавлялся от тяжелой и плохо оплачиваемой работы. Депутатское жалование не только удовлетворяло его текущие потребности, но и давало возможность экономить. Иной начинал мечтать о собственном домике с садиком. Страх перед потерей мандата удерживал рабочего-депутата от искренней и честной критики партии, погрязшей в оппортунистическом болоте. Перспектива потерять теплое местечко, вернуться на завод, очень быстро вылечивала депутатов-рабочих от их левизны: некоторые же продолжали радикальничать, но не переходили пределов, начертанных соглашателями. Клуб ЗППС не только не боролся против своей левой, а даже поддерживал ее; ему очень полезно было иметь другое «левое» лицо, выдвигаемое перед массами в моменты революционного подъема.

Социалистический депутат подвергается еще другим соблазнам. Часто к нему приходят разного рода дельцы с просьбой оказать им протекцию, помочь получить какую-нибудь концессию, подряд, лицензию на ввоз или вывоз и т. д. От честности и характера данного депутата зависит, примет ли он такое предложение или отвергнет его с возмущением. Я выбрасывал таких господ за дверь, но я знаю, что на такого рода делишках ряд депутатов сейма нажил состояние. Конечно, вожди не занимаются такими мелкими делишками. Они создают и низвергают целые кабинеты, и каждое правительство должно прибегать к их помощи, что стоит ему, конечно, денег. Но я знаю депутатов, которые пришли в законодательный сейм в одной паре брюк и в рваных ботинках, а сейчас, после нескольких лет пребывания в сейме, составили себе большое состояние, сделались директорами банков, акционерных обществ и т. п. Одни из них, пользуясь тем голодом, который господствовал в Польше, старались добиться у правительства продовольствия для своих избирательных округов, а получив продукты, продавали их спекулянтам. Другие доставляли разрешения на вывоз спирта, яиц, кожи. Некоторые вели «патриотическую» работу, на которой, конечно, поживились. Например, в плебисцитном комитете в тешинской Силезии происходили такие чудовищные злоупотребления, что если бы можно было добраться до секретных документов и опубликовать их, то не один крупный общественный деятель оказался бы большим преступником, чем профессиональные бандиты, сидящие в уголовной тюрьме. Все это замалчивалось общественным «патриотическим» мнением. Если кому-либо из этих «господ» случалось споткнуться и темные дела выплывали наружу, как это происходило в силезском комитете с пепезовским посланцем Кантором, то такое лицо без огласки исключали из партии, не указывая причин, так что рабочие совершенно не были осведомлены о том, что творилось за кулисами.

Когда я еще не был депутатом, я считал сейм святыней, но, войдя в сейм и присмотревшись к этим «богам», я увидел по большей части политических обманщиков и обыкновенных жуликов. Вся эта грязь в торжественные минуты прикрывалась громкой революционной фразеологией. XVI конгресс ППС в апреле 1919 г. вынес очень радикальные резолюции. К обманутым этим маневром принадлежал и я. Я верил программе, в которой ясно говорилось, что «польская социалистическая партия ведет в тесном единении с пролетариатом других стран неумолимую революционную борьбу за социалистическую республику».

Конгресс открывал путь в революционной борьбе, как же можно было ему не верить? Не вдаваясь в рассуждения, я стал провозглашать всюду лозунги партии. На митингах я обрисовал процесс разложения капитализма как происходящий механически, независимо от усилий рабочих организаций.

Слепая вера в неизбежное падение буржуазного строя мешала мне оценить силы, которыми буржуазия еще располагала, в том числе — силы самой ППС.

Как хорошо ППС обслуживала интересы капитала, прикрываясь революционными лозунгами, показывает следующий классический пример. В конце марта 1919 г. островецкие мастерские были закрыты, ввиду их малой доходности, и 4000 рабочих было выброшено на мостовую. Весь округ был лишен продовольствия, голод и нужда царили всюду. Доведенные до отчаяния рабочие силой задержали на железнодорожной станции несколько вагонов с продовольствием и распродали его по номинальной цене среди голодающих. На этой почве дело дошло до кровавых столкновений с войском. Тогда рабочие послали делегацию к министру внутренних дел, требуя выдачи им продовольствия и привлечения местных властей к ответственности за кровавую баню. В министерстве, однако, им объявили, что для предупреждения волнений правительство вводит во всей стране военное положение. И, действительно, несколько дней спустя правительство запретило собрания и митинги, введя военное положение во всей стране.

Вопрос этот послужил предметом обсуждения в сейме. Во время дискуссии Дашинский выступил против правых партий, обвиняя их в отсутствии всяких социальных инстинктов, подчеркивая, что едва они добрались до власти, как восстановили угнетение и преследования.

«Ваш образ правления, — говорил Дашинский, — толкнет массы на стихийное выступление. Против ружей господина Войцеховского выступит возмущенная толпа и добьется сама для себя справедливости».

Таковы были декларации ППС. Что же происходило на самом деле?

В это же время в Островце состоялась конференция ППС Радомского округа, на которой депутат Пончек очень резко выступал против забастовок и рабочих волнений. Он утверждал, что в свободном отечестве надо раз навсегда покончить со всякого рода беспорядками.

Печально, если рабочие вместо того, чтобы помогать восстановлению отечества, способствуют его гибели и т. п. Чтобы избежать в будущем выступлений рабочих, Пончек внес предложение: конференция ППС признает необходимость введения в Островецком округе военного положения. Конференция это предложение отклонила, но Пончек с этим не посчитался. Вопреки воле конференции, он обратился лично к властям с требованием, чтобы в Островец прислали отряды войска для защиты государственного имущества и промышленных предприятий. Войско, действительно, прибыло в Островец, и «порядок» был восстановлен. Начались массовые аресты рабочих. Власти избивали и истязали арестованных.

Дашинский мог опять выступить на сейме. Он громил бесчинство властей, доказывая, что во всем виноват комиссар-чех Перожек, но, конечно, умолчал о том, что депутат Пончек был замешан в кровавое островецкое дело.

Об этом факте я узнал только позднее от островецких рабочих, которые, поняв подлую работу ППС, покинули ряды предателей.

2. ППС И ПОПЫТКИ РАЗРЕШЕНИЯ УКРАИНСКОГО ВОПРОСА. — «ПОГРОМОВ НЕ БЫЛО». — ППС НА ПОВОДУ УПИЛСУДСКОГО — ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ — ПРОТИВ ВОЙНЫ, У СЕБЯ — ЗА ВОЙНУ — ДОРОШ В ОППОЗИЦИИ К ППС. — КТО СОТРУДНИЧАЛ В ОХРАНКЕ. — ППС ПРОВОДИТ ЧИСТКУ.

Пепезовские депутаты, руководившие фактически партией, заняли характерную позицию и в украинском вопросе. Польско-украинская война разожгла ненависть между двумя народами. Поражение украинских войск не ликвидировало украинского вопроса, а, наоборот, еще больше его обострило.

Присоединение Восточной Галиции к польскому государству произошло при деятельном участии ППС, и пепезовцы хотели обойти молчанием неприятный для них украинский вопрос, по крайней мере в данный момент, и отодвинуть его разрешение в наиболее отдаленное будущее. От времени до времени говорилось, что пора занять ту или иную позицию по этому вопросу, выработать программу, но серьезно никто об этом не думал. Морачевский выработывал какой-то проект разрешения украинского вопроса, но содержания этого проекта никто не знал. Для того чтобы отвлечь клуб ППС от этого вопроса, депутат Хауснер при содействии пепезовских интеллигентов из Львова начал присылать в Варшаву «рабочие» делегации из разных городов Восточной Галиции с докладными записками, в которых «русины» таких-то округов высказывались за Польшу, прося депутатов ППС и правительство охранить их от украинских «экспериментов».

Пепезовцы хорошо понимали, какое значение имеют бориславские нефтеносные поля, расположенные как на зло на украинских землях. Они ни за что не хотели лишиться этих естественных богатств. Как «патриоты» они должны были защищать также польских помещиков от посягательств украинских кре-

стьян. Поэтому каждый из пепезовских вождей пытался найти теорию, дающую возможность разрешить украинский вопрос без всякого ущерба для Польши.

Морачевский на одном из заседаний клуба представил оригинальный проект, как бы единым взмахом меча разрубивший гордиев узел. Доклад начинался со статистических данных, касавшихся количества пахотной земли, лесов, пустырей. Затем посыпались цифры польского населения в Восточной Галиции. В результате он предложил разрешить украинский вопрос путем разделения восточной области на две части. За Польшей остались бы Львов, Стрый, бориславский нефтяной район, а украинцы получили бы земли к востоку от Львова, в соответствии со стратегическими потребностями Польши. Это размежевание включало бы равномерное разделение национальных меньшинств: украинцы имели бы у себя такое же количество поляков, как поляки — украинцев. «Таким образом, — утверждал Морачевский, — мы раз навсегда избавимся от забот. Национальные меньшинства были бы регулятором добрососедских взаимоотношений. При создании же государственного аппарата украинцы вынуждены будут обратиться к польской интеллигенции, так как сами они не располагают достаточным количеством собственной интеллигенции. Таким образом поляки, как более культурная сила, завоюют себе в этом якобы независимом маленьком государстве передовые и руководящие позиции».

Проект Морачевского не встретил поддержки. Сеймовый клуб не согласился на раздел Галиции, а позже, в 1922 г., не согласился даже на политическую автономию для украинцев. Пепезовцы, в ожидании более ясных перспектив, пока что разрешали управлять Восточной Галицией при помощи штыков и ружей, старое царское правительство могло бы смело позавидовать фантазии польских захватчиков.

Если «социалистический» клуб разрешал таким образом украинский вопрос, то как же ППС могла относиться к малочисленной и менее развитой национальности белоруссов. Их наши депутаты считали политически незрелым народцем. Они хотели стобояриться от них какой-либо подачкой, заткнуть им рот какой-нибудь школкой первой ступени, откладывая в дальний ящик перспективу автономии. Кроме того, они хотели осчастливить их колонистами, которые должны были стать там рассадниками «высшей польской культуры».

Разрешения еврейского вопроса они боялись, как чорт ладона. Все депутаты-интеллигенты с Дашинским во главе ненавидели евреев. Они, правда, защищались от упреков в антисемитизме, но шила в мешке не утаишь. Время от времени, в зависимости от момента, например, во время погромов, они выступали по этому вопросу на митингах, в печати или в сейме. Дашинский вовсе не скрывал своей ненависти к евреям и даже публично подчеркнул ее, указывая на то, что евреи не заслуживают человеческого обращения со стороны поляков, раз они сохраняют свой язык, обычаи и одежду и сопротивляются полонизации. Разве можно

Бор Ефимов - 28

Польская конституция

Рис. Бор. Ефимова

после этого удивляться погромной травле эндеков? Если «социалисту» позволительно ненавидеть евреев, отчего же национал-клерикалам непозволительно их бить и убивать? Дашинский всегда стансвился на защиту «национальной чести» и не позволял «порочить» Польшу, обеляя тем самым польскую черную сотню, например, по случаю погромов в Львове, Кельцах, Пинске и т. д. в конце 1918 г. Не только Дашинский возмущенно заявлял в 1919 г. в сейме, что «Польша, к счастью, не запятнала себя еще ни одним погромом», за что был награжден бурными аплодисментами эндеков, но и Диаманд, и Либерман протестовали против обвинения Польши в погромах. Вспоминая об этом, я не могу себе простить своей прежней политической слепоты.

Как для партии во всех вопросах неизбежным авторитетом являются депутаты, так для клуба депутатов ППС авторитетом был Пилсудский. По каждому важному политическому вопросу президиум сеймового клуба обращался предварительно за советом к Пилсудскому. По его требованию пепезовцы выгораживали польскую реакцию в Западной Европе, посылая в Лондон, Париж и Рим депутатов-евреев, чтобы таким образом доказать европейскому общественному мнению, что Польша — демократическое государство, в котором евреи являются

полноправными гражданами. По его же требованию пепеэсовцы старались приспособить конституцию к его диктаторским замашкам, требуя соединения в одних руках поста главнокомандующего и власти президента. По его требованию отменялись объявленные уже забастовки, так как они могли помешать его военной политике. В 1920 г. он заставил Дашинского вступить в кабинет Витоса, угрожая в противном случае пустить себе пулю в лоб. По требованию же Пилсудского пепеэсовцы не препятствовали наступлению на Вильно и Киев.

Только когда красные войска разбили польскую армию и гнали ее из-под Киева до самой Варшавы, в клубе ЗППС поднялся переполох. Депутат Диаманд выступил против авантюристической политики Пилсудского, требуя принять все меры, чтобы заставить его заключить немедленное перемирие и начать мирные переговоры. С этой целью ЦК ППС совместно с сеймовым клубом постановил призвать польский пролетариат к всеобщей забастовке. Дашинский соглашался выпустить воззвание, но без призыва к забастовке. Он выдвинул соображение, сводившееся к тому, что ни один генеральный штаб не извещает перед битвой противника, каким способом он предполагает вести борьбу. «Возможно,—утверждал он,—что забастовки будет недостаточно. Зачем же заранее отрезать себе другие пути? Кто знает, не придется ли нам объявить генеральную битву реакции, а это уже будет революция, а не всеобщая забастовка». Поэтому он требовал, чтобы в воззвании было только указано, что партия примет все доступные ей меры, чтобы ускорить заключение перемирия.

На следующий день в «Роботнике» было помещено сообщение о том, что по вопросу о мире партия выпустит воззвание. Морачевский отправился в Бельведер за санкцией. Он вернулся, однако, оттуда с известием, что глава государства высказывается против всякой пораженческой агитации. Если ППС не пересмотрит своей точки зрения по данному вопросу, то партии придется нести ответственность за все последствия, а они будут очень печальны. «Такое воззвание,—говорил Пилсудский,—явится для солдат сигналом бросать окопы. Поэтому выбирайте: либо вы, выпуская такое воззвание, добровольно откроете городские ворота большевикам, либо начнете совместно со мною организовывать защиту».

Конечно, воззвание не появилось. Депутатский клуб и ЦК перестали говорить и писать о мире и начали готовиться к дальнейшей войне. Создавались вербовочные комитеты, и назначались уполномоченные по вербовке добровольцев для отдельных уездов. Меня назначили в качестве такого комиссара в Санокский округ. Сторонником войны я не был, «почетная» роль комиссара, вербующего пушечное мясо для буржуазной армии, мне и тогда уже не улыбалась. Я решил не подчиниться этому патриотическому приказу партии, в Санокский уезд не поехал и добровольцев не вербовал.

Набор добровольцев в Перемышле тоже не удался. Партийная организация делала в этом направлении много усилий, но ни один рабочий не пошел добровольно защищать дворянские вотчины. Недовольство рабочих позицией партии по отношению к войне все возрастало. Это выразилось в их отношении к докладам доктора Дороша в июле и августе 1920 г.

С Дорошем я познакомился, когда он был студентом медицинского факультета в Львове. Он был одним из деятелей общества социалистической молодежи «Объединения», носившего революционный характер. Дорош, безусловно, был очень способным, но чрезвычайно неустойчивым человеком. Сегодня он нападал на академическом митинге на эндеков, а на следующий день, после разговора с ними, способен был с тем же пылом выступать в их защиту. В момент возрождения Польши он снова почувствовал себя социалистом, причем надежды на революцию толкнули его на путь самого «революционного» социализма. При приближении Красной армии к Варшаве и Львову Дорош стал еще более красным, принявшись за работу с удвоенной энергией. К этому времени относится ряд его докладов, в которых он доказывал преимущества системы советов. Рабочие были в восторге от докладов, дискуссии были очень интересны и вносили большое оживление. Они и меня укрепляли в моем критическом отношении к партийной тактике. Почти каждый день новые факты показывали мне, что партия, к которой я принадлежу, не отвечает интересам рабочего класса. Я чувствовал себя в партии все более чужим. Тогда именно я страстно захотел познакомиться с коммунистической литературой. Мне опротивело пребывание в ППС, а уж прямое отвращение возбуждала во мне связь пепеэсовцев с охранкой.

С момента возникновения Польши пепеэсовцы активно участвовали сначала в организации военной, а затем и гражданской дефензивы. В варшавской, виленской и минской военной дефензиве работало много пепеэсовских деятелей. Одним из наиболее крупных руководителей дефензивы был старый пепеэсовский дружинник Славек¹.

Второй крупной фигурой был Левандовский—также известный член боевой организации. Было много еще и других. Клим—старый дружинник, шури́н депутата Арцишевского, известный в рабочих кругах под кличкой Смелого; Беднарский, который после ликвидации военной дефензивы перешел в гражданскую и там остался; Шиманский и Высоцкий, дружинники в царское время, были посланы военной дефензивой в Россию на подрывную работу (по возвращении они поспорили при дележе добычи, и Шиманский застрелил Высоцкого, после чего лишил себя жизни); Сементковский Лукаш, известный под псевдонимом Тасемка был правой рукой комиссара правительства—старого пепеэсовца

¹ Славек—теперешний лидер группы полковников и неоднократно председатель совета министров в правительстве Пилсудского.

Ануша, а потом Гожеховского, в свободное время он — член ППС, организатор пепеэсовской милиции во время демонстраций и без промаху стреляет в рабочих-коммунистов; Корфель—член ППС, был организатором дефензивы в Радоме. С ними вместе работал известный пепеэсовец Мазуркевич (псевдоним Журавский). Посланный по поручению ППС в 1919 г. в Америку за денежной помощью, сначала он проявил себя очень хорошо: польские рабочие Америки, желая выразить свой энтузиазм к ППС послали всем депутатам вечные перья, которые «товарищ» Журавский не довез до Европы; кроме того, по дороге куда-то испарилась часть собранных долларов. Ни одна партийная организация не привлекала его за это к ответственности. До последней минуты своей «героической» жизни он оставался членом ППС, агентом охраны, а в свободное от служебных и партийных обязанностей время устраивал бандитские налеты. Во время одного из таких налетов он был убит в перестрелке с полицией под Скаржиском.

Работа в охране порождала уродливые взаимоотношения между членами ППС. Депутат Добровольский как-то рассказал мне, что однажды, идя по улице со своим приятелем, офицером легионов, он заметил знакомого рабочего, идущего прямо к ним. Когда они поравнялись, рабочий протянул руку, а затем хотел поздороваться с офицером. Но вдруг случилось нечто совершенно неожиданное: офицер с отвращением оттолкнул его руку, плюнул ему в лицо и крикнул: «Пошел вон, шпион». Добровольский спросил у офицера: «Что это значит?». Тот ответил: «Как, вы не знаете, что этот каналья работает в качестве шпиона в дефензиве? И я буду подавать такому мерзавцу руку? Шпион необходим, как ночной горшок, однако, эту посуду на стол никто не ставит. Точно так же и ни один порядочный человек не здоровается с шпионом». Депутат Добровольский извинился перед офицером, оставил его на минуту, побежал за рабочим и спросил его, правда ли, что он служит в дефензиве. У рабочего выступили на глазах слезы, и он ответил: «А вы будто не знаете? Сделали из меня раньше шпиона, а теперь презираете меня. Разве я по собственной воле вступил в дефензиву? Ведь вы должны знать, что я стал шпионом по приказу ЦК, а теперь вы плюете мне за это в лицо. Разве мне это было нужно, разве я не мог спокойно работать на фабрике? Ведь я для вас и за вас пошел в дефензиву». Он зарыдал и ушел.

В период киевского наступления и в период правительства национальной обороны Витоса—Дашинского ППС больше всех других партий занялась делом защиты государства от «внутреннего» врага. Чтобы выполнить как следует эту патриотическую обязанность, ЦК ППС посылал в дефензиву наиболее надежных товарищей. Аресты усилились больше чем когда бы то ни было, каждого рабочего деятеля, не носившего почетного звания члена ППС или НПР (нац. раб. партии), арестовывали и посылали в концентрационный лагерь. После заключения перемирия на фронте ППС вместе

с сеймовым клубом решила рассмотреть вопрос: должны ли пепеэсовцы, посланные на работу в дефензиву, оставаться там или их следует отозвать с этого патриотического поста? Против отозвания пепеэсовцев из охраны выступили Малиновский (Войтек), Морачевский, Арцишевский и б. политкаторжанин Пужак. Все они стояли на той точке зрения, что партия не может оставить этого поста, что всюду надо иметь своих людей, тем более, что из этого можно извлекать определенные выгоды. «Доводы, что партийные товарищи разлагаются в дефензиве, несправедливы,—уверял Пужак,—так как ЦК посылает туда старых, испытанных, надежных товарищей, отдающих себе отчет в серьезности своих обязанностей. Их цель—охрана партии и профессиональных союзов от разрушительной работы коммунистов. Если вы отзовете товарищей из охраны, то знайте,—говорил Пужак,—что если во время ареста коммунистов заберут по ошибке и наших, то я не стану бегать в дефензиву для их освобождения, просто потому, что мне некогда. В настоящее время в таких случаях достаточно моего телефонного звонка из клуба—и все моментально улаживается». В конце концов ЦК ППС постановил, чтобы члены партии оставались на работе в охране.

До этого заседания у меня еще были сомнения насчет тесного сотрудничества ППС с дефензивой. Я правда, не раз слышал, как Войтек звонил во второе отделение политической полиции, видел, как к нему в сейм приходили жандармские офицеры, с которыми он совещался, но не обращал на это особого внимания. Постепенно я уяснил себе все это. У меня открылись глаза, и я начал более критически смотреть на все эти проделки ППС. Но мои протесты в самом клубе кончались только пустыми разговорами. Я не мог даже мечтать, что смогу убедить Морачевского, Дашинского или Войтека в том, что сотрудничество с дефензивой преступно.

Я еще больше убедился в этом, когда несколько дней спустя мне пришлось ехать вместе с депутатом Дрешером. Разговор зашел о войне. Дрешер спросил меня, почему я не был на фронте. Это вопрос я принял как пощечину. Как, значит, я—социалист, должен защищать буржуазное отечество, должен рисковать своей жизнью в защиту помещиков, капиталистов, банкиров и т. п.? Дрешер дал волю своему пламенному темпераменту и начал доказывать мне, что я, воспитанный в Австрии, не могу осознать того национального гнета, который пришлось испытать полякам, и поэтому не умею оценить благ, вытекающих из демократических свобод нового государства.

Его слова мне напомнили воззвание центральной комиссии профессиональных союзов от февраля 1920 г., в котором констатировалось, что польская война против Советского Союза ведется в интересах международного капитала, что народу она приносит смерть, голод, болезни и дороговизну, что она усиливает реакцию внутри страны. Когда я напомнил Дрешеру содержание этого возвания, он возмутился и заявил, что «надо быть наивным,

чтобы принимать всерьез «агитационные фразы». Так может воспринимать только рабочий, но нам, депутатам, так рассуждать нельзя. Мы не можем допустить, чтобы массы толкнули нас на путь узко понятых классовых интересов, ибо тогда мы перестали бы быть государственно-созидательной партией».

После этих двурушнических рассуждений, он вернулся к излюбленной теме о войне. Он рассказывал мне о блестящих атаках польских войск, о форсированных маршах, о кратковременных останковках среди неподвижной ночной тишины, прерываемой на короткое время треском пулеметов, об огненном крещении, через которое должен пройти каждый социалист. И дальше он рассказывал с невозмутимым спокойствием о своих героических подвигах на «фронте». Он служил в качестве юнкера во втором отделении полевой жандармерии. Однажды к нему привели шесть батраков, оборванных и избитых. Старший солдат доложил: «Батраки сочувствуют большевикам». Дрешер неоднократно уже имел случай убеждаться в симпатии батраков к большевикам. Поэтому он, не производя никакого допроса, поручил солдатам увести их так, чтобы он их больше не видел. Солдаты поняли, что это значит, и «увели» батраков куда следовало.

Рабочие не теряли еще надежды на то, что конгресс ППС даст значительное количество делегатов оппозиций, что внесет большие сдвиги в жизнь партии. В Варшаве, Радоме, Лодзи, Домбровском бассейне, Стрые, Бориславле, Дрогосбыче, Перемышле, Ярославле и т. д. рабочие начали уже осенью 1920 г. готовиться к созданию сильной оппозиции, чтобы иметь возможность выступить в 1921 г. на конгрессе ППС с резкой критикой партийной тактики. Их вдохновляла глубокая вера в то, что им удастся напомнить партии программу 1919 г.

Пепезовцы, чувствуя опасность, решились уничтожить гидру оппозиции в зародыше. ЦК разослал во все партийные округа циркуляр, в котором предписывал очистить партийные ряды от оппозиционных элементов. Партийный аппарат начал действовать. В целом ряде местностей из партии были исключены лучшие социалисты. Однако целиком задуть оппозицию вожди ППС не смогли. Уже в 1919 г. сильная группа рабочих в Варшаве и Домбровском бассейне, выступила из ППС и создала отдельную организацию под названием «ППС-ская оппозиция». Спустя год оппозиция вошла в состав коммунистической партии Польши.

В 1920 г. возникала новая пролетарская оппозиция с генеральным секретарем ППС г. Сохацким, организовавшая группу членов ППС-левицы.

III. УХОД ИЗ ППС.—МОЕ ВСТУПЛЕНИЕ В КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ.—БОЙКОТ В СЕЙМЕ.—ВЫДАЧА ТОВА. ДОМБАЛЯ И ЕГО АРЕСТ.—В БОРЬБЕ С ППС.

Если я не ошибаюсь, 9 мая состоялось в Перемышле заседание партийного комитета.

Доктор Дорош выступил по поручению партии, обвиняя многих перемышльских товарищей в том, что они ведут вредную пропаганду внутри партии, дискредитируют наиболее видных партийцев, облегчают коммунистам пропаганду в наших рядах. Он выдвинул единственное средство борьбы с этим явлением: товарищей, заподозренных в сочувствии коммунистам, немедленно исключать из рядов партии без указания мотивов.

Я считал своим долгом выступить против двурушнической политики Дороша. Я напомнил ему доклады, которые он читал прошлым летом, возбуждая энтузиазм рабочих. Напомнил ему, что еще в феврале и марте он мне рассказывал, что занялся переводом брошюр Ленина и других выдающихся вождей российского пролетариата. Помимо этого, Дорош проектировал организацию чайной при рабочих союзах, которая явилась бы базой для распространения коммунистических изданий. Он приглашал и меня помогать ему в этой работе. Я, однако, стоял на той точке зрения, что не сделаю этого до тех пор, пока состою в ППС. Если же в партии ничего не изменится, то я уйду из нее. Дальше я спросил Дороша, для какой цели он все это делал? Чего он хотел этим достигнуть, и знает ли он, как называется такое поведение? Говоря пролетарским языком, этого иначе, как провокацией, назвать нельзя.

Низость Дороша переполнила чашу моего терпения: я потерял остаток иллюзий о возможности исправления линии партии. Я тут же заявил о своем выходе из партии, мотивируя свой шаг тем, что ППС сошла с пути классовой борьбы и нет надежды, чтобы она когда-либо на него вернулась. Доказательством этого является применение провокации в борьбе со всякой рабочей оппозицией. После этого заявления я оставил собрание.

Вместе со мной в Перемышле ушло из ППС много активных товарищей, что, в свою очередь, послужило сигналом к дальнейшему бегству из партии. Начали уходить уже не отдельные рабочие, а целые группы. В течение очень короткого времени пепезовцы потеряли значительную часть своей политической организации, а также и влияние в нескольких профессиональных союзах: металлистов, деревообделочников, швейников, кожевников и пищевиков. Рабочие на всех собраниях принимали резолюции, в которых заявляли, что они покидают ППС в результате ее антирабочей политики.

11 мая 1921 г. я послал письмо в ЦК ППС и ЗППС, излагавшее мотивы моего ухода; в последнем абзаце я писал:

«Я ошибался. Мне казалось, что среди вождей партии должно наступить отрезвление, как только они увидят, что пролетариат относится недоверчиво к тактике, проводимой ППС до настоящего времени. Случилось иначе. Циркуляр ЦК призвал «очистить» партию от «ненадежных элементов». Кто подразумевается под ненадежным элементом? Те ли, кто состоит членом партии, не будучи социалистом? Или, быть может, те члены партии, которые работают в дефензиве? От них ли будут очищать партию?»

Нет, очистить партию предписано от искренних, преданных делу социалистов только потому, что они не разделяют соглашательской тактики вождей партии. Поэтому центральный комитет партии, опасаясь критики оппозиции на конгрессе, решил избавиться заблаговременно от неблагонадежных товарищей для того, чтобы никто не нарушал его безмятежного покоя. Это было признано единственным способом достичь единодушия. Принесет ли это пользу — посмотрим».

Пепезовцы начали вести против меня бешеную травлю в печати и на собраниях, они вешали на меня собак, где это было только возможно, награждая меня самыми грубыми кличками.

Я начал устраивать в разных промышленных местностях митинги, на которых разоблачал предательскую работу пепезовских вождей.

В июне 1921 г. во время прений в сейме по закону об амнистии, я объявил себя коммунистом. Во время моего выступления пепезовские депутаты собрались вокруг трибуны, не

давали мне говорить и ругали меня последними словами. Не один хулиган с Праги мог бы позавидовать богатству их словаря. Они хотели сбить меня таким образом с толку, прервать моей мысли и выставить меня в смешном виде. Понятно, это очень мешало мне говорить, но пришлось сосредоточиться, пропускать пепезовскую ругань мимо ушей и говорить то, что мне диктовали разум и совесть. Стесняемый в смысле времени председателем, прерываемый криками пепезовцев, я пробирался через все эти трудности, как через колючую изгородь. Мое положение в сейме было очень тяжело. Я был одинок. Пепезовцы объявили мне бойкот, другие депутаты относились ко мне также с ненавистью и на каждом шагу отравляли мне жизнь.

Председатель сейма обращал усиленное внимание на мои предложения и запросы. Он часто вызывал к себе депутатов и спрашивал, их ли это собственноручные подписи? Это было так же одним из способов оказывания морального давления на депутатов. Он давал им косвенным путем понять, что они не должны

Рис. Н. Елисеева

31

давать своих подписей на коммунистических запросах. Когда, однако, и это моральное давление не приводило к желаемым результатам, председатель сейма придумал другой способ, а именно: он просто не давал ходу моим запросам, мотивируя это тем, что они носят антигосударственный характер. Мне приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не сдаться и не уйти из сейма—потому что, признаюсь чистосердечно, не раз такие мысли обуревали меня. Однако я сказал себе, что не отступлю ни перед какими издевательствами. Я продержусь до конца и не выпущу из рук красного знамени, как бы Дашинские и Морачевские ни старались вырвать его у меня.

В июле в сейм вернулся после болезни товарищ Домбаль. Тогда мы образовали коммунистическую сеймовую фракцию. С тех пор мы были в сейме вдвоем. Во время бюджетных прений Дашинский, отвечая эндемкам на их опасения по поводу роста коммунистического влияния, сказал, что бояться нечего, что коммунистическое движение в Польше не лучше коммунистического представительства в сейме. В этом презрении, несмотря ни на что, чувствовался страх.

Дашинский мог издеваться над нами в сейме, но он хорошо знал, что наличие двух коммунистических депутатов в сейме найдет широкий отклик на заводах, в шахтах и в по-

мещичьих экономиях. Он знал, что мы выполняем, несмотря ни на что, самую трудную, черную работу в стране, что после нас придут более способные товарищи, которым мы очистим хотя бы немного дорогу от бревен, затрудняющих проход.

Как рабочий я защищал интересы рабочего класса по мере сил. Я предпочитал считаться в глазах Дашинского плохим защитником хорошего дела, нежели пользоваться в его рядах репутацией хорошего защитника плохого дела. Мы твердо стояли на классовых позициях, и за это нас ненавидели польские «социалисты», а вместе с ними и весь сейм. Поэтому они и решили избавиться от нас, прежде всего от т. Домбаля, которого они считали более опасным, принимая во внимание его связь с деревней. Бурный темперамент т. Домбаля не позволял ему бездействовать, он переезжал с одного митинга на другой. Рабочие и крестьяне принимали его с энтузиазмом, а прокуратура посылала в сейм одно требование за другим об его выдаче. Несмотря на быстроту, с какой сейм согласился выдать Домбаля, варшавская прокуратура находила процедуру слишком медленной и, не дожидаясь формальной выдачи Домбаля, еще за два дня до постановления сейма об его выдаче, отдала приказ об его аресте. Дефензива тотчас же послала на квартиру Домбаля полицейского и шпика, которые днем и ночью ждали его прибытия. Он в это время находился в своем избирательном округе. Жену т. Домбаля подвергли домашнему аресту и не позволяли ей выйти одной даже в магазины для покупки съестных припасов. Каждый раз ее сопровождал шпик и не позволял ей ни с кем вступать в разговоры.

На следующий день после выдачи т. Домбаля я зашел в его квартиру. Едва я только переступил порог, ко мне подошел шпик и потребовал от меня удостоверение личности. Не обращая на него никакого внимания, я обратился к жене Домбаля с вопросом: «Что все это значит?»—и узнал от нее, что полиция сидит здесь уже четвертые сутки. Тогда я резко спросил шпика, на каком основании он остается на частной квартире несколько дней сряду? Ответ был простой: он выполняет распоряжение высших властей. Узнав затем, кто я такой, он выбежал, чтобы донести обо мне своему начальству. Полицейскому он поручил не выпускать меня из виду до его возвращения. Через некоторое время он вернулся, запыхавшись, и объявил мне, что я свободен. Против этой наглости дефензивы я обратился с запросом в сейме к министру внутренних дел и министру юстиции. Конечно, это не помогло.

На следующий день Домбаль был арестован у себя на квартире и отправлен в тюрьму в Павиак. Теперь я снова остался в сейме один. Мне приходилось очень тяжело, ненависть ко мне еще усилилась, так что заседания сейма стали для меня настоящим мучением. Сколько раз я ни просил слова, председатель сейма оттягивал предоставление мне его, чтобы в конце концов поставить на голосование предложение о прекращении прений и лишить меня таким образом слова. Это повторялось постоянно.

На трибуне сейма

Рис. Бор. Ефимова

Каждый раз, когда при обсуждении какого-либо вопроса, я не получал слова, я предавался иллюзии, что в следующий раз я все же получу его, и опять готовил нужный мне материал. Но когда обсуждался опять новый вопрос и мое имя вновь вносилось в список ораторов, повторялась та же самая история. Не теряя присутствия духа, я терпеливо ждал. Я ни на минуту не выходил из зала сейма, так как опыт показал мне, что председатель готов «предоставить» мне слово, как только он заметит мое отсутствие. Я принимал поэтому все меры предосторожности, чтобы не облегчать работы председателю. Если мне иногда и предоставлялось слово, то только на пять минут, что было явным издевательством. В течение пяти минут я мог в лучшем случае обругать высокий сейм. Трудно было в течение такого короткого времени высказать свое отношение к данному правительственному предложению. Я хотел бы видеть депутата Дашинского, если бы ему пришлось жить и действовать в таких условиях. Нетрудно хорошо говорить, когда ты уверен, что тебя слушают. Во Блоцлавске на митинге Дашинский при всем своем ораторском таланте потерял дар слова, когда простые рабочие приперли его к стене, требуя от него объяснения предательств, которые постоянно совершает ППС. Дашинский запутался, как мальчишка, и в конце концов сбежал к удовольствию рабочих.

Если в сейме моя работа была очень скромна, то в промышленных центрах я развивал энергичную деятельность. На митингах в разных городах Польши и фабричных поселках я говорил о деятельности разных сеймовых партий и указывал на их пагубную для рабочего класса и крестьянства политику. Пепезовские вожди и на рабочих митингах были менее отважны, чем в сейме. С глазу на глаз с рабочими они лгали, путались, всячески объясняя свои предательские поступки. На одном из моих митингов в Домброве Станчик нагло отрицал, что депутаты ППС голосовали в сейме за налоги с голодной зарплаты рабочих. И только когда я прочел выписку из стенографического отчета заседания сейма, из которого было видно, что Даманд хвастал перед рабочими тем, что ППС убеждала рабочих платить безропотно налог со своего заработка, только тогда Станчик потерял самоуверенность. Насколько пепезовцы проявляли смелость в сейме, где они чувствовали опору в буржуазии, настолько я был уверен в своих силах на митингах, где меня всегда поддерживали рабочие. Единственной моей заботой было не только приобрести их доверие, но и закрепить его. Конечно, дело было не в моей личности, а в идее, которую я представлял,—в коммунистической партии Польши, руководительнице пролетариата в его революционных боях.

Содержание

№ 5 ЖУРНАЛА „БОРЬБА КЛАССОВ“

Ем. Ярославский—Ленин и война. Письмо Ромен Роллана. К. Радек—Версальская система. П. Лапинский—Франция и Америка. Переписка Милюкова и Терещенко с послами Времен. правительства (документы). Ф. Нотович—Французские „социалисты“ и царизм. Из мемуаров Шейдемана. Ф. Энгельс—Неопубликованное письмо. Ф. Энгельс—Предисловие к книге Боркгейма „Deutsche Mordspatrioten“, и др.

Н. ЛУКИН

КАК СОЦИАЛ-ФАШИСТЫ ПИШУТ ИСТОРИЮ

Хорошо известно, что современная социал-демократия, превратившаяся теперь в социал-фашистскую партию, давно порвала с теорией и практикой революционного марксизма.

После того как социал-демократия помогала буржуазии подавлять пролетарские восстания (Носке в Германии), изменнически предала ставший у власти пролетариат (Венгрия), становилась на сторону империалистов против восставших колониальных рабов, сорвала всеобщую стачку английского пролетариата, она употребила все свои усилия, чтобы облегчить буржуазии ликвидацию политических и экономических завоеваний рабочего класса в первый период пролетарских революций. В области внешней политики эта «броненосная» партия наступает единым фронтом со всеми буржуазными партиями, голосуя за увеличение кредитов на вооружения, подготавливая новую мировую войну и вооруженную интервенцию против СССР.

Полному разрыву с практикой революционного марксизма соответствует не менее полный разрыв социал-демократии с марксистской теорией: «через ревизионистский этап», она пришла «к законченному либерально-буржуазному реформаторству и откровенному социал-империализму» (программа Коминтерна).

Ее теоретики (Каутский, Гильфердинг и др.) подменили марксово учение о противоречиях капитализма теорией «организованного капитализма»: вместо клас-

совой борьбы они проповедуют на словах классовый мир, на деле помогая буржуазии бороться против пролетариата; вместо разрушения буржуазного государства — активное участие в фашизации государства; вместо диктатуры пролетариата — буржуазная демократия, а сейчас «теория меньшего зла», прикрывающая переход к открытой буржуазной диктатуре; вместо международной пролетарской солидарности — защита империалистического отечества. Еще на герлицком съезде (1921 г.) германская социал-демократия откровенно отреклась от классового пролетарского знамени, объявив себя просто партией «трудового народа города и деревни». Однако, разрывая целиком и полностью с теорией и практикой марксизма, на деле современные социал-шовинисты пытаются иногда рядиться в марксистские одежды. Делается это для того, чтобы своей откровенно буржуазной наготой не отпугнуть от себя окончательно те рабочие массы, которые до сих пор еще идут за социал-демократией и среди которых авторитет Маркса и Энгельса чрезвычайно высок. В наши дни, когда в условиях «назревания предпосылок революционного кризиса» эти социал-демократические рабочие все более и более прозревают, когда начинается массовый уход их из социал-фашистских рядов в компартию, эта маскировка становится иногда особенно необходимой. Социал-фашистские теоре-

тики тщательно стараются убедить уходящие от них массы, что вся проводимая ими политика основана на заветах Маркса—Энгельса, что только социал-демократия, и отнюдь не компартия, является истинной хранительницей подлинно марксистских традиций. С этой целью гг. Каутские, Кампфмайеры и им подобные совершают время от времени экскурсии в область истории. С образчиками этих прогулок социал-фашистов по полям истории мы и хотим познакомить наших читателей.

СОЦИАЛ ФАШИСТЫ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Было время, когда оппортунисты II интернационала не вспоминали о первой пролетарской революции и считали ниже своего достоинства изучать ее опыт. Известно изречение махрового оппортуниста Фольмара на штутгартском съезде германской социал-демократии (1898 г.): «Самое лучшее, что могли сделать 18 марта разбухшие борьбой за пушки парижские рабочие, это пойти спать». Современные социал-демократические публицисты и сами признают, что «в Германии традиция 18 января¹ съела традицию 18 марта»².

Со времени русской Октябрьской революции социал-шовинисты проявляют к Коммуне гораздо больший интерес. Начиная с известной брошюры Каутского («Терроризм и коммунизм»), социал-демократические теоретики и публицисты тщетно стараются, путем извращения фактов, прикрыться авторитетом Коммуны в своей бешеной борьбе с большевиками и Коммунистическим Интернационалом.

Вспомнили о Коммуне и современные социал-фашисты в связи с исполнившимся в этом году ее 60-летним юбилеем. Известно, как высоко ценил опыт Коммуны В. И. Ленин, видя в ней «первый всемирно-исторический шаг, или этап, в развитии диктатуры пролетариата». Социал-фашисты, наоборот, прилагают все усилия, чтобы вытравить революционные традиции из современ-

ного рабочего движения. С этой целью развенчание Парижской Коммуны, как первой пролетарской революции, представляется им особенно необходимым.

«Была ли Коммуна диктатурой пролетариата, как ее еще и теперь представляет себе московский комсомол». «Была ли она социалистической революцией и подготовительной школой того переворота, к которому стремимся и мы?», спрашивает Герман Вендель в своей статье в с.-д. газете «Der Abend» («Вечер»), посвященной 60-летию «кровавой недели»¹. Ссылаясь на авторитет французского судейского чиновника Ларонза, недавно писавшего об административном аппарате Коммуны, наш автор утверждает, что Коммуна «не сделала ничего социалистического, ни даже революционного». Ее якобинско-бланкистское большинство могло додуматься только до возврата к мелкобуржуазному робеспьеровскому уравнительному лозунгу: «Пусть не будет более ни слишком богатых, ни слишком бедных», лозунгу, который находим в воззвании Коммуны «К трудящимся деревни». Ее социалистическое меньшинство жило скорее традициями Прудона, чем идеями Маркса.

Все, что сделало это «меньшинство» через Коммуну для рабочего класса, не идет дальше защиты их профессиональных интересов и не имеет никакого отношения к социализму. Коммуна была не социалистической революцией, а «бланкистским путчем». С этой точки зрения она гораздо ближе к французской революции 1793 г., чем к нашей эпохе. Недаром Энгельс считал Бланки «революционером прежнего поколения и Коммуну—революцией старого типа, революцией вымерших поколений»², революцией, превзойденной, у которой нечему учиться современному пролетариату, на которую идеи Бакунина повлияли бесконечно больше, чем идеи Маркса.

Разберем эти социал-фашистские утверждения. Во-первых, манифест «К трудящимся деревни» принадлежал перу известной социалистки бакунинского

¹ 18 января 1871 г. в Версале прусский король был провозглашен германским императором.

² J e n s e n, «Was lehrt uns die Kommune?» («Der Klassenkampf», 1931, № 6. Иенсен, «Чему учит нас Коммуна», журнал «Классовая борьба»).

¹ «Abend», 18/V-1931.

² «Kommune und Kommunisten» («Der Abend», 18/V—1931).

толка (Андре Лео); зачислять этот документ в якобинскую литературу можно, лишь спекулируя на неосведомленности читателя.

Выхваченная из манифеста фраза, конечно, уступка мелкобуржуазным настроениям французского крестьянства. Но почему Вендель умолчал о другом лозунге, который имеется в том же документе: «Наша цель: земля — крестьянам, орудия труда — рабочим, работа — всем». А этот лозунг звучит уже далеко не «по-робеспьеровски».

Вендель считает, что декрет о передаче рабочим артелям брошенных хозяевами мастерских не исполнялся. Это фактически неверно. В действительности конфискация имущества предприятий бежавших из Парижа буржуа происходила снизу, по инициативе самих рабочих, прежде чем назначенная Коммуной комиссия успела приступить к делу¹. В газете «Коммуна» еще 24 апреля сообщалось, что Коммуна накладывает секвестр на неработающие мастерские.

С другой стороны, наш социал-фашистский историк почему-то не упоминает о поощрении Коммуной производственных рабочих коллективов путем сдачи им казенных заводов, о введении Коммуной контроля над железными дорогами, о зародышах рабочего контроля, введенного в оружейных мастерских, о классовом характере декрета о возврате заложенных вещей малосостоятельным гражданам и т. п. Герман Вендель совершенно не затрагивает вопрос о «государстве типа Парижской Коммуны», между тем Маркс и Ленин здесь видели важнейшую часть деятельности Коммуны, больше всего свидетельствующую о ее пролетарском характере.

Наконец, нельзя решать вопрос о социалистическом характере революции 1871 г. одним разбором декретов Коммуны. Социал-фашисты игнорируют революционное движение самого парижского пролетариата, а между тем настроение парижских рабочих, постановления рабочих клубов и других рабочих организаций, статьи в социалистической прессе, практика низовой администрации Коммуны, состоявшей в значительной части

из простых рабочих, не оставляет никаких сомнений именно в социалистическом характере революции. В тенденции, независимо от сознания своих руководителей, Коммуна была первым, хотя и несовершенным, опытом социалистической диктатуры пролетариата.

Не решается вопрос о социализме Коммуны и простой ссылкой на то, что большинство членов Коммуны не было социалистическим, а ее социалистическое меньшинство еще не изжило прудонистских идей. Еще Энгельс (предисловие к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции») писал: «Еще более поразительно то обстоятельство, что Коммуна, состоявшая из бланкистов и прудонистов, часто поступала, несмотря на это, совершенно правильно: и те, и другие делали — по иронии истории — как раз противоположное тому, что им предписывала их школьная доктрина. Но это «поразительное обстоятельство» было бы необъяснимо, если бы мы не учли того несомненного факта, что уже в силу своего классового инстинкта революционный парижский пролетариат управлял мелкобуржуазную линию якобинско-бланкистского большинства Коммуны.

В известном письме к Кугельману (от 12 апреля 1871 г.) Маркс говорит, что рабочий класс должен «сломать государственную машину», а не просто взять ее после победы революции в свои руки.

Некто Иенсен, подвизающийся на страницах «левого» социал-фашистского журнала «Классовая борьба»¹, берет только последнюю часть этого положения Маркса и добавляет его своей социал-демократической отсебятиной: «Важнейший урок, — пишет он, — который извлекли Маркс и Энгельс из опыта Коммуны и который имеет для нас и сейчас актуальное значение, заключается в том, что рабочий класс не может просто перенять себе государство, как организацию господства. Он должен приспособиться к условиям этого нового классового господства. Это достигается созданием демократии, что нами и достигнуто» (!). Так мнимые «левые» бесцеремонно фальсифицируют Маркса,

¹ Maxime Du-Camp, «Les convulsions de Paris», IV, 123.

¹ См. ст. Иенсена.

если нужно доказать, что путь к социализму лежит не через диктатуру пролетариата, а через демократию Брюнинга.

Социал-фашистские историки готовы признать, что современный коммунизм является наследником «путчистской» Коммуны, поскольку и она применяла к врагам пролетариата насильственные меры (применяла далеко недостаточно, на что указывали Маркс, Энгельс и Ленин, — добавим от себя).

Но, — поучают социал-фашисты рабочих, — эти-то насильственные меры и погубили Коммуну. Они вызвали террор версальцев, массовые расстрелы и высылки пленных коммунаров, отбросили все рабочее движение во Франции сразу на десять лет назад. Чему же тут учиться современному пролетариату? И еще счастье Коммуны, что она погибла так скоро, не успев натворить еще худших насилий, чем расстрел заложников или сожжение общественных зданий¹. До таких пошлостей не договаривались в свое время даже Бернштейн и Фольмар!

Еще один урок предлагают извлечь рабочим из опыта Коммуны социал-фашистские историки: пролетариату совершенно не нужно иметь оружие и уметь владеть им.

Правда, даже историки на службе Цергибеля не могут отрицать, что парижский пролетариат победил 18 марта именно потому, что в его руках были ружья и пушки. Правда, Маркс писал когда-то, что уже то обстоятельство, что французские рабочие научились владеть оружием «является лучшей гарантией будущего». Но Маркс, — разъясняют с.-д., — был здесь жертвой самообмана: ведь с тех пор французский рабочий класс ни разу не взялся для своего освобождения за ружье².

Социал-фашистская историография усердно приспособляется к нуждам практической политики с.-д. полицей-президентов. Пролетариат должен спокойно

предоставить буржуазии ружья и пулеметы, необходимые для его собственного подавления, он должен оставаться безоружным, чтобы в момент революции фашистские банды «Стального шлема» или руководимые социал-демократами отряды полиции и рейхсвера могли бы его беспощадно расстреливать. Вспомним, что в 1918-19 гг. этот отказ стоявших тогда у власти социал-демократов от вооружения рабочих имел решающее значение и облегчил удушение начинавшейся пролетарской революции.

«Особенно опасно мечтать о вооружении пролетариата теперь, когда военная техника достигла такой высоты, что всякая уличная борьба обречена на поражение — твердят рабочим социал-фашисты. — К тому же после мировой войны, которая разоружила военные монархии и сделала возможным введение формальной демократии, пролетариат не нуждается для завоевания государственной власти в силе оружия»¹.

Этот выход, исходящий от «левого» с.-д., поистине, великолепен. Пусть свободно создаются фашистские банды, пусть вооруженная по последнему слову техники полиция расстреливает рабочих по приказу социал-фашистских Цергибелей — рабочий не смеет и думать об оружии. Зачем ему какой-то Союз красных фронтовиков? Не имея оружия, пролетариат тем безропотнее будет сносить все нажимы предпринимателей, все издевательства, все драконовские полицейские меры, все новые тяготы, которые буржуазия взваливает на его плечи. Можно сказать одно: используя таким образом опыт Коммуны, социал-фашисты всех оттенков оказывают неоценимую услугу своей буржуазии.

«Угнетенный класс, — писал Ленин, — который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами»².

Статьи, посвященные 60-летию юбилею Коммуны в венском «Der Kampf» и берлинском «Der Klassenkampf», настойчиво подчеркивают, что Коммуна дала классический тип революции, вышедшей из военного поражения. «Преж-

¹ См. ст. Венделя в «Der Abend», 18/V—1931.

² Эта цитата взята из письма Маркса к Кугельману от 13 декабря 1870 г.: в целом оно гласит: «Но как бы ни кончилась война, она обучила французский пролетариат владеть оружием, это является лучшей гарантией будущего». Таким образом, Маркс писал эти строки во время осады Парижа пруссаками, следовательно до Коммуны. День 18 марта показал, что надежды Маркса оправдались. Причем же здесь «самообман» Маркса? Социал-фашистский публицист просто рассчитывает на слабую осведомленность своих читателей и бесцеремонно жонглирует цитатами из Маркса.

¹ «Der Klassenkampf», 1931 г., № 6, стр. 181.

² Ленин, собр. соч., X, стр. 315.

де всего Коммуна являет нам пример послевоенной революции,—пишет Иенсен, — она демонстрирует слабые стороны, типичные для движения, успех которого определился больше упадком пролетариата». Поражение под Седаном повело к падению империи Наполеона III, война заставила буржуазию вооружить пролетариат, но она же разрушила организации пролетариата; война повела к разложению государственного аппарата буржуазной республики и тем самым «открыла шлюзы» Коммуне. Последняя восторжествовала так легко только потому, что явилась «продуктом» разрушения государственного и военного аппарата, символом «всеобщего развала».

Но этот «развал», этот «хаос» унаследовала и сама Коммуна: отсюда слабость ее собственного государственного и военного аппарата, предрешившая ее конечное поражение. Но если бы даже, следуя советам Маркса, Коммуна повела немедленное наступление на Версаль, если бы даже это наступление увенчалось успехом, — победа революционного Парижа над версальской «деревенщиной» не означала бы прочного торжества революции, ибо судьба Коммуны была в руках стоявших под Парижем победоносных немецких войск, а Бисмарк не потерпел бы победы социальной революции¹.

Во всех этих рассуждениях верно лишь одно: военное поражение ведет к разложению армии и всего государственного механизма, дезорганизует господствующие классы, увеличивает шансы революции и облегчает захват власти пролетариатом. Но война и военное поражение развязывают гигантскую, до толе спавшую силу и творческую энергию масс. Как раз опыт Коммуны показал, что несмотря на ослабление политических и профессиональных организаций пролетариата ему удалось не только получить оружие, но и создать массовую организацию (типа совета солдатских депутатов), в виде Центрального комитета национальной гвардии,

¹ Der «Klassenkampf», 1931, S. 180 и 181.—«Der Kampf», 1931, кн. 3, стр. 132 и 133, Zoltan Ronai, «Die Kommune und die Revolutionen unserer Zeit» (Зольтан Ронаи, «Коммуна и революции нашего времени»).

без которой не было бы и победы 18 марта, не было бы и Коммуны. Если Коммуна не сумела превратить свою «красную гвардию» в «победоносную красную армию», то это в значительной степени зависело от краткости существования Коммуны, но совершенно не говорит против самой возможности создать такую на развалине старой, разложившейся армии. Пример Советской России в этом отношении достаточно убедителен.

Но вся эта социал-фашистская концепция, несомненно, имеет в виду совершенно определенные политические и партийные цели. Она должна доказать на примере Коммуны, что из проигранной войны не может вырасти победоносной пролетарской революции. Напомним, что Каутский уже давно создал теорию, согласно которой германский пролетариат не должен был брать власть в свои руки в 1918-19 гг., в обстановке разрухи и обнищания страны, падения производительных сил, ибо в таких условиях можно-де построить лишь «социализм нищеты». Она должна оправдать поведение социал-демократии в 1918 г.: нужно было пойти на созыв учредилки и затормозить начинавшуюся пролетарскую революцию, так как все равно победоносная Антанта не допустила бы торжества социальной революции в Германии.

В 1914 г. социал-демократы сделали все, чтобы помочь своему правительству, своей буржуазии одурачить рабочие массы и бросить их на поля сражения; они помогали затем своим империалистам затягивать войну, вместо того, чтобы бороться за ее скорейшую ликвидацию и превращение войны империалистической в войну гражданскую. Они способствовали истреблению миллионов способных к труду пролетариев и довели Германию и Австрию до полного истощения и обнищания. Теперь же эти предатели дела социализма искажают подлинные уроки истории, предостерегают пролетариат от захвата власти именно в тот момент, когда в результате войны и развала правительственного аппарата, возникает наиболее благоприятная ситуация для победы пролетарской революции.

По поводу попытки социал-фашистских историков доказать вопреки историческому опыту, что из войны, нищеты и голода не может выйти пролетарской революции, мы приведем только одну цитату из Маркса. В феврале 1854 г. Маркс писал в «Нью-Йоркской трибуне»: «Мы не должны забывать, что в Европе существует еще шестая держава, которая в определенный момент утвердит свое господство над всеми пятью так называемыми «великими державами» и заставит дрожать перед собой каждую из них. Э т а д е р ж а в а — р е в о л ю ц и я. После того как она была долгое время скрыта в тиши, теперь она снова зовется на боевое место кризисом и голодом. Нужен лишь сигнал, чтобы шестая и могущественнейшая держава выступила в своем блестящем вооружении, с мечом в руке... Этот сигнал подаст грозящая европейская война».

Итак, война может развязать социальную революцию, хотя таковая может возникнуть и без войны, например, в обстановке жестокого экономического кризиса, подобного тому, какой переживает капиталистический мир в наши дни.

Экскурсия социал-шовинистов в историю Коммуны еще раз подтверждает положение, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое», что, анализируя это прошлое, идеологи различных партий стараются найти в этом прошлом разрешение актуальных задач современности, найти оправдание тактики своей партии. Назревающие предпосылки революционного кризиса в капиталистических странах, явные успехи компартии (особенно в Германии), в частности за счет уходящих из рядов социал-демократов рабочих; угроза фашистского переворота в ряде стран (и в первую голову в той же Германии) — все это заставляет социал-фашистов пускаться в ход все средства, чтобы затормозить нарастающую пролетарскую революцию, скомпрометировать компартию, сбить с толку рабочие массы.

Для этой высокой цели все средства хороши, — в том числе и фальсификация истории.

Примеры этой фальсификации мы еще покажем нашим читателям.

**ИСТОРИЯ ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ НЕ ДЛЯ ЗАТЕМНЕНИЯ,
А ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ
ПОЛИТИКИ. В ЭТОМ ЕЕ СМЫСЛ, В ЭТОМ ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ МАРКСИСТА. ИСТОРИЯ—ЭТО ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ
ГЛАВА К ПОЛИТИКЕ.**

Вступление в Сент-Антуанское предместье

С гравюры 1848 г.

23-26
июня
1848 г.

ИЮНЬСКИЕ ДНИ В ПАРИЖЕ

Июньские дни 1848 г. были «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя» (Маркс).

Вот как описывали июньские события тогдашние парижские газеты:

«С сегодняшнего дня Париж представляет собой поле сражения (газета от 24 июня 1848 г.). С раннего утра на углу улицы Шарентон в Сент-Антуанском предместье была воздвигнута без малейшего сопротивления громадная баррикада почти в 10 футов высоты... Вскоре весь район Попенкур, улицы, примыкающие к каналу Сен-Мартен, были покрыты баррикадами, которые окружали Сент-Антуанское предместье как бы длинной стеной... Однако Сент-Антуанское предместье отстало от предместья Сен-Марсо, где баррикады строились уже ночью».

«В пятницу 23 июня, около 11 часов утра, вдруг раздались pistolетные выстрелы и сейчас же за ними последовали перекрестные ружейные залпы, та-

кие быстрые и решительные, что можно было подумать, будто встретились два врага, уже давно и с яростью искавшие друг друга. Это брали первую баррикаду у ворот Сен-Дени, увенчанную флагами национальных мастерских и знаменем с надписью: «Хлеба или смерти».

... Начиналась гражданская война, война социальная. Не надо скрывать от себя фактов: существуют два класса, и они хотят поглотить друг друга.

«В течение нескольких дней Париж представлял собой зрелище, не поддающееся никакому описанию. Гул пушечных выстрелов, ежесекундно следовавших друг за другом, грохот непрерывной перестрелки, то отрывистой, то длительной и упорной, несущей всюду смерть; вид этих артиллерийских ящиков со снарядами, ядер, всех этих орудий разрушения и кавалерии, несущейся галопом, крики Национальной гвардии, заграждающей проезды во всех улицах; раненые, ежеминутно проносимые на носилках; груды бинтов и корпии, готовившиеся у каждого порога; суровая стража, никому не позволяющая выходить из дому,—Париж,

с его площадями, улицами и бульварами, днем и ночью превращенный в какой-то бивуак».

26 июня в 2 часа дня после упорного сопротивления пало Сент-Антуанское предместье. Оно было последней опорой восставших. Началась кровавая расправа буржуазии.

«После сражения Париж находится в таком состоянии, в каком его не запомнит ни одна живая душа», писали газеты. «Если художники запечатлеют опустошения, вызванные этой войной, прежде чем будут произведены уже начатые работы по исправлению повреждений, тогда наши дети увидят не только стены, испещренные пулями, окна с разбитыми стеклами и рамами, сорванные и исковерканные вывески, фасады лавок, как бы изрубленные топором, железные и свинцовые желоба, сорванные и изломанные, но также и фасады домов, со следами бомб и гранат, зияющие отверстия, пробитые снарядами в каменных стенах; стенные скрепы, на три четверти вывороченные ядрами или взрывами пороха, которые привели бы эти дома к неминуемому падению, если б не подставленные наспех подпорки, наконец, ды-

мящиеся развалины здания, сравнявшегося с землей, подожженного артиллерией, на которое смотришь, содрогаясь при мысли о неповинных жертвах, быть может, погребенных под его развалинами. И если бы продолжалась эта ужасная война, если бы мины и подкопы приняли более широкие размеры, если бы взрывы участились, то обитатели Сент-Антуанского предместья были бы погребены в золе и развалинах». Вот июньская война 1848 г.

Июньское восстание парижского пролетариата было ответом рабочих на провокационную политику французской буржуазии.

Февральская революция 1848 года во Франции дала лишь буржуазную республику. Однако под давлением рабочих масс Парижа буржуазное временное правительство принуждено было объявить, что оно «обязуется обеспечить трудом всех граждан и организовать

национальные мастерские». В них могли находить работу рабочие, выброшенные на улицу промышленным кризисом 1847 г. В одном Париже было около 200.000 безработных. Но и национальные мастерские буржуазия сумела использовать против рабочего класса. Здесь рабочие самых разнообразных профессий ставились на тяжелые и непроизводительные земляные работы. Между тем содержание этих мастерских ежедневно обходилось до 70.000 франков. При общем хозяйственном кризисе и обнищании мелкой буржуазии буржуазия провокационно взваливала всю ответственность на рабочий класс, потребовавший создания нац. мастерских и желающих будто бы паразитически жить за счет мелких собственников. Крестьянство, негодовавшее на введение нового налога, буржуазия восстанавливала против пролетариата, убеждая, что взятые с крестьян деньги тратятся на содержание национальных ма-

стерских. Так пролетариат был изолирован от всех других классов. «В 1848 г. дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции» (Л е н и н). Тем временем буржуазия деятельно готовилась к тому чтобы нанести пролетариату решительный удар. В Париж были стянуты войска. Из деклассированных элементов была сформирована двадцатитысячная «подвижная гвардия» для охраны буржуазного правительства. Буржуазия хотела как можно скорее спровоцировать пролетариат на новое выступление, чтобы «покончить с рабочими». Такой провокацией было постановление о закрытии национальных мастерских, изданное 21 июня. «Рабочим оставалось или умереть с голоду или начать борьбу: другого исхода не было. Они ответили грандиозным восстанием: «июньскими днями» 1848 г.» (М а р к с).

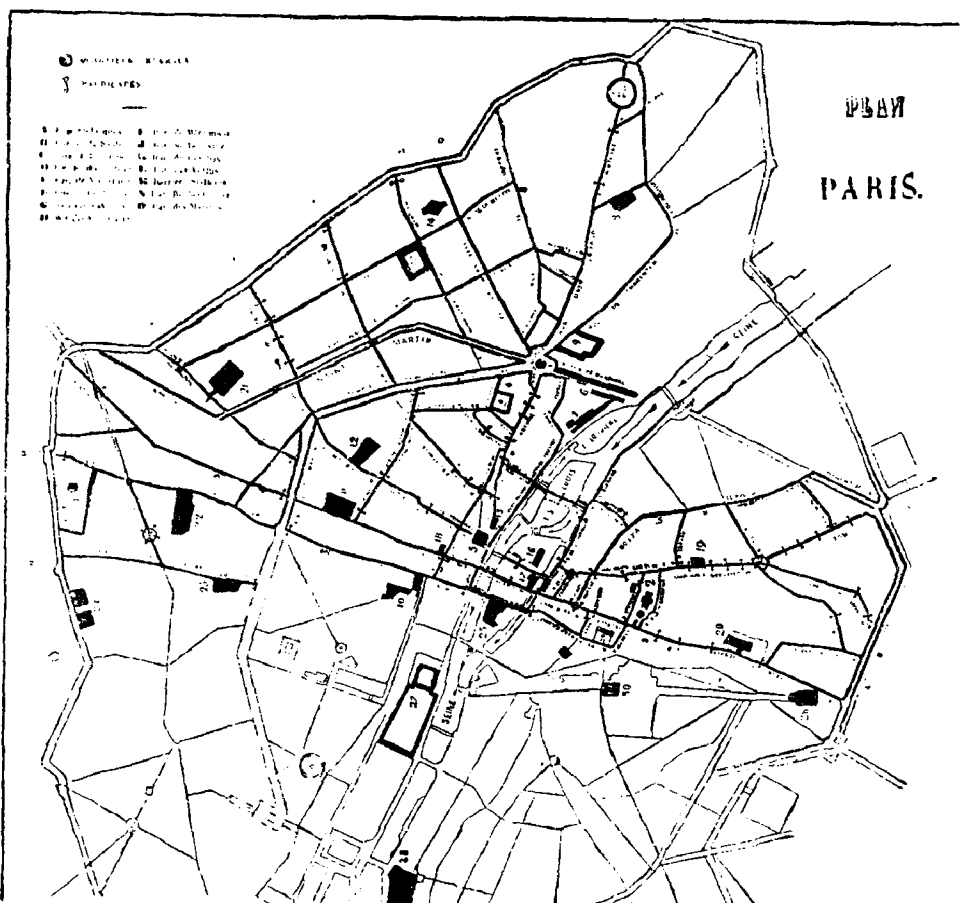
HISTOIRE DES 4 JOURS,

RECIT AUTHENTIQUE. DÉTAILLÉ. COMPLET.

DES ÉVÉNEMENTS DES 23, 24, 25, 26 JUIN 1848.

PAR UN OFFICIER D'ÉTAT-MAJOR.

PLAN DE BATAILLE DES INSURGÉS.

„История четырех дней“ — план боев в Париже, составленный офицером генштаба в 1848 г.

Арест К. Либкнехта

Рис. Рудольфа Шлихтера

28
июня
1916 г.

К ГОДОВЩИНЕ СУДА НАД К. ЛИБКНЕХТОМ

Пятнадцать лет назад, 28 июня 1916 г., в Берлине начался суд над К. Либкнехтом по обвинению в «государственной измене». Либкнехт был схвачен и арестован 1 мая, когда он шел во главе демонстрации рабочих, организованной «Союзом Спартака». С начала войны небольшая группа — Р. Люксембург, К. Либкнехт, Ф. Меринг, К. Цеткин и др. — начала свою борьбу против империалистической войны, и вокруг созданного ими «Союза Спартака» начали сплачиваться передовые, революционные элементы рабочего класса («Союз Спартака» повел нелегальную революционную работу в массах). Первым крупным успехом этой деятельности и была майская демонстрация 1916 г. Вопреки полицейским предосторожностям, вопреки предательским советам социал-шовинистов, рабочие массы откликнулись на призыв «Спартак», и 1 мая вышли на улицу около 10 тыс. рабочих демонстрировать свою интернациональную пролетарскую солидарность и свой протест против империалистической бой-

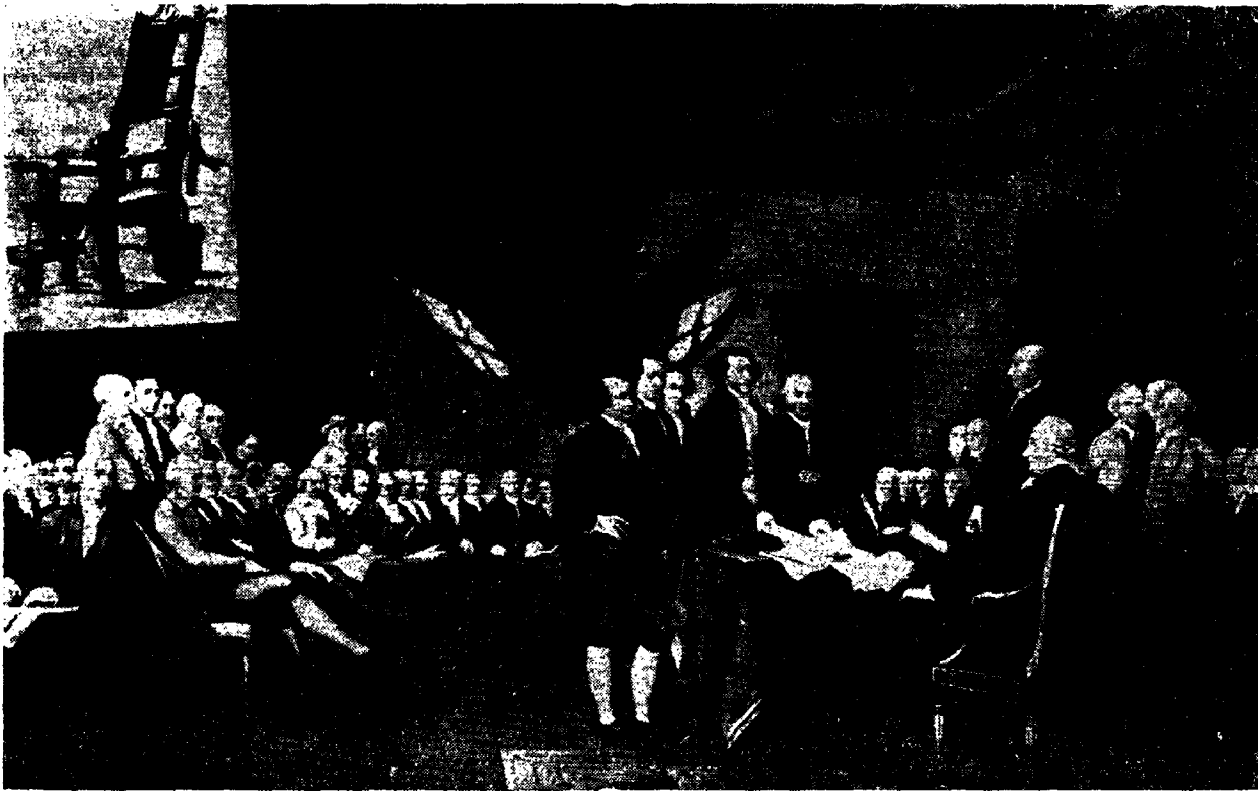
ни. Либкнехт шел во главе колонн демонстрировавших рабочих. Здесь на Потсдамской площади раздался его боевой клич:

— Долой войну! Долой правительств!

Буржуазия и правящие классы давно ждали случая для расправы с революционным борцом, осмелившимся 2 декабря 1914 г. единственным из всей социал-демократической фракции рейхстага поднять свой голос протеста против войны. Несмотря на свою депутатскую неприкосновенность он был выдан рейхстагом классовому суду. Но и на суде Либкнехт не свернул своего знамени и из обвиняемого превратился в обвинителя. «Я здесь для того, чтобы обвинять, а не защищаться. Не гражданский мир, а гражданская война — вот мой лозунг», заявил своим обвинителям Либкнехт. И когда наймиты классовой юстиции произнесли свой приговор (Либкнехт был приговорен к 2¹/₂ годам каторги и утере прав чести, а вторая инстанция 23 авг. 1916 г. повысила этот срок до 4 лет), Либкнехт

бросил своим судьям в лицо: «Ваша честь — не моя честь. Я говорю вам: ни один генерал не носил свой мундир с такой гордостью, с какой я буду носить свой арестантский халат».

На судебную расправу над К. Либкнехтом пролетариат Германии ответил политической стачкой и демонстрациями. В дни суда и вслед за ними в Берлине бастовало около 50 тыс. рабочих. Стачки и демонстрации протеста происходили в Бремене, Штутгарте, Брауншвейге и др. Этим была пробита первая брешь, рабочие массы пришли в движение. Следующие стачки в апреле 1917 г. и январе 1918 г. уже охватили сотни тысяч рабочих, они надломили твердыню германского империализма, подготовили ноябрьскую революцию. Знамя Либкнехта ныне крепко держит в своих руках Германская коммунистическая партия, под руководством которой рабочий класс Германии ведет мужественную и успешную борьбу за доведение дела К. Либкнехта до победного конца.

Подписание Декларации независимости. Сверху: Электрический стул.

4
июля
1776 г.

ПРИНЯТИЕ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИМИ КОЛОНИЯМИ

«Мы считаем само собой очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью», так начинается Декларация независимости, принятая 4 июля 1776 г. на конгрессе представителей северо-американских колоний, боровшихся за свою независимость от Англии. Войну за независимость Ленин называл одной из справедливейших и законнейших войн в истории человечества.

Со времени подписания этой Декларации прошло свыше полутора столетия. Из страны с 2¹/₂-миллионным населением, только еще вступающей на путь капиталистического развития, САСШ сделались мировым гигантом, одним из столпов современного нам монополистического капитализма, классической страной долларов, трестов и миллиардеров, недавно низвергнутой с вершины пресловутого «процветания» в бездну жесточайшего кризиса.

Но как в XVIII в., так в особенности в XX в. декларация служит лишь ширмой, прикрывающей деятельность правительства имущих классов.

В самом деле, даже в конституции 1787—89 гг., впервые про-

возгласившей революционные для той эпохи принципы, принятой вслед за признанием независимости Соединенных Штатов, утверждался принцип невольничества. Стыдливо избегая самого слова «невольник», американская конституция тем не менее устанавливала, что все население «кроме белых» будет считаться за три пятых белого. Здесь же указывалось, что ввоз невольников будет сохранен в течение 20 лет со времени принятия конституции и что пошлина на этот ввоз не будет превышать 10 долларов на человека. Так под диктовку южных рабовладельческих штатов Северной Америки с самого начала нарушался провозглашенный декларацией принцип «равенства»...

Подписывая эту конституцию, Вашингтон, первый президент Соединенных Штатов, сказал: «Следующая конституция будет подписана кровью». Он оказался прав. Самое главное из последующих изменений в американской конституции—отмена невольничества—вызвало четырехлетнюю гражданскую войну 1861—1865 гг. Она окончилась победой северных штатов. Формально невольничество было отменено... Но сам Авраам Линкольн, деятель «освобождения» говорил: «Я не имею ни малейшего намерения вводить

политическое и социальное равенство между белой и черной расой». И эти слова Линкольна до сих пор верно характеризуют американское «равенство».

Это ясно показал недавний суд над узниками Скоттсборо, когда восемь молодых негритянских рабочих были приговорены к смертной казни на электрическом стуле только за то, что они дали отпор фашистским хулиганам, пытавшимся выбросить их из вагона, потому что неграм-де не полагается ехать в одном вагоне с белыми.

Пролетариат меньше всего нуждается в том, чтобы буржуазная конституция предоставляла ему «право на восстание». Но если варварский приговор над восемью рабочими-неграми будет приведен в исполнение, каждый рабочий вправе будет напомнить озверевшей буржуазии статью из старой декларации:

«... Если данная форма правительства становится губельной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие по мнению того народа всего более могут способствовать его безопасности и счастью».

Первая стычка с конной полицией

15
июля
1927 г.

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ

Восстание в Вене поразило кое-кого, как гром среди ясного неба. Более сотни убитых, более тысячи раненых легли на улицах Вены. И это как раз в то время, когда теоретики буржуазии, в особенности из с.-д. лагеря, «утешали» мир разговорами об абсолютном характере стабилизации капитализма, о новом его этапе: «организованном капитализме». Особенно неожиданным показалось восстание и м е н н о в Вене, не видавшей таких боев с 1848г.; в Вене, муниципальное хозяйство которой воспевалось II интернационалом как образец «западно-европейского», «цивилизованного» социализма, противопоставлявшегося «грубым» и «варварским» большевистским методам. И именно венские рабочие, в огромной своей части члены с.-д. взяли за оружие как раз тогда, когда с.-д. вожди провозгласили устами Реннера, что дело идет «о последних 70/0» (на выборах в апреле 1927 г. австрийская с.-д. получила 1,5 млн. голосов — около 45% всех поданных голосов), т. е. остается чрезвычайно немного, чтобы получить большинство в парламенте и таким образом «завоевать» власть «мирным» путем.

Непосредственной причиной восстания было оправдание судом фашистов, убивших в январе 1927 г. двух рабочих (в местечке Шаттендорф). Известие

об оправдательном приговоре взволновало всю рабочую Вену. Немедленно после приговора суда вечером 14 июля начались стихийные демонстрации. Утром 15 июля также стихийно вспыхнула стачка, парализовавшая движение в Вене, остановившая большую часть крупных предприятий. Из рабочих районов направились демонстрации в центр, неся плакаты с лозунгами: «Долой классовую юстицию», «Мы протестуем против позорного приговора» и т. д. У зданий университета, парламента и Дворца юстиции демонстрация была встречена конной полицией, открывшей стрельбу по безоружным рабочим. Пытаясь защищаться, рабочие прибегли к постройке баррикад для преграждения пути полиции. Началась неравная борьба между безоружными рабочими и конной полицией, стрелявшей разрывными пулями дум-дум. Возмущение рабочих направилось, главным образом, против центров реакции: парламента, университета, Дворца юстиции. Последний вскоре был объят пламенем, подожжен рабочими, уничтожившими символ классовой юстиции. Попытки пожарных команд приблизиться к горевшему зданию долго терпели поражение вследствие сопротивления рабочих, на которых не подействовали и угрозы с.-д. бургомистра Зейца и

с.-д. депутата Юлиуса Дейча. Группы демонстрантов подожгли также здание ненавистных реакционных газет, разгромили ряд полицейских участков, забрали оружие из разгромленных оружейных магазинов. Лишь когда на помощь полиции пришла часть с.-д. шуцбунда и полиция пустила в ход пулеметы, рабочие вынуждены были отступить. Один за другим на окровавленные мостовые падали жертвы полицейской охоты.

В объявленной на осадном положении Вене стычки с полицией и расстрелы рабочих продолжались до глубокой ночи. С.-д. вожди прибегли к хитрому маневру. В своем воззвании они «призвали» рабочий класс к стачке (хотя стачка, вспыхнув стихийно, была уже в полном ходу), решив возглавить ее, чтобы ее обезглавить. Стремясь потушить восстание, отвести возмущение рабочих масс в мирное русло, с.-д. призвали рабочих к «молчаливой и достойной» однодневной стачке протеста, убеждая рабочих не показываться на улицах, «оставаться дома», «призывать всех нарушителей дисциплины к порядку» и пугая их немедленной интервенцией со стороны фашистской Венгрии и Италии, если рабочие будут продолжать борьбу. Этим ловким приемом услужливая с.-д. оказала существеннейшую под-

держку восстанавливавшей «порядок» полиции. Разоблачая эту игру, компартия Австрии призывала рабочих к вооружению, к продолжению стачки до окончательного уничтожения фашизма, к борьбе за рабоче-крестьянское правительство. Противоречие между гигантским и героическим размахом стихийного движения и отсутствием сильного революционного руководства привело к тому, что восстание было затоплено в крови. Роль австрийской с.-д. в восстании свидетельствовала о новом этапе фашизации партии, разыгрывающей роль «левого» крыла во II интернационале.

Венское восстание полностью подтвердило оценку Коминтерна о непрочном, колеблющемся, относительно характере капиталистической стабилизации, в течение которой противоречия капитализма неизбежно обостряются, классовая борьба

расширяется. Особенно глубоки эти противоречия в Австрии. В результате поражения на войне, распада австро-венгерской монархии и сен-жерменского договора Австрия оказалась карликовым государством, обремененным военными долгами, репарациями, огромным бюрократическим аппаратом, и с промышленностью, лишенной сырья и рынков сбыта. Вынужденная «помощь» со стороны Антанты, находившейся под угрозой социальной революции, Австрии (предоставление по женеvскому договору 1922 г. займа на условиях контроля хозяйственной жизни Австрии специальной комиссией Лиги наций) принесла лишь новое бремя рабочему классу Австрии, находившемуся теперь под гнетом двойной-тройной эксплуатации.

Венское восстание вскрыло всю глубину противоречий австрийского капитализма, из которых главное — невозмож-

ность самостоятельного существования карликового государства, долженствующего неизбежно превратиться в колонию более могучих империалистических хищников. Желательный для буржуазии, в том числе и с.-д., выход — присоединение (аншлюсс) к Германии — предусмотрительно закрыт послевоенными договорами. Попытка выскочить из рамок договоров, примером чего могут служить недавние переговоры об австро-германском таможенном соглашении, неизбежно терпят крах. Единственный выход, только не для австрийской буржуазии, а для австрийского пролетариата, указан австрийской компартией в ее программе национального и социального освобождения трудящихся. Этот выход, намеченный уже венским восстанием, — пролетарская революция и присоединение к советской Германии.

Вооруженные рабочие перед зданием суда

Е. Ф. ГРЕКУЛОВ. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. Изд. «Атеист». Тир. 10.000. Ц. 1 р.

Книга т. Грекулова представляет несомненный интерес не только для антирелигиозника, но и для историка. В ней собран большой фактический материал по вопросу о «русской церкви в роли помещика и капиталиста». Автор более или менее удовлетворительно разоблачил «христианское бескорыстие» церкви и вскрыл ее истинное, эксплуататорское лицо. Подчеркиваем: «более или менее удовлетворительно», ибо автор не дает четкого анализа классовой природы русской церкви, не показывает, что церковь в царской России (особенно до революции 1905 г.) являлась не столько опорой буржуазии, сколько крепостника-помещика. Но основным пороком работы Грекулова является ее великодержавно-уклонистский характер.

Проявляется этот великодержавно-уклонистский характер в трактовке т. Грекуловым роли церкви и монастырей в колонизации. Проблема колонизации является одной из важнейших проблем в истории России. Но проблему колонизации русская помещичья и буржуазная историография ставит и разрешает великодержавно-националистически. Она ее изображает как мирное «расселение и освоение». Для одних историков это «освоение» совершенно пустынных земель, для других — мирное проникновение на территорию других народов, благодарно чтущих в русских колонизаторах носителей цивилизации и культуры. Положение Ключевского о том, что происходило «заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев», является господствующим в русской буржуазной историографии. И в плену этой великодержавнической схемы оказался и т. Грекулов.

Тов. Грекулов достаточно убедительно разбивает поповских историков, видящих в церковной колонизации «стремление иноков к тишине и душевному спасению», и вскрывает экономические мотивы этой колонизации. Но во всей его работе нет ни слова о роли церкви как орудия национально-колониального угнетения. Читая у Грекулова о церковной колонизации Севера, Сибири и Украины, получаешь представление, что речь идет об «освоении» пустынь. Взаимоотношения церкви и туземного населения, жесточайшая эксплуатация этого населения «во имя Христа», насильственное обращение в христианство и прочие «прелести» церковной колонизации — все это отсутствует в книге Грекулова. В этом отношении она предста-

вляет шаг назад даже по сравнению с буржуазным великодержавно-националистическим историком Платоновым, в книжке которого «Прошлое русского Севера», помимо воли автора, прорвалось упоминание такого факта, что «распространяясь от первых становищ по берегу или в глубь страны, поселенцы покоряли себе инородцев,—«корельских детей» или «лоплю дикую», или же (восточнее) «самоядь», «примучивая» их к промыслу своего господина».

Царская Россия являлась одной из величайших колониальных империй. Ленин относил ее к числу шести «великих рабовладельческих держав». Колонизация являлась одной из основных частей колониальной политики царизма. VI конгресс Коминтерна совершенно правильно подчеркнул все значение «колониционных областей в деле создания колоний». Особенно большое значение это указание конгресса Коминтерна имеет для истории России и ее колоний. А в деле создания российской колониальной империи немаловажную роль сыграла церковь. Поп-миссионер, купец, солдат — такова троица колонизаторов, создателей империи. Вот этой роли церкви вообще, церковной колонизации в частности и особенности, в деле создания колониальной империи Романовых не показал т. Грекулов, в этом вопросе оказавшийся в плену у великодержавнической традиции.

Автор совершенно правильно назвал свою книгу «Русская церковь в роли помещика и капиталиста». Но показать, что эта церковь представляла господствующие классы господствующей нации, он не сумел, потому что не преодолел великодержавных влияний русской буржуазной историографии. Книга Грекулова показывает, насколько сильны еще великодержавные влияния в исторической и антирелигиозной литературе. Усиление борьбы с проявлениями шовинизма и уклонами в национальном вопросе — великодержавным, как основной опасностью на данном этапе, и с местным националистическим — одна из основных задач историков-марксистов.

М. В о л и н

В. БУШУЕВ. — Конспект по новейшей истории Запада. 6-ое исправл. и допол. изд. «Пролетарий», 1931 г.

Основное требование, которое предъявляется к учебнику по истории, заключается в том, чтобы исторический материал был пронизан политической целеустремленностью. Начиная изучать историю (а для него ведь предназначается книга) должен прежде всего полу-

чить вполне определенную, четкую установку в изучении исторических событий.

Этим требованиям конспект Бушуева не удовлетворяет. Прежде всего совершенно не приемлемы те установочные положения, которые даны в начале работы. Достаточно указать на следующее откровение Бушуева: «Истории, написанной с марксистской точки зрения, еще нет, и она в настоящее время не может быть написана» (стр. 4).

Целый ряд ошибок сделан в вопросе о периодизации истории. «Для удобства изучения историю делят на периоды», пишет автор в введении. «Бюхнер(?) делит историю на три эпохи: домашнего хозяйства, городского и народного, Маслов на пять эпох... Но общепринятой периодизации нет. Условно история делится на периоды: древняя история, средняя и новая».

Автор, претендующий на звание марксиста, очевидно, никогда не слышал об учении Маркса и Ленина об общественно-экономических формациях, которые не придуманы для «удобства изучения истории», а составляют объективные этапы исторического процесса.

«Новейшей историей мы называем эпоху промышленного капитализма». И дальше автор перечисляет характерные признаки этой эпохи. Но об эпохе империализма Бушуев даже не упоминает, совершенно обходя ленинские указания о периодизации новейшей истории. Таким образом, уже в введении к книге Бушуева мы имеем ряд крупнейших ошибок и промахов, обозначающих недопустимое извращение марксизма-ленинизма.

В самом конспекте допущен прежде всего ряд ошибок. Совершенно неверно, что «в эпоху реставрации закончился промышленный переворот во Франции» (стр. 41): он продолжался еще и при Второй империи. В. Бушуев совершенно извратил подлинный классовый смысл политики Бисмарка, когда пишет: «Бисмарк ввел всеобщее избирательное право с целью опереться на народные массы (!), тягставшие к единству против сепаратизма монархов» (стр. 92). Бисмарк, таким образом, превращен чуть ли не в вождя народной революции. Неверно либеральное утверждение, что во Франции после дела Дрейфуса у власти стала «прогрессивная буржуазия, приход которой к власти привел к ряду крупных реформ и сдвигов» (стр. 111). Совокупность этих мероприятий несколько изменила характер Франции». Это либеральное преувеличение так же неверно, как заявление, что в XX в. во Франции «рабочий класс не представлял собой компактной силы» (стр. 117).

Крупнейшие принципиальные ошибки автор совершил в той части учебника, которая посвящена империализму. Специальный раздел с характеристикой основных черт империализма не выделен. Характеристика империализма дана лишь в разделе «Причины и поводы мировой войны» (152 и сл. стр.) только для выяснения причин мировой войны, как будто для понимания особенностей внутреннего развития Европы не нужно знать основных особенностей империализма. Данное Бушуевым

понимание империализма не отражает, не исчерпывает собой основного в ленинской характеристике империализма, именно здесь не вскрывается, не подтверждается конкретным материалом то, что империализм—это паразитический, загнивающий, умирающий капитализм. Наоборот, в книге Бушуева есть ряд страниц, представляющих собой типичную, достойную буржуазного историка, апологию империализма; им очень сильно выпячиваются прогрессивные экономические явления, дается картина безграничного подъема производительных сил (стр. 98 и сл. о Германии; стр. 113 и сл. о Франции; стр. 130 и сл. об Англии). В характеристике Англии империалистической эпохи не подчеркнуто, что это эпоха загнивания английского капитализма; наоборот, в стиле буржуазных историков нарисована картина необычайной экономической мощи Англии: «Англия до сих пор является крупнейшим и могущественнейшим государством в мире», «Судьбы человечества тесно связаны с судьбами Англии» (стр. 128).

В еще более апологетическом духе выдержана глава об Америке. Автор пишет о «непрерывном улучшении условий жизни и труда в сравнении с Европой». «Отсутствие всяких сословных перегородок и предрассудков, выборность всех должностей, всеобщее хорошо поставленное образование открывают каждому (!) способному и энергичному человеку возможность улучшить свое личное положение. Ряд американских капиталистов вышел из рабочего класса» (стр. 221). Для методологии В. Бушуева отметим подчеркнутые им три особенности американского сельского хозяйства: 1) машинная техника, 2) открытие и применение новых культурных растений, хорошо поставленная борьба с вредителями, 3) совершенство способов массового транспорта с.-х. продуктов (стр. 211 и 212). Не известны ли автору указания Ленина еще на кое-какие особенности американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве, кроме подчеркнутой в конспекте «противохолерной сыворотки для свиней»?

Автор дает самую суммарную характеристику рабочего движения и притом совершенно неверную. Достаточно указать на его характеристику II интернационала. Автор взял весь Интернационал в целом, не выделив в нем основных течений. Результатом такого подхода явились две совершенно противоречащие оценки.

«Крупная заслуга II интернационала заключается в том, — пишет автор, — что он был марксистским, что он формально стоял на почве классовой борьбы, что своей целью он ставил завоевание политической власти пролетариатом, что он в общем и целом правильно наметил основную тактическую линию по отношению к войне, к милитаризму (стр. 150).

При объяснении же краха Интернационала в главе о войне автор утверждает, что главным недостатком и пороком II интернационала был оппортунизм, сущность которого заключается в притуплении классовой борьбы, в отказе от

классовой точки зрения, соглашение с буржуазией и т. д.» (стр. 163).

По этой характеристике II интернационала можно судить о глубине анализа рабочего движения в эпоху империализма, «основного фактора современной жизни», как отмечает сам автор. Такую же беспомощность автор обнаруживает и в объяснении социальных корней оппортунизма. В качестве первой причины он указывает: «империализм, грабеж колоний, дающий буржуазии великих держав возможность подкупать верхушку рабочих», в качестве «другой, вторичной причины — попутчиков рабочей бюрократии и рабочей аристократии».

Совершенно отрицается международная роль большевиков и Ленина в довоенный период. «До войны, — утверждает Бушуев, — Ленин был лишь вождем русских большевиков... С начала войны Ленин становится вождем международного рабочего движения» (стр. 167).

Ряд грубых ошибок допущен, наконец, автором в главах о послевоенной истории, хотя самое включение их в конспект является, несомненно, крупным его преимуществом. Освещающая вопрос о причинах поражения германской революции, автор пишет в полном противоречии со всеми установками Коминтерна: «Причины поражения германской революции лежат в экономике послевоенной Германии, в политической и классовой зрелости германской буржуазии. Окончание войны в Германии сопровождалось не кризисом, а экономическим подъемом» (стр. 179). И все! О предательской роли социал-демократии ни слова.

В результате соглашения Стиннеса с Лигиным, предававшим революцию, каким-то образом у Бушуева получается, что «каждый рабочий на фабрике почувствовал, что самовластием капиталистов пришел конец» (стр. 180). В 1931 г. при правительстве Брюнинга в «исправленном» издании книги совершенно нетерпима характеристика католического центра как партии, которая «искренно примкнула к республике и стала превращаться в демократическую мелкобуржуазную партию» (стр. 177).

Сбивчиво и противоречиво излагает автор классовую природу фашизма: «Фашизм — нелегальное (?) средство борьбы (для крупной буржуазии)... Однако по социальному составу фашизм должен быть признан мелкобуржуазным движением». «Фашизм вслед за своей победой приходит к политическому банкротству» (стр. 203). На одной и той же странице (206) автор утверждает, что в Германии «со времени введения плана Дауэса фашизм слабеет» и что «реальная власть в Германии находится в руках фашистов».

Даже разбойничью суть Лиги наций Бушуев не сумел со всей ясностью подчеркнуть. В советском учебнике зачем-то сказано что Лига наций регистрацией договоров сделала «шаг к уничтожению тайных договоров (!) на Лигу наций возложены обязанности по охране прав национальностей» (стр. 186). Конечно, Бушуев делает десятки оговорок об империализме Лиги наций и все-таки у него прорыва-

ется либерально-оппортунистическое социал-демократическое утверждение, что «программа Лиги наций и XIII гл. версальского договора являются характерным отражением влияния пролетариата» (стр. 192).

Учебник Бушуева в силу его конспективности (на стр. 234 изложена вся история Запада — от Великой революции до фашизма) пользуется, к сожалению, большим распространением среди масс молодежи. Мы считаем, что при наличии всех подчеркнутых глубоко оппортунистических ошибок книга не может быть в таком виде использована в качестве учебного пособия.

А. Остальцева и С. Сингалевич

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Литературное наследие. Том третий. Письма. Составлен Н. А. Алексеевым и Н. М. Чернышевской-Быстровой под ред. и с предисл. Л. Б. Каменева. М.: Л. ГИЗ. 1930.

Этим томом заканчивается чрезвычайно ценное издание неопубликованного литературного наследия великого социалиста-утописта Н. Г. Чернышевского. В том вошли, главным образом, письма Чернышевского и к Чернышевскому за период 1883—89 гг. В это время Чернышевский вернулся из сибирской ссылки. Царские сатрапы, сторожившие в Сибири великого революционера, сообщили по начальству, что у Чернышевского «полное ослабление умственных сил» и поэтому он уже не опасен царскому правительству. Но материал, опубликованный в настоящем томе, показывает, что подобное утверждение было ложью царских приспешников. Как ни тяжела была ссылка для Чернышевского, она не смогла сломить в нем революционера.

Письма 1883—1889 гг. не оставляют сомнений, что вернувшийся из ссылки Чернышевский имел разработанный план своей просветительной революционной работы: он обдумывал ряд трудов по истории русской журналистики, работал над огромным трудом по всемирной истории, который хотел осуществить, из конспиративных соображений, под видом «переделки» истории Вебера, создал план издания русской материалистической энциклопедии.

Ленин указывал на то, что Чернышевский умел даже статьями, проходившими царскую цензуру, воспитывать подлинных революционеров, — ту же работу намерен был выполнять Чернышевский и после Сибири. Болезнь и скорая смерть (1889 г.) помешали ему выполнить целиком свой обширнейший план.

В публикуемых письмах имеется много высказываний Чернышевского по значительным философским и историческим вопросам. Отметим, например, мысль Чернышевского по национальному вопросу: «Нет никаких удобовосприимчивых нашему наблюдению различий в умственной или нравственной организации черной, желтой и белой рас. Всякое объяснение какого бы то ни было исторического факта особенностями умственной или нравственной организации рас — дикая фантазия, отвергаемая наукой» (стр. 227).

М. Нечкин

КАК ЗАНИМАТЬСЯ ИСТОРИЕЙ

Б М—с

ЧТО ЧИТАТЬ ОБ ИСПАНИИ

Литература по Испании на русском языке исключительно ограничена. Это относится как к марксистской, так и к немарксистской, как к дооктябрьской, так и к послеоктябрьской литературе. Поэтому приходится указывать, с одной стороны, и немарксистскую литературу, а с другой стороны, указывать даже на газетные статьи.

Революция в Испании происходит не впервые. На протяжении XIX в. там происходило не менее пяти революций. Они происходили в следующие годы: 1) 1808-14 гг.—в связи с борьбой против французского владычества; 2) 1820-23 гг.; 3) 1834-43 гг.—закончившаяся провозглашением республики ген. Эспартеро; 4) 1854-56 гг.; 5) 1868-74 гг.—тоже приведшая к кратковременной буржуазной республике 1873-74 гг. Для того чтобы полностью понять характер нынешней испанской революции и понять, почему буржуазно-демократическая революция в Испании так запоздала, необходимо хотя бы вкратце ознакомиться с историей испанских революций XIX в. и с причинами их неудачи. Как раз по истории этих революций мы имеем труды основоположников марксизма—Маркса и Энгельса. Так, Маркс опубликовал в 1854 г. в нью-йоркской газете «Нью-Йорк Трибюн» серию статей об испанских революциях XIX в. Эти статьи собраны и опубликованы под общим заголовком «Испанская революция» в т. XI собр. соч. Маркса и Энгельса. В этих статьях Маркс останавливается на первых трех революциях и на начале четвертой. Особенно подробно он анализирует первую революцию. Местами он касается и более ранней истории Испании, которая марксистскую мысль до сих пор почти не занимала.

Как бы естественное продолжение этих работ Маркса представляет статья Ф. Энгельса «Бакунисты за работой». В этой статье Энгельс освещает революцию 70-х годов, причем особенно подробно останавливается на роли анархистов. Он разоблачает, как они своей «политикой аполитичности» фактически помогали буржуазии. Это особенно интересно потому, что сейчас анархисты в Испании выполняют точно такую же роль. Других марксистских работ по истории Испании, к сожалению, нет.

Из немарксистских работ по истории Испании можно указать следующие: 1) В. К. Пискорский—«История Испании и Португалии» изд. Брокгауза и Эфрон, СПб, 1902 г. В этой книге в очень сжатом виде излагается история Испании и Португалии, начиная со II в. нашей эры. 2) Проф. Ш. Сеньобос—«Политическая история современной Европы», т. I, ГИЗ, 1923. В этом томе глава X посвящена Испании и Португалии. В ней изложена испанская история XIX в. 3) Наконец, для ознакомления с историческими фактами можно рекомендовать статьи по Испании в энциклопедических словарях Брокгауза и Эфрона (т. XXV) и Граната (т. XXII)). Конечно, всеми этими немарксистскими работами следует пользоваться только как фактическим материалом, подходя к ним сугубо критически.

Значительно полнее литература по рабочему движению (в послевоенный период) в Испании. Наиболее богатый материал можно найти в изданном Профинтерном большом шеститомном справочнике под редакцией А. Лозовского «Мировое профессиональное движение» (ГИЗ). В т. III (изд. 1926 г.) очень много места отведено Испании. Отдельные брошюры по профдвижению Испании изданы Профинтерном—брошюры Нина и Маурина. Большая статья Нина об испанском профдвижении опубликована в специальном томе о «Мировом рабочем движении» в энциклопедии изд. Граната. Наконец, этим же Ниним написано большинство статей и обзоров в журнале «Красный интернационал профсоюзов» за 1922—26 гг. Однако при ознакомлении с произведениями Нина и Маурина следует иметь в виду, что, хотя оба они и были членами компартии, однако они никогда не изживали полностью анархо-синдикализма, от которого они временно к нам пришли, и что сейчас оба являются троцкистами. Поэтому к их произведениям следует относиться критически, а главное, иметь в виду, что они склонны затушевывать оппортунизм Национальной конфедерации труда и преувеличивать ее революционное значение. Об испанской компартии можно найти материал в специальном справочнике «Партии Коммунистического Интернационала», изданном под ред. т. Петровского в 1928 г. ГИЗ. Для более детального ознакомления со всем после-

военным революционным движением в Испании следует просмотреть комплекты журналов «Коммунистический Интернационал» с 1919 г. и «Красный интернационал профсоюзов» с 1920 г., ибо никакой подробной сводной работы о послевоенном революционном движении в Испании пока, к сожалению, нет. Укажем лишь на наиболее важные статьи в этих журналах за последние два года.

В «Коммунистическом Интернационале»:

М. Гарланди «Политическое положение в Испании и ближайшие задачи компартии» (№ 4 за 1930 г.);

М. Гарланди «Конференция в Памплоне и ближайшие задачи испанской компартии» (№ 13-14 за 1930 г.);

Г. Трилья «Революционное движение в Испании и задачи испанской компартии» (№ 34-35 за 1930 г.)

В журнале «Красный интернационал профсоюзов» можно рекомендовать следующие статьи о профдвижении: Л. Дельваль «Борьба пролетариата и профсоюзное движение в Испании» (№ 12 за 1930 г.); Н. Н.—«Профдвижение в Испании» (№ 10 за 1931 г.).

О событиях, предшествовавших апрельской революции, и об испанском фашизме можно найти материал в следующих книгах и статьях. В «Коммунистическом Интернационале»: Э. Пелузо «Испанский фашизм» (№ 18 за 1929 г.); Г. Трилья «Испания в 1930 г.» (№ 1-2 за 1931 г.).

В «Красном интернационале профсоюзов»: Л. Дельваль «Декабрьские дни в Испании» (№ 2 за 1931 г.); его же «Послевоенная Испания» (№ 10 за 1931 г.). Можно использовать также работу Г. Сандомирского «Теория и практика международного фашизма», ГИЗ, 1929 г.

Характеристике этих событий, равно как и самой испанской революции, посвящено не-

сколько недавно вышедших работ. А. Лозовский «Движущие силы испанской революции и задачи испанского пролетариата», изд. ВЦСПС, 1931; Г. Трилья «Положение Испании и революционная борьба пролетариата», ОГИЗ, 1931; Дм. Лебедев «Огни на Пиренеях», изд. ВЦСПС, 1931; Б. Минлос «Испанская революция», МАИ, 1931.

Из статейного материала можно указать: № 13-14 журнала «Коммунистический Интернационал» за 1931 г. с передовой ст. «Испанская компартия в революционной обстановке» и ст. Ж. Шаварош «Фиолетовая республика и буржуазно-демократическая революция в Испании». Рекомендуем внимательно перечитать статьи Н. Майорского «Испанская революция» («Правда», 7 и 10 мая 1931 г.)

№ 10 журнала «Красный Интернационал профсоюзов» (май 1931 г.) целиком посвящен самой революции, послевоенному развитию Испании, профдвижению, аграрному вопросу, национальному вопросу. Всего в номере шесть специальных статей.

К сожалению, очень мало исследована у нас испанская экономика.

Здесь приходится указать, главным образом, на статьи в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика»: Браганца Кунья (№ 2-3 за 1927 г.) и Ж. Шаварош (в № 8-9 за 1929 г.). Несколько глав испанскому хозяйству отведено и в упомянутой книге Б. Минлоса «Испанская революция». В ней же, в брош. Г. Трилья, в его же статье «На путях испанской революции» («Правда», 25/IV и 28/IV) и в кн. Е. А. Адамова «Испания и Португалия» («Современная география», под ред. И. Майского, ГИЗ, 1925 г.) можно найти сведения об экономической географии Испании, ее хозяйстве, дореволюционном общественном строе. Можно использовать также статьи об Испании в т. III Малой советской энциклопедии.

„Борьба классов“ будет помогать своим читателям в изучении истории, давать ответы на все индивидуальные и коллективные запросы. В отделе „Как заниматься историей“ будут систематически печататься указания, что и как читать по наиболее важным, актуальным историческим вопросам.

Создавайте на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на рабфаках и фабзавучах кружки читателей „Борьбы классов“!

Н. ЛУКИН

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

Институт истории Комкакадемии является крупнейшим в Союзе учреждением, которое ставит себе двойную задачу—подготовку новых кадров научных работников по соответствующим специальностям и теоретическую разработку проблем классовой борьбы пролетариата. В соответствии с этим институт распадается на два больших отдела—учебную часть и часть научно-исследовательскую. Осуществившееся в мае текущего года слияние института истории Комкакадемии и исторического отделения Института красной профессуры значительно расширяет перспективы работы учебной части нового объединенного института. Достаточно будет указать, что с ближайшего академического года число аспирантов института вырастает от 175 до 274 чел. К трем уже существующим отделениям (западному, истории народов СССР и восточному) с начала будущего учебного года присоединяется профессиональное отделение, ставящее своей задачей подготовку квалифицированных работников для ВЦСПС, областных и районных центров, а также и для Профинтерна. В настоящее время почти закончен пересмотр учебных планов по всем четырем отделениям, предпринятый на основе директив, указанных в постановлении ЦК партии по докладу Комкакадемии. Срок пребывания аспирантов в Институте трехгодичный, причем более узкая специализация начинается со второго курса.

Особое внимание должно быть уделено в предстоящем академическом году организации производственной практики аспирантов. Для аспирантов первого курса эта производственная практика будет осуществляться в форме преподавательской работы; аспиранты второго и третьего курсов будут проходить производственную практику в соответствующих отделах Коминтерна и Профинтерна, в институте Маркса—Энгельса—Ленина, в Центроархиве, в Комиссии по изданию документов мировой войны и в БСЭ.

В связи с значительным изменением социального состава аспирантуры, орабочением ее, учебной части института придется обратить сугубое внимание на изменение методов преподавания. В целях получения аспирантских

кадров организован специальный институт по заочному обучению; кроме того, будущие аспиранты института рекрутируются из организованного для всех институтов Комкакадемии специального института кадров.

В связи с расширением кадров аспирантуры предстоит значительное оживление и научно-исследовательской работы института. С третьего курса учебная работа аспирантов тесным образом увязывается с научно-исследовательской работой соответствующих секций института. Таких секций в составе института в настоящее время шесть: секция докапиталистических формаций, промышленного капитализма, империализма, истории пролетариата СССР, истории народов СССР и методологическая. Но в связи с осуществлением того поворота на западном участке исторического фронта, неотложность которого признана недавно закончившейся дискуссией, институту придется обратить особое внимание на секцию империализма, а также добиться оживления в работе методологической секции, которая до сих пор почти не проявляет признаков жизни.

В основу переработанных согласно решениям ЦК партии по докладу Комкакадемии производственных планов как всего института в целом, так и его отдельных секций положен принцип коллективной разработки теоретических проблем, связанных с актуальными задачами, выдвигаемыми партией и Коминтерном, с социалистическим строительством в СССР и классовой борьбой мирового пролетариата на данном этапе. Так, например, секция истории пролетариата СССР включила в свой производственный план разработку истории двух крупнейших московских заводов, Трехгорной мануфактуры и «Серп и молот», изучение проблемы «нового в рабочем классе», а ее подсекция по истории профдвижения будет занята разработкой такой актуальной проблемы, как «партия в борьбе на два фронта в истории профдвижения». Секция по истории империализма организовала группу по изучению истории социалфашизма и группу по изучению проблем внешней политики эпохи империализма.

Как можно определить задачи профсоюзов при диктатуре пролетариата по Ленину? Профсоюзы при диктатуре пролетариата являются школой административно-технического управления, школой, вовлекающей всю массу рабочих в социалистическое строительство. Непонимание роли профсоюзов при диктатуре пролетариата как школы управления лежит в основе оппортунистических установок в этом вопросе.

Тов. Шульга, возражая т. Нюренбергу указала, что он суживает роль и значение профсоюзов как школы коммунизма в целом. Нельзя говорить о профсоюзах только как о школе административно-технического управления. Это в корне неправильно. Огромна роль профсоюзов и как школы воспитания. Совершенно неслучайно XVI съезд партии напомнил о решении XI съезда партии о профсоюзах.

Тов. Анатолийев сосредоточил свои выступления на проблеме конструирования пролетариата в связи с вопросом об истоках профдвижения. Он развил и дополнил точку зрения д. Кладника, что только стачечное движение дало начало пред- истории профессионального движения.

Тов. Фрейдлин говорил о проблеме завоевания масс и единого фронта снизу, взяв для этого отдельные моменты из исторического опыта 1917 г., в частности из опыта фабзавкомского движения и борьбы за рабочий контроль.

Рабочий контроль являлся экономической политикой нашей партии и рабочего класса на путях к социалистической революции. В борьбе за рабочий контроль, объединенный в свои массовые экономические организации, руководимый ленинской партией, российский пролетариат закалился, прошел огромную школу хозяйствования, школу управления, школу коммунизма.

Тов. Пионтковский указал на неотложную необходимость принятия коллективом историков за разработку истории профдвижения в период гражданской войны. Эта тематика в высшей степени политически актуальна, так как разработка ее даст материал, необходимый западно-европейскому пролетариату.

В прениях по докладу высказалось до двадцати тозаришей. Доклад и прения показали, что основной кадр историков рабочего профессионального движения сложился, что разработка ленинской истории профессионального движения дело недалекого будущего.

К 20-ЛЕТИЮ ЛЕНСКОГО РАССТРЕЛА

Секцией истории пролетариата института истории Ком академии выделена бригада по подготовке изданий, посвященных двадцатилетию ленинского расстрела. Будут изданы новые неопубликованные документы, ряд работ исследовательского характера по истории ленинского расстрела, библиография вопроса и т. д. В материалах и статьях будет освещено положение рабочих ленинских приисков наряду с их героической борьбой и историей ленинских событий. Ряд статей посвящается тому подъему рабочего движения, который охватил царскую Россию после ленинского расстрела. Будут подготовлены работы по истории пролетариата ленинских приисков в межреволюционный период, в Февральской и Октябрьской революциях, а также в годы гражданской войны, в восстановительный и реконструктивный период.

В целях устранения параллелизма в работе научных учреждений, подготавливающих аналогичные издания, секция истории пролетариата предполагает объединить и согласовать всю ведущую работу и призывает соответствующие научно-исторические учреждения связаться с указанной бригадой.

Редакционная коллегия: В. Далич, Х. Лурье, Л. Мехлис, А. Панкратова (отв. секретарь), М. Н. Покровский (отв. редактор), Н. Н. Попов, Ем. Ярославский (зам. отв. редактора).

ЛЕНИН КАК ИСТОРИК

В институте аспирантуры Белорусской академии наук с декабря 1930 г. работает исторический семинар «Основные проблемы истории XIX и XX вв. в освещении Ленина».

По плану должны быть разработаны следующие темы:

1. Проблема промышленного переворота в постановке Ленина.

2. Проблема двух путей развития по Ленину.
3. Буржуазно-демократические революции в Зап. Европе в освещении Ленина.

4. Ленин о Парижской коммуне.
5. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую по Ленину.

6. Проблема перерождения II Интернационала в ленинской постановке.

7. Ленин о рабочем движении эпохи войны.
8. Послевоенные революции в Зап. Европе (1918—1921 гг.) в освещении Ленина.

Как видно из этого перечня, темы взяты, главным образом, под углом зрения истории Запада. Это объясняется тем, что в семинар входят, главным образом, аспиранты, работающие над историей Запада. Уже сейчас проработано шесть тем.

Ввиду того что семинар по этой программе ставился впервые, он столкнулся вначале с большими трудностями в работе. Докладчики по первым темам давали общее изложение проблемы с привлечением цитат из Ленина. С ходом работы участниками семинара была усвоена главная задача семинара. Доклады и прения ставят своей задачей выяснение того, как Ленин подходил к данной проблеме, что нового внес он в ее изучение.

Было бы чрезвычайно полезно организовать на страницах «Борьбы классов» обмен опытом семинаров «Ленин как историк», если таковые еще где-либо существуют.

Е. Ривлин

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Археологическая комиссия Академии наук СССР издала два тома «Крепостная мануфактура в России». Оба тома посвящены XVII в. В августе выйдет III т., посвященный прядильно-ткацким мануфактурам гор. Москвы за XVII в. В сентябре выйдет том с 6 000 анкет крепостных рабочих первой половины XVIII в.

Комиссия сдала в печать: 1) библиографию по истории народов СССР, ч. I, эпоха феодализма и 2) материалы по истории народов Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана.

В июле выйдут из печати: 1) колониальная политика царизма в Татарии и 2) хозяйство крупного феодала-вотчинника (архив Б. И. Морозова).

Совместно с Академией по истории материальной культуры подготавливается к печати первый том материалов по истории техники в России.

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

Сектор истории Коминтерна при Институте Ленина подготавливает к печати сборник о циммервальдском движении. В сборник должны войти статьи: т. Д. Баевского — Большевики и циммервальдская левая; Г. Вакса — Образование германской коммунистической партии; С. Баятке — Циммервальдское движение в годы мировой войны во Франции; А. Манфреда — Циммервальдское движение в Швейцарии; Де-Лев — Голландские левые в годы мировой войны.

Подписная цена: 1 год — 10 руб., 6 мес. — 5 руб. 50 коп., 3 мес. — 3 руб.

Уполн. Главлита В 8709 „Интернац.“ (3Э) тип., ул. Скворцова-Степанова, 3. Заказ 931. Тираж 15.000